

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 4 (7) / 2017

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ,
ОБЩЕСТВЕННЫЕ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВОЛОГДА
2017

№ 4 (7) / 2017 / НОЯБРЬ. Выходит 4 раза в год.

Научный журнал «Вестник ВоГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г.

Полносетевые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе

Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Направления: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей:

07.00.00 Исторические науки

10.01.00 Литературоведение

09.00.00 Философские науки

10.02.00 Языкознание

13.00.00 Педагогические науки

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-71413 от 17 октября 2017 г.

Главный редактор

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Заместитель главного редактора

Н.А. Ястреб, доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ

Ответственный редактор

Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ

Редакционная коллегия:

О.Е. Баксанский, доктор философских наук, профессор Института философии РАН,

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

К. Вашик, доктор наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ, директор Института иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете г. Бохума (Германия), почётный доктор ВоГУ,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,

С.М. Кибардина, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Н.Б. Розова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ,

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ,

Е.Б. Якимова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ

Переводчик – *Ю.Н. Драчёва*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Редактор – О.М. Ванчугова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55

<http://www.vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@mh.vstu.edu.ru

ISSN 2500-2457

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2017

Содержание

<i>Ильина Е.Н.</i> МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА.....	5
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алексенко М.А.</i> ВЛИЯНИЕ ИММИГРАЦИИ НА КРИМИНОГЕННУЮ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИИ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В 2000–2016 ГОДАХ: ФАКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ	8
<i>Воропанов В.А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ЕКАТЕРИНЫ II КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА	14
<i>Камкин А.В., Черкасова М.С.</i> СЕВЕРНОМУ ОТДЕЛЕНИЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ – 50 ЛЕТ	19
<i>Карпов С.Г.</i> ПРОФСОЮЗЫ И ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-е ГОДЫ	31

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Баксанский О.Е., Скоробогатова А.В.</i> ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНТНОГО СОЦИОПРИРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	35
<i>Ковтун К.В.</i> СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК	42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ганин В.Н.</i> КТО ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛ ШЕКСПИРОМ?	49
<i>Сноу Ф.</i> ИГОРЬ ШАЙТАНОВ, <i>ШЕКСПИР</i> (НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)	53
<i>Шайтанов И.О.</i> ШЕКСПИРОВСКАЯ БИОГРАФИЯ КАК ЖАНРОВАЯ ПРОБЛЕМА.....	58

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Зорина Л.Ю.</i> ОБ ИЗУЧЕНИИ ГОВОРОВ УСТЬ-КУБИНСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	62
<i>Карпова В.В.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА <i>ЧУДО</i> В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ XIX–XXI ВВ.).....	68
<i>Осипова К.В.</i> <i>КИСЕЛЬ</i> НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ОСНОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА.....	72
<i>Тихов Н.А.</i> МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА Г. ВОЛОГДЫ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	79

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Масляков В.В., Толочкова Т.Н., Толочкова А.Н.</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА	85
<i>Халвицкая О.Л., Розова Н.Б.</i> МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ	88

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Колесова И.Е.</i> ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МОИ ПЕНАТЫ. РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ»	92
<i>Никитин О.В.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «DIMENSIONS OF AGEING / АСПЕКТЫ СТАРЕНИЯ» (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО УНИВЕРСИТЕТА ОСЛО, 27 СЕНТЯБРЯ 2017 г.)	93

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Ильина Е.Н.</i> «НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ»: ОТЧЕТ О РАБОТЕ ПО ГРАНТУ ВОЛОГОДСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.....	95
<i>Адаменко О.Н.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЧЕРКАСОВА М.С. СЕВЕРНАЯ РУСЬ: ИСТОРИЯ СУРОВОГО КРАЯ XIII–XVII ВВ. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2017. 255 с. (НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ)	97
<i>Егорова Л.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СИДОРОВА О.Г. ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕБНИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗД-ВО УРАЛ. УН-ТА, 2016. 172 с. (Б-ка журнала QUAESTIO ROSSICA).....	99
<i>Красильников Р.Л.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ФАУСТОВ С. ГУМАНИТАРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ. [Б. м.]: Издательские решения, 2016. 85 с.	103
<i>Швецова Н.В.</i> ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВЫХ ИЗДАНИЙ К ЮБИЛЕЮ КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА.....	104
Сведения об авторах.....	106

Contents

<i>Ilyina E.N.</i> YOUTH IN SCIENCE: AN OPINION ON THE PROBLEM IN THE CONTEXT OF THE MODERN CONDITIONS OF THE REGIONAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION.....	5
HISTORY	
<i>Aleksenko M.A.</i> INFLUENCE OF IMMIGRATION ON THE CRIMINOGENIC AND ETHNOPOLITICAL SITUATION IN THE ORENBURG REGION IN 2000-2016: FACTORS OF RELIGIOUS RADICALIZATION.....	8
<i>Voropanov V.A.</i> REALIZATION OF THE JUDICIAL REFORM OF CATHERINE II AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF LEGAL CULTURE OF THE POPULATION OF VOLOGDA NAMESTNICHESTVO	14
<i>Kamkin A.V., Cherkasova M.S.</i> THE 50 YEARS JUBILEE OF THE NORTHERN BRANCH OF THE ARCHEOGRAPHIC COMMISSION	19
<i>Karpov S.G.</i> TRADE UNIONS AND THE PROTEST MOVEMENT OF WORKERS OF THE VOLOGDA REGION IN THE 1990s.....	31
PHILOSOPHY	
<i>Baksansky O.E., Skorobogatova A.V.</i> EDUCATION IN THE CONDITIONS OF CONVERGENT SOCIAL AND NATURAL INTERACTIONS	35
<i>Kovtun K.V.</i> SOCIAL COMMUNICATION AS THE BASIS FOR CATEGORIAL TRANSFORMATION OF SOCIAL SCIENCES	42
LITERARY STUDIES	
<i>Ganin V.N.</i> WHO WAS IN REALITY SHAKESPEARE?	49
<i>Snow P.</i> IGOR SHAITANOV, <i>SHAKESPEARE</i>	53
<i>Shaytanov I.O.</i> SHAKESPEARE'S LIFE, AND BIOGRAPHY AS A GENRE PROBLEM	58
LINGUISTICS	
<i>Zorina L.Yu.</i> ON STUDYING THE DIALECTS OF UST-KUBINSKY DISTRICT OF VOLOGDA REGION.....	62
<i>Karpova V.V.</i> LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTATION OF <i>MIRACLE</i> CONCEPT IN RUSSIAN FAIRY TALES (BASED ON VOLOGDA REGION TEXTS OF THE 19 th – 21 st CENTURIES).....	68
<i>Osipova K.V.</i> <i>KISSEL</i> IN THE RUSSIAN NORTH: BASIC SEMANTICS AND ETHNOCULTURAL SYMBOLS	72
<i>Tihov N.A.</i> VOLOGDA MUSIC JOURNALISM: TRENDS OF ITS DEVELOPMENT AND LANGUAGE.....	79
PEDAGOGY	
<i>Maslyakov V.V., Tolochkova T.N., Tolochkova A.N.</i> SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL MOTIVATION OF MEDICAL SCHOOL STUDENTS.....	85
<i>Halvitskaya O.L., Rozova N.B.</i> THE MODEL OF RESEARCH ACTIVITIES OF SCHOOLCHILDREN IN TEACHING PHYSICS	88
ACADEMIC LIFE OF THE UNIVERSITY	
<i>Kolesova I.E.</i> THE REPORT ON MY PENATES. RUSSIAN PROVINCE AND ITS ROLE IN THE HISTORY OF CULTURE SCIENTIFIC CONFERENCE	92
<i>Nikitin O.V.</i> <i>DIMENSIONS OF AGEING</i> INTERNATIONAL SCIENTIFIC SEMINAR (ST. PETERSBURG REPRESENTATIVE OFFICE OF THE UNIVERSITY OF OSLO, 27 th SEPTEMBER 2017)	93
SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS	
<i>Ilyina E.N.</i> <i>FOLK SPEECH OF THE VOLOGDA REGION</i> : SCIENTIFIC REPORT ON THE GRANT OF VOLOGDA REGIONAL BRANCH OF THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY	95
<i>Adamenko O.N.</i> BOOK REVIEW: CHERKASOVA M.S. <i>THE NORTHERN RUSSIA: THE HISTORY OF THIS SEVERE LAND IN THE 13TH – 17TH CENTURIES</i> . MOSCOW, 2017. 255 pp. (THE LATEST RESEARCH ON THE HISTORY OF RUSSIA)	97
<i>Yegorova L.V.</i> BOOK REVIEW: SIDOROVA O.G. <i>THE FIRST TEXTBOOKS ON THE ENGLISH LANGUAGE IN RUSSIA</i> . EKATERINBURG, 2016. 172 pp. (<i>QUAESTIO ROSSICA</i> JOURNAL LIBRARY).....	99
<i>Krasilnikov R.L.</i> BOOK REVIEW: FAUSTOV S. <i>HUMANITARIAN EXPERIMENTS</i> , 2016. 85 pp.	103
<i>Shvetsova N.V.</i> KONSTANTIN BATYUSHKOV'S JUBILEE PRESENTATION OF NEW EDITIONS.....	104
Information about the authors.....	106

Е.Н. Ильина

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации ВоГУ

МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА

Научная социализация молодежи составляет серьезную проблему как в условиях современного российского общества в целом, так и в отдельных регионах¹. Молодыми учеными принято считать аспирантов, докторантов, а также научных сотрудников, имеющих степень кандидата наук, не старше 35 лет, и научных сотрудников, имеющих степень доктора наук, не старше 40 лет². Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию имеет в своем составе Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах, его возглавляет *Никита Владимирович Марченков*, кандидат физико-математических наук, заместитель руководителя по научной работе Курчатовского комплекса НБИКС-технологий НИЦ «Курчатовский институт»³. Права молодых ученых в России отстаивают различные общественные организации. С 2005 года действует «Российский союз молодых ученых», в настоящее время им руководит *Анна Анатольевна Щербина*, доктор химических наук, преподаватель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, заместитель председателя Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Совете при Президенте по науке и образованию⁴. При Президиуме Российской академии наук с 2009 года действует «Совет молодых ученых РАН», его возглавляет *Андрей Леонидович Котельников*, кандидат физико-математических наук, представляющий Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Объединенный институт высоких температур Российской академии наук»⁵. В Вологодской области, как и во многих других регионах России, создан Совет молодых ученых и специалистов, его председатель – *Василий Николаевич Некрасов*,

кандидат юридических наук, доцент Вологодского института права и экономики ФСИН России, член экспертного научного совета Вологодской области и Координационного совета по вопросам реализации государственной молодежной политики при Губернаторе Вологодской области⁶. В Вологодском государственном университете также имеется отделение Совета молодых ученых и специалистов, его возглавляет *Артем Алексеевич Кулаков*, кандидат технических наук, доцент кафедры водоснабжения и водоотведения⁷. Перечень руководителей, курирующих деятельность молодых ученых, обращает на себя внимание в том числе и тем, что в нем не оказалось ни одного филолога, философа, историка и педагога. Поэтому, не претендуя на полноту охвата всех составляющих проблемы молодежи в науке, мы хотели бы остановиться на «неудобных вопросах», касающихся научно-исследовательской деятельности нашего вуза по тем научным специальностям, результаты развития которых представляет «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные и педагогические науки».

Начнем с наиболее очевидной проблемы: количество молодых исследователей в ВоГУ сокращается. С одной стороны, к этому приводит «коммерциализация» образования: весьма заметное сокращение бюджетных мест в магистратуре и в аспирантуре, перевод соискательства и докторантуры в сферу платных образовательных услуг, ощутимая стоимость публикаций во многих рецензируемых изданиях ВАКовского списка, платная сдача кандидатского минимума и многое другое. С другой стороны, «удлинение» пути молодого исследователя от выпускной квалификационной работы до кандидатской диссертации еще на одну, магистерскую, ступень, как показывают наблюдения последних лет, отнюдь не способствует сохранению мотивации выпускников в сфере научно-исследовательской деятельности⁸. Все это происходит на фоне ослабления престижа профессии преподавателя вуза, недостаточности его материального стимулирования, невозможности – по целому ряду причин – полноценной апробации результатов научных исследований.

¹ Подробнее об этом см.: Дежина, И.Г. Российский опыт ранней подготовки кадров для науки: подходы, формы, результаты // Наукосоведение. 2001. № 2; Миронов, В.А. Социальные аспекты активизации научно-исследовательской деятельности студентов вузов / В.А. Миронов, Э.Ю. Майкова. Тверь, 2004; Ахметова, Я.М. Молодые в науке: становление молодого ученого / Я.М. Ахметова, Л.К. Мухаметзянова // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6; Аноп, М.Ф. Пути привлечения молодежи в научное исследование / М.Ф. Аноп, Г.В. Петрук // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 7. Ч. 1; др.

² См., например: Скрауч, О.Н. Молодые ученые-преподаватели вузов как специфичная социально-профессиональная группа: к вопросу теоретического обоснования / О.Н. Скрауч, Л.А. Мехришвили // Фундаментальные исследования. 2013. № 8. Ч. 4.

³ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://youngscience.gov.ru/sovet/personnel/>

⁴ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rosnu.ru/union/leaders/>

⁵ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yras.ru/about/members>

⁶ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voir.vogu35.ru/struktura-voir>

⁷ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://youngscience.gov.ru/reg_smus/map/vlg/

⁸ Так, например, из более полусотни магистрантов семи выпусков «новой магистратуры» филологического факультета (2010–2017 годы) только два магистра – *Н.Н. Зубова* и *К.В. Смирнов* – на данный момент защитили кандидатские диссертации.

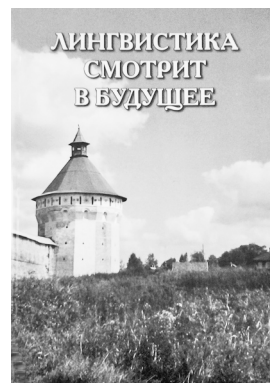
Другая проблема, которая тоже кажется нам вполне очевидной, касается содержательной стороны исследовательского труда молодых ученых. Эта проблема, как показывает опыт, во многом проявляет себя уже в студенческие годы. Действующие в настоящее время критерии, определяющие возможность начисления студентам повышенных стипендий за научно-исследовательскую деятельность, принимают во внимание не качественные, а количественные и финансовые показатели: количество докладов и публикаций, количество дипломов за победы в научных конкурсах различных уровней, наличие у студентов собственных грантов. При этом стоит заметить, что размеры «научного портфолио» молодого исследователя еще не гарантируют глубины и качества его труда. Обращая внимание на это обстоятельство, «гуманитарии» ВоГУ не стремятся к показной активности в сфере организации научно-исследовательской деятельности молодежи, предпочитая проверенные временем формы апробации результатов научных исследований, обеспечивающие их тщательное и объективное осмысление. Одной из таких форм является научно-методический семинар, формат которого позволяет обсудить теоретико-методологические основы и методику исследования различных научных феноменов. Подобный семинар *Лингвистика (филология) смотрит в будущее* на протяжении многих лет существовал на филологическом факультете ВГПИ/ВоГУ, по итогам его работы были опубликованы пять сборников научных работ молодых исследователей (науч. ред. – Е.Н. Ильина, С.А. Громыко, Ю.Н. Драчева). В 2017 году десятилетний юбилей отмечает *Всероссийская школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов*, созданная по инициативе кафедры русского языка ВоГУ (Е.Н. Ильина) и Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (С.А. Мызников). Лекторами-экспертами семинара были ведущие российские лингвисты: Ю.Д. Апресян (Москва), К.Р. Галуллин (Казань), А.С. Герд (Санкт-Петербург), Л.Я. Костючук (Псков), М.А. Кронгауз (Москва), С.А. Мызников (Санкт-Петербург) и многие другие.

Лекторы-эксперты семинара:
А.С. Герд (слева), С.А. Мызников, Т.К. Ховрина

Научные доклады в рамках семинара представили более трехсот участников из различных регионов Рос-

сии, а также многие зарубежные исследователи. По итогам работы семинара ежегодно издаются сборники научных статей, индексируемые в РИНЦ. Всероссийская школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов служит делу научной преемственности, вовлечению в практику создания лингвистических карт и словарей новых научных сил.

Ратую за содержательность научно-исследовательской работы молодых исследователей, «Вестник Вологодского государственного университета» очень избирательно публикует их статьи, в первую очередь, обращая внимание на научную актуальность этих материалов, их профессиональную состоятельность и языковое оформление. Все это делает вдвойне приятной возможность сообщить о достойных научных результатах, которых достигли многие наши молодые авторы и члены редколлегии.

Заместитель главного редактора «Вестника ВоГУ», автор ряда статей и научных отчетов, опубликованных в журнале, заведующий кафедрой философии Вологодского государственного университета Наталья Андреевна Ястреб 28 февраля 2017 года защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук по научной специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания. Тема диссертационного исследования: *Конвергентные технологии: эпистемологический анализ* (научный консультант – проф. В.А. Суровцев). Проблематика исследования определяется требованиями эволюции технического знания, необходимостью поиска новых исследовательских подходов к изучению познавательной деятельности человека в технической сфере. Апробация исследования Н.А. Ястреб состоялась в дискуссиях ряда всероссийских и международных научных

конференций, а также в трех монографиях, пятнадцати статьях в рецензируемых научных изданиях рекомендованного списка ВАК при Минобрнауки Российской Федерации и в ряде других публикаций. Присуждение Н.А. Ястреб докторской степени диссертационным советом на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» утверждено приказом ВАК Минобрнауки РФ № 711/нк от 10 июля 2017 года.

Переводчик «Вестника Вологодского государственного университета», доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ Юлия Николаевна Драчева в 2016 году выиграла грант программы «Глобальное образование» и в 2016–2017 учебном году прошла обучение в магистратуре Лестерского университета (Великобритания), выполнила диссертационное исследование на тему *Partworks-Based Informal Learning: Motivation, Community, Creativity/Неформальное обучение на примере партворков: мотивация, сообщество, творческая активность* (научный руководитель – проф. В. Кэйклер). В этот же период Ю.Н. Драчева обучалась в докторантуре Вологодского государственного университета, а также завершила работу над научными проектами гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук и гранта Российского гуманитарного научного фонда. Защита докторской диссертации Ю.Н. Драчевой, посвященной описанию языковых механизмов создания медиаобраза традиционной народной культуры Русского Севера, планируется в 2018 году.

Многие молодые авторы нашего журнала защитили кандидатские диссертации в диссертационном совете по филологическим наукам, созданном на базе нашего вуза совместно с Сыктывкарским государственным университетом имени Питирима Сорокина и Череповецким государственным университетом.

Доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета Светлана Алексеевна Ганичева 14 июня 2016 года защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Тема диссертационного исследования: *Русские глаголы-зоофоны в структурно-семантическом и лингвогеографическом аспектах* (научный руководитель – проф. Е.Н. Ильина). По результатам работы в этом направлении С.А. Ганичева была удостоена медали Российской академии наук как лучший молодой ученый России по итогам конкурса 2015 года, а также премии Президента Российской Федерации за особые достижения в научно-исследовательской деятельности. Апробация работы С.А. Ганичевой состоялась в докладах на всероссийских и международных конференциях и в тридцати публикациях, в том числе в де-

сяти научных статьях изданий ВАКовского списка и в двух учебно-методических пособиях.

Специалист по работе с молодежью Вологодского государственного университета Нина Николаевна Зубова 30 мая 2017 года защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Тема диссертационного исследования: *Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания* (научный руководитель – проф. Е.Н. Ильина). Проблематика диссертации связана с актуальностью осмысления феномена русской языковой личности на материале локальной речи. Результаты работы Н.Н. Зубовой представлены в докладах на всероссийских и международных научных конференциях, а также в пятнадцати публикациях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах списка ВАК, и в одной коллективной монографии.

Ведущий специалист отдела аспирантуры и докторантуры Череповецкого государственного университета Анна Николаевна Ларионова 10 октября 2017 года защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература. Тема диссертационного исследования: *Поэтика автобиографической прозы А.А. Григорьева* (научный руководитель – проф. Н.В. Володина). Проблематика работы определяется интересом современного литературоведения к мемуарным источникам, обращению к которым обеспечивает более объективное отношение к творческой индивидуальности писателя в ее генезисе. Выводы и материал исследования А.Н. Ларионовой были представлены в научных докладах и в одиннадцати публикациях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах рекомендованного списка ВАК при Минобрнауки Российской Федерации.

Говоря о проблемах молодежи в науке, невозможно обойти стороной проблему молодежных грантов. Молодые гуманитарии нашего вуза неоднократно выигрывали гранты Президента Российской Федерации для молодых докторов (Е.Н. Ильина) и кандидатов наук (С.А. Громыко, Ю.Н. Драчева, И.Е. Колесова, Н.А. Ястреб), гранты молодежных конкурсов Российского гуманитарного научного фонда/Российского фонда фундаментальных исследований (С.А. Громыко, Ю.Н. Драчева, Н.А. Ястреб), гранты Правительства Вологодской области (С.А. Ганичева). Фамилии соискателей, как мы можем убедиться, повторяются. С одной стороны, это убеждает нас в их научной состоятельности и конкурентоспособности, а с другой стороны – рождает тревогу: время идет вперед, и кто придет им на смену?

УДК 94(470.56)

М.А. Алексенко

Оренбургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ИММИГРАЦИИ НА КРИМИНОГЕННУЮ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В 2000–2016 ГОДАХ: ФАКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Оренбургская область – уникальный в геополитическом отношении регион России. Оренбуржье привлекает десятки тысяч мигрантов ежегодно, преимущественно из Центральной Азии, поскольку именно этот регион является главным резервуаром рабочей силы. Пребывание мигрантов-мусульман из Центральной Азии в Россию тревожит россиян в связи с участившимися случаями террористических атак и деятельностью радикальных объединений.

Статья подготовлена на актуальную тему, связанную с нарастанием террористической угрозы. В настоящее время данная тема имеет существенное значение для Российской Федерации, так как Россия принимает активное участие в борьбе с террористическим и экстремистскими группировками, а большинство мигрантов в России – граждане центрально-азиатских республик, исповедующие ислам, среди которых есть приверженцы радикальных взглядов. В исследовании приводятся статистические данные об уровне преступности, анализируется влияние иммиграции на рост числа преступлений в Оренбургской области, террористических актов, роста числа радикальных организаций.

Мигранты, преступность, терроризм, экстремизм, радикализм, Оренбургская область.

Известно, что одной из угроз, сопровождающей процессы глобализации, является распространение трансграничной преступности. Незаконная миграция сегодня представляет одну из наиболее серьезных угроз как национальным интересам России, так и политической ситуации внутри государства.

Транснациональными преступными группировками предпринимаются попытки создания на приграничных участках России, прежде всего на дальневосточном, юго-восточном и западном направлениях, устойчивых каналов незаконной миграции. Многие из криминологов разделяют мнение, что миграция сама часто является криминогенным фактором, а преступность – ее фоновым сопровождением [11, с. 32].

Незаконная миграция вызывает дестабилизацию на рынке труда, проблемы в сфере занятости, а это, в свою очередь, сказывается на дестабилизации этнополитической ситуации. Незаконная миграция – источник формирования и дальнейшего распространения транснациональных преступных формирований.

Существует устойчивое мнение о том, что с притоком мигрантов резко возрастает преступность. Необходимо заметить, что число преступлений по России не зависит от численности мигрантов. Для аргументации подобного утверждения целесообразно обратиться к статистическим данным (табл.).

Таблица

**СТАТИСТИКА КОЛИЧЕСТВА МИГРАНТОВ И СОВЕРШЕННЫХ МИГРАНТАМИ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПО РОССИИ (2003–2015 гг.) [10]**

Год	Количество мигрантов в России, чел.	Количество совершенных мигрантами правонарушений, тыс.	Общее число зарегистрированных правонарушений, тыс.	% совершенных мигрантами правонарушений от общего количества по России
2003	129144	35,7	2526,3	1,41
2004	119157	40,6	2756,4	1,47
2005	177230	51,2	3554,7	1,44
2006	186380	53,0	3855,4	1,37
2007	286956	50,1	3582,5	1,4
2008	281614	53,9	3209,9	1,68
2009	279907	58,0	2994,8	1,94
2010	191656	49,0	2628,8	1,86
2011	356535	45,0	2404,8	1,87
2012	417681	42,7	2302,2	1,85
2013	482241	47,0	2206,2	2,13
2014	590824	45,5	2190,6	2,08
2015	598617	48,2	2388,5	2,02

Статистические данные не подтверждают тот аргумент, что рост миграции непременно ведет к резкому ухудшению криминальной обстановки. В 2004 г., 2007 г., 2011 г., 2012 гг. наблюдалась прямо противоположная картина: при увеличении числа мигрантов происходило снижение количества преступлений, совершенных иностранными гражданами. Последние годы «вклад» граждан стран СНГ в уровень преступности в России держался на уровне немногим более 2%, что значительно меньше соотношения количества мигрантов из тех же стран с численностью российского населения.

В Москве и в Подмоскowie на граждан стран СНГ приходится около 20% общего объема совершаемых преступлений и, по некоторым данным, до 40% преступлений некоторых видов, в частности, изнасилований.

Следует учитывать, что Москва и прилегающие к ней районы Московской области в основном притягивают большую часть иммигрантов, среди которых значительная возрастная группа – молодые мужчины. Именно на них приходится наибольшая доля совершаемых преступлений. К примеру, в Оренбургской области преступления, совершенные мигрантами, составляют в разные годы всего от 1 до 1,8%. Также необходимо заметить, что мигранты заполняют ту нишу, в которой необходим низкоквалифицированный физический труд. Поэтому, вряд ли можно сильно надеяться на то, что замена трудовых мигрантов из стран СНГ примерно тем же половозрастным контингентом из депрессивных регионов России приведет к резкому снижению количества преступлений.

В Оренбургской области преступления, совершенные мигрантами, составляли в 2000-е гг. от 1 до 1,8%, в 2012 г. – 3%, в 2016 – 1,7%. В 2007 г. совершено 355 преступлений или 0,7% от общего количества правонарушений (49,8 тыс.). Для сравнения в 2015 г. мигранты совершили 565 от 30,7 тыс. правонарушений по области, что составляет 1,84% [10].

Иностранцами гражданами за 6 месяцев 2015 г. на территории Оренбургской области совершено 274 преступления, 215 из них – гражданами СНГ (4 убийства, 10 тяжких телесных повреждений, 29 краж, 6 грабежей, 16 попыток незаконного оборота наркотиков, 2 попытки незаконного оборота оружия) [1, с. 71].

Как видно из статистических данных, говорить о массовых преступлениях мигрантов не приходится. Доля совершенных мигрантами преступлений в процентном соотношении мала. В основном все преступления мигрантов связаны либо с пересечением незаконным путем государственной границы, либо с кражами и ДТП.

Примерами тому могут служить произошедшие в 2015 году события. 33-летний гражданин Узбекистана без постоянного места жительства в городе напал на собаководов. Нелегальный мигрант из Таджикистана 28 января 2015 г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, попал в аварию. 7 марта 2015 г. в районе п. Переволоцк сотрудниками полиции был остановлен автобус, перевозящий из Москвы в Казахстан пассажиров с просроченной миграционной картой.

Анализ показателей преступности по сравнению с данными за 2014 г. свидетельствуют о снижении количества преступлений, совершенных мигрантами.

Гораздо более сильные опасения вызывает религиозная ситуация как в России, так и в области.

Необходимо помнить о том, что большинство мигрантов, прибывающих из Центральной Азии в Россию, – мусульмане. Некоторые из них – приверженцы радикальных религиозных взглядов.

Россия – многоконфессиональное государство. Ислам в России является второй по количеству приверженцев религией. Мусульмане составляют большинство населения в 7 из 85 субъектов Российской Федерации. В соседних с Оренбургской областью Татарстане и Башкортостане мусульмане составляют 54 и 54,5% соответственно [15, с. 35].

Российский ислам испытывает на себе воздействие миграционных потоков из бывших союзных республик Центральной Азии, прежде всего из Таджикистана, Узбекистана и Азербайджана. Данный фактор привел к установлению стабильных связей с зарубежными единовѣрцами, существенно расширив пространство обменов с исламским миром. В 2007 г. власти Афганистана и Пакистана практически признали существование на их территории таких террористических организаций как «Движение Талибан» и «Аль-Каида». Несмотря на активные усилия международной антитеррористической коалиции, в центрально-азиатском регионе регулярно совершались террористические акты, последний из которых был совершен в ноябре 2015 г. [16, с. 97].

Религиозная либерализация в России привела к политизации ислама, воздействию радикальных, экстремистских, антигосударственных течений на российских мусульман, прежде всего на мигрантов, к знакомству их с практикой джихадистских движений. За 2014–2016 гг. зафиксированы случаи участия граждан России и мигрантов в террористических организациях.

Об участии граждан России и стран СНГ в рядах запрещенной в России организации «ИГИЛ» 15 сентября 2015 г. заявил В.В. Путин на заседании Совета глав государств ОДКБ. В отношении лиц, примкнувших к данной группировке, в 2015 г. правоохранительными органами Самарской области возбуждены 3 уголовных дела, Саратовской – 7, Оренбургской – 15, Башкортостана – 28. Основное внимание в современных условиях обращено на мусульманское сообщество, которое по-прежнему чрезвычайно неоднородно.

Среди тех, кто оказался в рядах так называемого «Исламского государства», можно выделить разные по характеру и целям группы. Это и мотивированные исламисты, которые уже прошли индоктринацию в других исламистских или джихадистских течениях, и искатели приключений, и представители криминалитета, и разочаровавшиеся в нынешнем порядке вещей люди.

По словам специалистов, в организацию «ИГИЛ», называемую иначе «ДАИШ», вовлекаются следующие категории людей:

- хулиганские попутчики – люди, склонные к экстремистскому, авантюристскому поведению (люди с отклоняющимся поведением, подростки);
- степенные исполнители – технологи, вовлекающие людей;
- люди, пережившие фрустрацию.

В террористическую организацию, как правило, вовлекаются люди в возрасте от 12 до 22–24 лет. Большинство мигрантов, въезжающих ежегодно в Россию, – мужчины, средний возраст которых 19–29 лет, поэтому данная категория людей идеально подходит террористам для привлечения в боевики.

«ДАИШ» зачастую эксплуатирует юношеский романтизм, стремление бороться с несправедливостью жизни, поэтому целевой «аудиторией» экстремистов являются, в основном, молодые люди 1991–1994 гг. рождения, выросшие в обстановке отсутствия государственной идеологии, социальных лифтов, подчас отсутствия жизненных перспектив [8, с. 29–30].

Активное рекрутирование в ряды боевиков происходит как среди мусульманской молодежи с низким социальным статусом, так и представителей других конфессий с комплексом личных проблем. Факторами, влияющими на вербовку, являются доход, наличие семьи, уровень образования, удовлетворенность жизнью.

Под видом ислама в лице «ДАИШ» подсовывается суррогат мусульманской религии [17, с. 18]. Истинному исламу чужды радикализм, ксенофобия, которые активно демонстрируют приверженцы «ИГИЛ». Идеология запрещенной в России группировки «ИГИЛ» обращена к надэтническим ценностям [15, с. 35]. Она эксплуатирует идею равенства всех мусульман и спекулирует на идеях социальной справедливости. При этом вербовщиками выступают как российские граждане на территории Российской Федерации и за ее пределами, так и иностранные граждане на территории России.

По словам официального представителя Следственного комитета России В. Маркина, речь о массовой вербовке российских граждан в ряды «ДАИШ» не идет, однако к 2015 г. количество завербованных в России уже достигло 800 человек. Особую опасность представляют мигранты, завербовать которых проще всего [16, с. 35]. Так, в 2015 г. французскими властями были задержаны шестеро уроженцев Чечни, подозреваемых в причастности к террористическим группировкам и финансированию терроризма, вербовке граждан России в ряды потенциальных боевиков [9, с. 55].

Ответом на подобные действия на территории России стало обращение в конце августа 2015 г. более 3 тыс. жителей Адыгеи в Общественную палату с просьбой взять под контроль случаи агитации сторонниками запрещенной группировки «ИГИЛ» в мечетях.

Большинство завербованных и вербовавших – жители северокавказских республик, преимущественно мусульмане 23–27 лет. В числе завербованных есть и женщины в возрасте до 32 лет, преимущественно исповедующие ислам. Следовательно, наиболее уязвимые категории населения для вербовки – граждане России и иностранные граждане средних лет, исповедующие ислам. Под эти характерные признаки подходят прежде всего уроженцы северокавказских республик и мигранты.

В 2016 г. серьезно усугубилась ситуация в Киргизии, где получила распространение группировка «Таблиги Джамаат», уровень радикальности которой

можно сравнить с ваххабизмом [5, с. 9]. В организации «Таблиги Джамаат» в Киргизии печатается экстремистская литература. Соседи Киргизии (Казахстан, Россия, Таджикистан) запретили в своих государствах распространение группировки. Организация коллективной безопасности в 2010 г. включила структуру в список экстремистских. Однако Киргизия к запрету организации у себя в государстве не присоединилась. Этому есть два объяснения: одни считают, что, запретив группировку, существенно изменить политическую и религиозную ситуацию не удастся, нужны кардинальные меры, другие – запрещение группировки может вызвать лишь обратную реакцию, поэтому торопиться нельзя.

«Таблиги Джамаат» – не единственная организация террористического характера в России. Последние годы активно ведет себя «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения). Несмотря на то что организация существует с далекого 1952 г., популярность она начала набирать в последние годы. Члены «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» вербуют мусульман для участия в боевых действиях на стороне террористов. Известны случаи высылки из Оренбуржья иностранцев, участников данных террористических организаций.

Самой опасной на территории России считается экстремистская организация «Имарат Кавказ», дословно переводящаяся как «Кавказский Эмират», по типу полусамостоятельных государств ОАЭ. Данное незаконное вооруженное формирование было направлено на выход Северного Кавказа из состава Российской Федерации, изменение территориального и государственного устройства нового «государства». Средства достижения цели, характерные для других террористических организаций, – террористические акты, обстрелы акций. Членами «Имарат Кавказа» совершены подрыв поезда «Невский экспресс» в 2009 г., взрыв в московском метрополитене в 2010 г., взрыв в аэропорту Домодедово [4, с. 5].

На данный момент террористическая организация претерпевает серьезные изменения. После смены лидера главным принципом организации стал не созидательный, а «накопительный». Самостоятельно действующие группировки этой организации стремятся к личному обогащению, для чего вынуждены «опуститься» до вымогательства денежных средств у местных чиновников.

На фоне активизации запрещенной организации «ИГИЛ» можно указать то обстоятельство, что на Российском Кавказе количество терактов неуклонно снижается. Многие лидеры исламистского подполья, например, главарь «Имарата Кавказ» Алиасхаб Кебеков, были ликвидированы. В Азербайджане религиозные радикалы расколоты: так, в южной части они ориентированы на Иран и шиитский ислам, а в северной – на Дагестан. Специалисты-религиоведы подчеркивают, что те, кто сделал выбор в пользу ислама в радикальной версии «ИГИЛ», не спешат вернуться на родину, поскольку в их представлении мусульмане Кавказа исповедуют неправильную религию. Нельзя не принять во внимание высказывание «халифа» Абу Бакра Аль Багдади, который обозначил Кавказ как регион особого интереса «ИГИЛовцев».

Возможность будущего эффективного противостояния терроризму и экстремизму видится в объединении усилий государств. Главным принципом совместной деятельности может служить координация совместных усилий по искоренению террористических организаций, системность и согласованность в антитеррористических мерах, что может быть реализовано в рамках субрегиональных объединений (ЕАЭС, ШОС, СНГ и др.).

На территории Приволжского федерального округа распространение радикальных и экстремистских идей не достигло масштабов республик Северного Кавказа, однако вербовка мигрантов-мусульман осуществляется.

По состоянию на 2013 г. из России в Сирию отправились 200 боевиков, на 2015 г. – уже около 800 [16, с. 35], из них 22 человека из Оренбургской области.

Религиозные организации Оренбургской области брали на себя обязательства способствовать распространению учебных программ и религиозной литературы, пропагандирующих противодействие терроризму и экстремизму [1, с. 128]. В 2011 г. в Оренбургской области действовало 95 исламских объединений, в 2014 г. – 116, кроме того, существуют десятки незарегистрированных групп. В 2015 г. количество исламских объединений сократилось до 101, но сам факт их наличия не является поводом к сохранению спокойствия.

В мусульманские объединения вступают мигранты, приехавшие в Оренбургскую область из стран Центральной Азии. Мигранты, недостаточно адаптированные к местным условиям или не желающие адаптироваться, легко вступают в религиозные организации. Мигрант в новой среде легко склонен к вербовке представителями запрещенной организации в России «ИГИЛ».

В 2014 г. ФСБ было заведено 13 уголовных дел в отношении оренбуржцев – участников террористической группировки, в 2015 г. – еще 2 уголовных дела [7]. Оренбуржцы – участники террористической организации – проходили подготовку среди боевиков, намеренно искажали смысл Исламского учения, оправдывая религией любые формы насилия. Большинство завербованных являются выходцами из сельской местности востока Оренбуржья: из Домбаровского, Ясненского, Светлинского районов. Причинами их ухода в экстремистские структуры чаще всего являются тяжелая социально-экономическая ситуация, отсутствие укоренившихся традиций ислама в целинных районах.

К 2016 г. стало известно о 22 завербованных жителях Оренбуржья. Из Орска летом 2016 г. в Сирию отправились 6 взрослых и 4 детей. За три года (с 2014 по 2016 гг.) число завербованных по Оренбургской области достигло 37 человек. Спустя некоторое время в сети Интернет появился видеоролик, в котором уроженец Орска и гражданин Казахстана рассказывали о переезде в Сирию вместе с семьей, об обучении детей жизни по «шариату».

Опасность вызывает как примыкание оренбуржцев и мигрантов из Оренбурга к террористической организации «ДАИШ», так и возвращение их обратно в регион. Присутствие в данной организации подразумевает «подготовку» к войне, к джихаду, а значит, завербованные «ИГИЛовцами» граждане России с

радикальными взглядами, измененным сознанием, склонные к экстремизму, будут представлять собой опасность.

Проблема усугубляется тем, что экстремистскими взглядами увлекаются не только мигранты, но и местное население, ввиду чего власти регулярно проводят профилактические мероприятия. В начале марта в городе Гае и в конце мая 2016 г. спецслужбы в Домбаровском поселке провели операции по задержанию нескольких приверженцев радикального ислама [3]. В местной мечети сотрудниками ОМОНа была обнаружена религиозная литература на арабском языке [6].

Кроме того, для вербовки активно используются современные технологии. До недавнего времени экстремистские материалы можно было обнаружить в свободном доступе в Интернете. Известно, что у террористов, принадлежащих к «ДАИШ», существуют аккаунты в популярных социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Twitter», «Facebook» и других, однако, самый распространенный способ вербовки – через видеохостинг «YouTube». Недавно у «ДАИШ» появился мессенджер для зашифрованного общения.

В ответ на подобные действия террористов в социальных сетях в апреле 2015 г. Дзержинский районный суд г. Оренбурга постановил ограничить компании ОАО «Ростелеком» как провайдеру доступ к интернет-ресурсам с экстремистскими материалами. Ранее любому пользователю в свободном доступе предоставлялась возможность ознакомиться с информацией экстремистского характера. Суд обязал ответчика ограничить доступ к запрещенной информации путем блокирования ресурсов маловероятно, что от подобного запрета серьезным образом изменится ситуация в сети Интернет, поскольку «Ростелеком» – не единственный провайдер на рынке информационных услуг.

На сегодняшний день важнейшим направлением государственно-религиозного взаимодействия остается противодействие экстремизму. С этой целью Правительством Оренбургской области совместно с ДУМОО (Духовное управление мусульман Оренбургской области) в 2015 г. в Оренбурге, Орске и Бугуруслане были организованы профилактические семинары с участием работников прокуратуры, органов безопасности, внутренних дел, юстиции и руководителей мусульманских организаций Оренбуржья.

Особую опасность для Оренбуржья представляет распространение радикальных взглядов в странах СНГ, поскольку именно эти государства, а прежде всего центрально-азиатские республики, являются основным источником рабочей силы для России. В данном случае опасность представляет не только «ДАИШ», но и действующие в Узбекистане «Исламское движение Узбекистана («ИДУ»)» и «Хорасанская группировка», задачей которой является стремление распространить халифат на всей исторической территории Хорасана. Не исключена вероятность того, что граждане Узбекистана, попав в Оренбургскую область или любой другой регион России, начнут распространять радикальный ислам.

Деятельность «ДАИШ», «Имарат Кавказ», «Таблиги Джамаат» и других организаций требуют создания систем профилактики и противодействия идеологии данных международных террористических объе-

динений как в России в целом, так и в Оренбургской области в частности. Преимущество в профилактике должно отдаваться идеологическому противодействию. Реализацию мер по профилактике целесообразно осуществлять посредством активизации деятельности СМИ, органов власти, образовательных учреждений для создания отрицательного образа террористических организаций.

В ответ на возрастание угрозы распространения терроризма, Правительство Оренбургской области 25 сентября 2014 г. утвердило Государственную программу «Профилактика терроризма и экстремизма на территории Оренбургской области» на 2014–2018 гг.» [12]. Одной из основных целей данной программы является распространение норм и установок толерантного сознания и поведения, формирование уважительного отношения к этнокультурным и конфессиональным различиям. Однако почти все выделенные средства планировалось потратить на обеспечение безопасности. В то же время ряд мероприятий подпрограммы никакого финансирования не получили. Таким образом, включение данных мероприятий в госпрограмму не имеет реального содержания.

На сегодняшний день особую опасность в Оренбургской области вызывает деятельность в молодежной среде националистических и псевдопатриотических объединений праворадикального толка и националистов-одиночек, готовых при объединении совершать преступления экстремистского характера. Проявлением такой деятельности могут считаться созданные в социальных сетях региональные, националистические по характеру группы, такие как «Белый патруль», «Сопrotивление», «Новая Русь» и другие.

«Деятельность» такой группы, как «Белый патруль» [2], на первый взгляд, не предполагала противоправной деятельности на национальной почве, но несколько «постов» содержали лозунги со скрытым смыслом. В итоге в октябре 2014 г. в отношении членов группы было возбуждено уголовное дело по факту нападения на оренбуржца на национальной почве [13].

Деятельность подобных групп, как правило, ограничивается сетью Интернет, однако правоохранные органы отмечают рост числа таких сообществ. Для предупреждения возникновения террористического объединения целесообразно активизировать работу в школах, профессиональных образовательных организациях, активизировать деятельность организаций гражданско-патриотического воспитания подростков.

Распространение в социальной сети «ВКонтакте» заметок националистического характера также беспокоит правоохранные органы [13]. Подобные случаи размещения текстов и рисунков, имеющих выраженную негативную оценку человека по расовому и национальному признакам, религиозной принадлежности, побуждающих к агрессивным действиям в отношении представителей отдельных национальностей, участились. За 2015 г. на юношей в возрасте от 16 до 20 лет и нескольких мужчин были заведены уголовные дела за распространение нацистской символики, призывы к возбуждению национальной розни.

Современное информационное пространство позволяет передавать гигабайты информации за короткое время, поэтому распространение разного рода экстремистской электронной литературы, аудиозаписей и текстов экстремистского характера происходит весьма быстро. Именно это делает возможным за короткий промежуток времени вовлечь в экстремистскую деятельность значительное количество людей. При этом большое опасение вызывает подрастающее поколение, склонное к вовлечению в сомнительную деятельность, так как психика молодых людей еще не сформирована. Поэтому необходимым условием признается ограничение использованием социальными сетями, регулярный мониторинг активности подростков, в том числе правоохранными органами.

По инициативе Общественного совета при Следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Оренбургской области в начале 2015 г. начал реализовываться проект, связанный с осуществлением профилактической деятельности с молодежью. Более 250 старшеклассников лицея № 9 г. Оренбурга прослушали информацию об идеологии экстремизма, усвоили правила поведения при общении в многонациональном обществе, в том числе при использовании современных средств коммуникации. Затем в апреле был реализован интерактивный проект «Форум-театр» по профилактике межнациональных и этноконфессиональных конфликтов в молодежной среде. В 2015 г. были проведены тренинги со старшеклассниками и учащимися средних специальных учебных заведений по профилактике национального и религиозного экстремизма в с. Алексеево, г. Бугуруслане и других населенных пунктах области.

Таким образом, анализ статистических данных подтверждает отсутствие зависимости роста числа преступлений от количества мигрантов в стране и области. Мигрантами по России и Оренбургской области за последние годы совершено до 3% и 2% преступлений от всего их количества соответственно. Межнациональная и межконфессиональная ситуации в Оренбургской области устойчивы. Вызывает беспокойство распространение в странах СНГ радикальных идей различных террористических групп, поскольку «зараженное» население может оказаться в России.

Говорить о массовом участии россиян или оренбуржцев в рядах запрещенной в России организации «ИГИЛ» нельзя. В целом религиозная ситуация в области сохраняется спокойной. Гораздо более серьезную опасность на сегодняшний день вызывает участие молодежи в группах экстремистского характера в социальных сетях.

Литература

1. Амелин, В.В. Оренбургская область / В.В. Амелин // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – Москва: ИЭА РАН, 2008. – С. 71.
2. «Белый патруль» свернул не туда: громкое дело обрastaет новыми подробностями [Электронный ресурс] / РИА «Оренбуржье» (27 октября 2014 г.). – Режим доступа: <http://ria56.ru/posts/564654945964569526352.htm> (дата обращения: 31.03.2017).

3. Вандыш, А. Вербовка в «ИГИЛ»: Почему оренбуржцы уезжают в Сирию? [Электронный ресурс] / А. Вандыш // Урал.56. – Режим доступа: <http://www.ural56.ru/news/24/527701/> (дата обращения: 4.09.2016).
4. Война по особым законам // Независимая газета. – 2015. – 23 декабря. – № 277. – С. 5.
5. Деятельность объединения «Таблиги Джамаат» нужно запретить во всех странах // Комсомольская правда. – 2015. – 23 сентября. – № 108. – С. 9.
6. Задержанные вербовщики «ИГИЛ» уверяют, что запрещенные книжки им подбросили [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <http://echo-oren.ru/2016/06/22/8446> (дата обращения: 5.09.2016).
7. Комиссарчик, И. ФСБ возбудила 15 уголовных дел в отношении оренбуржцев, вступивших в «ИГИЛ» [Электронный ресурс] / И. Комиссарчик // РИА Новости. – Режим доступа: <http://ria56.ru/posts/4664645645645646.htm> (дата обращения: 5.09.2016).
8. Маринин, А.А. Вербовка потенциальных боевиков в ряды экстремистских организаций через социальные сети / А.А. Маринин // Евразийский перекресток: сборник материалов научно-практических мероприятий. – Оренбург, 2016. – Вып. 4. – С. 29–30.
9. Мартыненко, А.В. Республика Мордовия / А.В. Мартыненко // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – Москва: ИЭА РАН, 2006. – С. 55.
10. Материалы Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 6.10.2017).
11. Никитенко, И.В. Современные тенденции влияния миграционных процессов на криминогенный фон в Российской Федерации / И.В. Никитенко // Российский следователь. – 2013. – № 1. – С. 32.
12. Об утверждении государственной программы «Профилактика терроризма и экстремизма на территории Оренбургской области» на 2014–2018 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/423853234> (дата обращения: 31.03.2017).
13. По материалам проверки, проведенной прокуратурой г. Оренбурга, возбуждено уголовное дело по факту возбуждения ненависти к представителям отдельных народностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orenprok.ru/news-link/news/2015/04/23/15apr23-1/> (дата обращения: 31.03.2017).
14. По материалам проверок прокуратуры г. Оренбурга возбуждены и расследуются уголовные дела по фактам возбуждения национальной ненависти и вражды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orenprok.ru/news-link/news/2015/06/19/15jun19-6/> (дата обращения: 31.03.2017).
15. Рева, С. Как реорганизовать антитеррористическое сотрудничество государств Центральной Азии / С. Рева // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2007. – Москва: ИЭА РАН, 2008. – С. 97.
16. Угроза «ИГИЛ»: пути противодействия национально-религиозному экстремизму: сборник информационно-аналитических материалов. – Москва: Московское бюро по правам человека, 2016. – С. 35.
17. Шарипов, А.А. Несовместимость идеологии и практики терроризма с предписаниями Шарията / А.А. Шарипов // Евразийский перекресток: сборник материалов научно-практических мероприятий. – Оренбург, 2016. – Вып. 4. – С. 18.

M.A. Aleksenko

INFLUENCE OF IMMIGRATION ON THE CRIMINOGENIC AND ETHNOPOLITICAL SITUATION IN THE ORENBURG REGION IN 2000–2016: FACTORS OF RELIGIOUS RADICALIZATION

The Orenburg region is geopolitically unique. The Orenburg region attracts tens of thousands of migrants annually, mainly from Central Asia that is the main source of labor. For the Russians, Muslim migrants from Central Asia have become worries in the context of the growing number of terrorist attacks and the activities of radical groups.

The article deals with the terrorist threat that nowadays is an actual problem. Currently, this topic is of significant importance for the Russian Federation, as Russia takes an active part in the fight against terrorist and extremist groups, and the majority of migrants in Russia are citizens of the Central Asia republics, who profess Islam and among whom there are adherents of radical views.

The study provides the crime level statistics and the analyses of the impact of immigration on the increase of crimes, terrorist acts, and the number of radical organizations in the Orenburg region.

Migrants, crime, terrorism, extremism, radicalism, Orenburg region.

В.А. Воронов

*Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ЕКАТЕРИНЫ II КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОГО НАМЕСТИЧЕСТВА

В статье анализируется влияние реализации судебной реформы Екатерины II на развитие правовой культуры населения на примере одной из областей Русского Севера – Вологодского наместничества. Для решения поставленных задач автором применялись общие и специальные методы познания, присущие философской, юридической, исторической, социологической наукам. Новизна исследования заключается в вовлечении в научный оборот ранее не использовавшихся материалов делопроизводственной документации местных государственных органов конца XVIII в., дающих представление об особенностях не только реализации избирательного законодательства, но и деятельности судов, созданных в ходе реформы местного управления, их роли в регулировании общественных отношений и эффективности судебно-правовых преобразований Екатерины II. Выводы, сделанные автором, не только опровергают мнение о бесполезности судебной реформы 1775–1785 гг., но и позволяют оценить методы, способы и результаты усилий верховной власти по укреплению баланса общественных отношений – межсословных и межэтнических – как на Русском Севере, так и в Российской империи в целом.

Российская империя, суд, правосудие, судебное представительство, правовая культура.

Екатерина II укрепила сословную организацию русских подданных. Полиэтническое и многорелигиозное дворянство окончательно превратилось в господствующий социально-политический институт. Верховная власть стремилась компенсировать различие лиц в правоспособности их взаимодействием с равно устойчивых позиций сословного статуса, опираясь на требования всех групп населения России, заявленных посредством депутатов Уложенной комиссии (1767–1768 гг.). Открытие новых местных государственных органов, унаследовавших функции столичных коллегий, губернаторов и воевод, праздновалось как общенародное событие во всех губернских и уездных центрах: монарх желал заинтересовать широкие массы населения в проведении судебно-административной реформы, вызвать доверие подданных к органам государственной власти. В 1775–1785 гг. преобразования планомерно охватили территорию империи [1, с. 35–38].

В качестве органов сословной подсудности второго и первого звеньев реформатор учредил верхние земские суды, губернские магистраты и верхние расправы, уездные суды, городские магистраты (ратуши) и нижние расправы соответственно. Вспомогательную роль в сфере осуществления правосудия были призваны оказывать органы городской и уездной полицейской администрации – управы благочиния и нижние земские суды.

Екатерина II утверждала штаты судебных органов в соответствии с реальными условиями их функционирования. Области Европейского Севера России традиционно отличал низкий удельный вес лично зависимого населения. В 1784 г. в частности в Вологодском наместничестве свободные крестьяне состав-

ляли 59,6% населения, частновладельческие, размещавшиеся, преимущественно, в южных уездах, – 22%, дворцовые – 10,9% [12, с. 44–45]. Яренский и Устьесольский уезды заселяли коми-зыряне, сохранившие этническую идентичность [11, с. 28–29].

Удельный вес частновладельческих и государственных крестьян в провинции повлиял на структуру местной судебной системы: на 3 области и 19 уездов Вологодского наместничества в 1780 г. приходилось 1 верхний земский суд и 3 верхних расправы, 5 уездных судов, 4 из которых размещались в Вологодской провинции, исключая Тотемский уезд, исторически лишенный поместной системы, и 1 в Великоустюжской, и 17 нижних расправ [7]. Если штат Ярославского и Рыбнослободского нижних земских судов в Ярославском наместничестве включал 3 дворянских заседателей, то в Великоустюжской провинции Вологодского наместничества состав 6 из 7 коллегий нижних земских судов составляли исключительно представители государственных крестьян [10]. В Архангельской провинции, преобразованной в марте 1784 г. в самостоятельное наместничество [8], уездные суды и дворянские заседатели нижних земских судов также отсутствовали.

Для размещения государственных органов губернского уровня были предоставлены помещения в каменном здании, предоставленном Кирилло-Белозерским монастырем [5, с. 73]. Канцелярии набирали новых работников и снабжались печатными и рукописными копиями законодательных актов. Сословно-демографические условия повлияли на состав канцелярских служащих. Так, в Вологодских уголовной и гражданской палатах ведущей группой оказались выходцы из семей духовенства – 15 лиц или 37,5%,

13 принадлежали к потомственным гражданским служащим, 6 записывались как дети купцов, 3 – потомственных дворян и 1 – личного дворянина, 1 – нижнего воинского чина и 1 – вольноотпущенного человека [Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 399. Л. 1–232].

Итак, большую часть должностей в судах сословной подсудности Вологодского наместничества монарх предоставил крестьянским представителям. Сельские жители активно включились в отбор кандидатов. Современный автор отметил, что традиции общественного служения, сформированные в северных областях под влиянием природных, хозяйственных и исторических особенностей, имевшие многовековую основу, воплощенную в неписаных нормах обычного права и общепризнанных стереотипах поведения, являлись схожими в волостях русских, коми и карел, ориентируясь на исполнительную и ответственную личность [3, с. 7; 4, с. 36]. В государственных органах оказывались люди, облеченные доверием населения, способные к исполнению служебных обязанностей, как правило, умевшие читать и писать [ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 17. Л. 5; Д. 43. Л. 6, 19 об.; Д. 108. Л. 1; Д. 111. Л. 9; Ф. 177. Оп. 6. Д. 1831. Л. 87; Ф. 831. Оп. 1. Д. 194. Л. 1; Д. 414. Л. 2 об.].

Инициативность обывателей прямо способствовала удалению со службы лиц, оказавшихся непригодными [ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 203, 205, 230, 238, 779; Ф. 844. Оп. 1. Д. 2, 3, 12, 13, 22]. Организацию и проведение внеочередных выборов контролировали коллегии судебных представителей. Так, в ноябре 1785 г. Вологодское наместническое правление уволило заседателя Лальского нижнего земского суда Толстикова за аморальное поведение («за чинимый им по средством пьянства явной и гнусной порок»), Великоустюжская верхняя расправа сделала предписание нижнему земскому суду («о выборе на место ево трезвого и достойного человека»). В январе 1786 г. новый кандидат на должность («из добросовестных людей и к той должности способной подосиновской волости крестьянин Михайло Терентьев сын Жижин, которой грамоте читать и писать умеющей»). Коллегия верхней расправы рассмотрела характеристику, данную избирателями, отметив нравственное поведение крестьянина М.Т. Жижина («никаковых дурных поступок не оказывается»), и приняла во внимание его положительную оценку капитаном-исправником («аттестующего к понесению при возложенной на него должности способного а притом добросовестного человека, каковым у должности быть последует»), объявив о своем решении представить кандидата наместническому правлению для утверждения в должности заседателя [ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 108. Л. 1].

Судебные представители внимательно изучали законодательство и осваивали практику правоприменения. Так, 24 февраля 1786 г. коллегия Тотемской нижней расправы обсудили содержание статей 110 и 111 Учреждений о губерниях и сделали запрос в наместническое правление («со испрашением от онаго вразумления»): следовало ли отсылать на ревизию в верхнюю расправу или для исполнения в нижний земский суд приговоры к наказанию крестьян плетьюми и батогами и как поступать нижней расправе при осуж-

дении нескольких крестьян по одному делу к разным видам наказания. Вологодское наместническое правление указало на пункт 5 статьи 405, предписав впредь обращаться за разрешением всех сомнений к прокурору верхней расправы [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 414. Л. 1–4]. Публичные должностные лица демонстрировали стандарты новой правовой культуры, ставя подписи под записями с решениями по уголовным делам, используя устойчивые выражения («дабы впредь смотря на то в подобных сему случаях и другие так чинить не отваживались») [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 456. Л. 22]. Расправа гарантировала населению соблюдение не только уголовно-правовых предписаний, но и морально-нравственных требований, назначая наказания за соответствующие преступления [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 367. Л. 1–20; Д. 657. Л. 1].

В свою очередь однородность социального происхождения с должностными лицами поощряла крестьян обращаться в государственные органы за защитой своих прав, не исключая внутрисемейных конфликтов. Так, 25 августа 1794 г. Тотемская нижняя расправа удовлетворила жалобу крестьянина Возбальской волости Фёдора Воропанова на сына Ульяна, заменив по его просьбе телесное наказание кнутом, предусмотренное законодательством за побои (статьей 4 главы XXII Соборного уложения), на плети, и распорядилась о «приводе ево в должное родителю своему повиновение» [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 622. Л. 1–39].

Вынесение решения не останавливало лиц, с ним несогласных, перед его обжалованием. Так, на основании именного указа от 28 мая 1795 г. («об учинении немедленного рассмотрения и законного решения по вступившей в Сенат жалобе») Правительствующий Сенат в качестве суда высшей инстанции кассировал решения Вологодской уголовной палаты и Вологодской верхней расправы, признав решение по апелляции крестьянина Г. Попова деревни Фёдоровской Красноборской округи, вынесенное местной нижней расправой, законным, обоснованным и справедливым [ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 1831. Л. 185–195].

Множество дел, рассматривавшихся в судебных органах северных уездов, были закономерно связаны со спорами о недвижимости как между крестьянами, так и лицами разных сословий, исками о захватах пашни, хлеба, сена, жалобами о препятствиях во владении и пользовании. Расправы обладали абсолютным авторитетом государственных органов, контролировавших межевание земель и угодий, распределение участков («по числу душ, дабы друг против друга было безобидно» [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–6]), и разбиравших специфические конфликты [ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 842; Ф. 235. Оп. 1. Д. 60, 140–142, 250, 280, 281, 300; Ф. 238. Оп. 1. Д. 274; Ф. 831. Оп. 1. Д. 46–50, 54, 65, 70, 71, 74, 75, 78–108, 156–169, 210, 214, 229–244]. Прежде всего, сельские заседатели, являясь полномочными защитниками коллективных прав собственности, выступали поверенными во время генерального межевания, запрашивая в компетентных органах копии с различных документов («чтобы при межевании не воспоследовало во отводе остановки») [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 194. Л. 1]. Крестьяне решительно отстаивали свои законные ин-

тересы: в марте 1784 г. по уголовным делам, разбиравшимся при Вологодской межевой конторе, проходили три землемера вместе с подчиненными [Государственный архив Ярославской области. Ф. 72. Оп. 1. Д. 953. Л. 1].

Деятельность органов мирского управления, отметил А.В. Камкин, оставалась привычно нацеленной «на достижение возможного баланса интересов казны, общины и отдельного крестьянского хозяйства». В то же время в ситуации нарастающего малоземелья, расчленения крестьянства, земельных споров и драматических попыток уравнилительных переделов в жизни северной деревни резко увеличилась роль государственных органов и поверенных, исполнявших специальные поручения населения [4, с. 24–25, 34]. Нижние расправы вели учет общественных «приговоров» и доверенностей, выданных общинами [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 428. Л. 1–18]. Только в период 1782–1789 гг. Тотемская нижняя расправа приняла 131 прошение, касавшиеся земельных переделов [3, с. 67]. Участие в проведении межевания принимали все должностные лица уезда – капитан-исправник и заседатели нижнего земского суда, уездный стряпчий – прокурорский работник [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–4, д. 141. Л. 1–2].

Суд находился на страже законности и обеспечивал соблюдение прав и интересов всех сторон в земельных конфликтах. Так, 6 мая 1788 г. Тотемская нижняя расправа сняла обвинения с крестьян деревни Боярской М. Овчиникова и Н. Художилова в неподчинении требованиям сельских заседателей нижнего земского суда, предписав им, чтобы «впредь от подобных сему на крестьян представлений воздержались и тем бы не наводили напрасного затруднения». При межевании пахотной земли обыватели настойчиво просили дополнительных участков («с окупом государственных податей каждому еще на одну душу»), но не препятствовали разделу, отказавшись подписать документ о согласии с его результатом [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 533. Л. 1–8 об.].

Наконец, выборные должностные лица обеспечили эффективное участие государственных органов в социальной защите обывателей. Так, заплатив налоги за 1784 г. крестьянин деревни Завражской Ф. Иванов, не получивший в 1783 г. земли и угодий на семью из 5 мужских душ, письменно уведомил наместническое правление о своей неплатежеспособности. В переписке по обращению Ф. Иванова участвовали губернатор, наместническое правление, казенная палата, тотемские магистрат, нижняя расправа и нижний земский суд. Согласно документам деревня оказалась обремененной в нарушение предписаний губернского начальства в пользу купцов Пановых. Разрешение коллективного спора было отложено до утверждения Межевой экспедицией городских границ. Уездные власти не нашли способов наделить крестьянина пашней и сенокосами за счет выморочной или неиспользуемой («впусте лежащей») земли и побудили в 1788 г. сельский сход переложить фискальные обязанности с Ф. Иванова на его соседей – «многоземельных и прожиточных крестьян». В декабре 1789 г. нижняя расправа поручила нижнему земскому суду проверить положение крестьянской семьи («ничинит-

ся оному Иванову от кого либо в платеже государственных податей и протчих зборов притеснений а естли каковое за дачею уже и подписки притиснение чинится то изыскав обстоятельно от кого оно происходит виновников выслать для суждения в здешнюю расправу в самоскорейшшем времени»). Ф. Иванов претензий к односельчанам не имел, о чем нижний земский суд рапортовал в нижнюю расправу [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 362. Д. 362. Л. 1–62].

Социальная мобильность населения предопределила тесное взаимодействие нижних расправ с органами городского управления. В 1782 г. перепись зафиксировала в купеческом сословии 500 жителей Тотмы, на крестьянское происхождение указали 143 лица обоего пола [6, с. 307]. Согласно документам, в целях эффективного решения правовых вопросов Тотемская нижняя расправа с начала своей деятельности вторгалась в сферу компетенции городского магистрата. Так, в 1780 г. жена купца Ф. Протопопова, длительно отсутствовавшего по торговым делам, обратилась в расправу с заявлением об истечении 20 ноября срока на погашение долга мещанином Ф.А. Токаревым. Истица просила сделать распоряжения в отношении заложенного имущества («закладную крепость у крепостных дел в силу законов записать и взять с ней указные пошлины и по записке отдать во владение мужу»). Нижняя расправа документом, особая форма которого указывала на равный статус – «промеморией», уведомила городской магистрат о предъявлении договора залога и предложила объявить о выкупе домохозяйства. На основании законодательства 11 декабря нижняя расправа отложила на 2 года любые сделки с собственностью мещанина Ф.А. Токарева [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–5]. Тотемская нижняя расправа участвовала в передаче владельцам соляных промыслов, выделении земли для постройки мельниц [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 351, 368], вела книги для учета не только договоров о вступлении в откупы, купли-продаже, залоге, аренде недвижимой собственности, фиксируя экономическую активность сельского и городского населения, но и договоров купли-продажи и залога дворовых людей, крестьян с землей и без земли, наконец, актов об освобождении, выданных бывшим крепостным крестьянам и дворовым людям. Малочисленность местного государственного аппарата требовала участия судебных представителей в исполнении внесудебных поручений. Так, в сентябре 1788 г. из-за занятости членов нижнего земского суда Тотемская нижняя расправа командировала сельского заседателя О. Попова для препровождения 17 пленных шведов от Вологды до Устюга [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 538. Л. 2].

Чиновникам, понимавшим специфику социальных отношений, сложившуюся на Русском Севере, не приходилось сомневаться в реальности статуса сельских заседателей. В декабре 1793 г. в Тотемскую нижнюю расправу обратился дворянский заседатель нижнего земского суда губернский секретарь В.А. Мохов с жалобой на действия капитана-исправника. Суд принял заявление («впредь для ведома»), взыскав с него 25 копеек [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 641. Л. 1–2].

Государственные служащие приспособлялись к социокультурной среде, их деятельность по естест-

венной необходимости ориентировалась на правовые и морально-этические ценности населения. Не случайно дела о злоупотреблениях классовых должностных лиц полномочиями, вымогательствах и взяточничестве, битье крестьян, незаконных арестах датируются только первыми годами работы пореформенных судов. Претензии обывателей к правонарушителям, часто приезжим отставным офицерам, получали активную поддержку местных чиновников. Судьбой первых становилось крушение карьеры, последних — поощрения в службе.

Так, уже 15 декабря 1780 г. вследствие двух обращений капитана-исправника поручика Левашева в адрес генерал-губернатора и наместнического правления с должности судьи Никольской нижней расправы был уволен и 16 января взят под арест капитан Н.И. Маслов. Расправной судья, пользовавшийся в связи с утерей документа, удостоверявшего личность, поддельным, самовольно оставлял место службы, злоупотреблял полномочиями, присваивая казенные деньги, забирая у крестьян лошадей с нарушением установленных правил, запрягая по 10–12 животных («несмотря на время работное») и приводя их своим обращением в негодность, необоснованно вызывал людей в суд, бил несогласных («бедных обывателей»).

Возмущенный капитан-исправник, в частности, напомнил губернскому начальству: «Ея императорское величество всеавгустейшая наша монархиня неусыпно яко мать о чадах пекущаяся чрез неутомимые труды своя всем верноподданным рабам своим изыскивая блаженное спокойствие изтребляя злобу и безбожное корыстолюбие и лихоимство ясно чрез многие изданные законы запретить соизволила коими таковых преступников жестоко наказывать повелено». Поручик Левашев сослался на действующее законодательство, присягу, данную им при вступлении в должность, и словесное напутствие государева наместника, указав на ограниченность своих полномочий в отношении расправного судьи. Напомнив о цели своего назначения на должность («для соблюдения благопристойности и порядка в уезде и для защищения обывателей от обид и раззорения»), Левашев просил о переводе для работы в другую округу для себя или Маслова.

Генерал-губернатор возбудил уголовное дело, предложив крестьянам подавать иски для возмещения ущерба, причиненного расправным судьей. В ходе следствия Военная коллегия выслала в Вологду восстановленные документы для капитана Маслова, копию указа о его отставке, охарактеризовав офицера, дважды наказанного военным судом за рукоприкладство, но имевшего боевые раны и перенесшего турецкий плен, как усердного к службе и достойного к повышению в чинах. На доклад Сената Екатерина II ответила указом от 2 ноября 1782 г., повелев назначить бывшему офицеру тяжелое уголовное наказание: «лиша чинов и дворянского достоинства сослать в работу» [ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–107 об.].

В 1781 г. вологодский генерал-губернатор назначил на должность председателя Красноборской нижней расправы подпоручика лейб-гвардии Измайловского полка и пошехонского помещика князя П.А. Ухтомского, представившего документы о служ-

бе, возбудив после проведения служебной проверки, вызванной рапортом («доношением») сельского заседателя М. Журавлёва, уголовное дело против его предшественника, обвиненного во взяточничестве, битье крестьян, арестах сельских заседателей и прочих злоупотреблениях предоставленной ему властью [ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–19 об.].

26 июня 1786 г. генерал-губернатор утвердил решение уголовной палаты об увольнении от должностей стряпчего Сольвычегодской округи Семёнова и заседателя Великоустюжского уездного суда Морина, вступивших в сентябре 1785 г. в конфликт с капитаном-исправником Козминым и сельскими заседателями Сольвычегодских нижней расправы Г. Седельниковым и нижнего земского суда Я. Мусоновым во время расследования дела об отмежевании к дачам барона Строганова и князя Шаховского двух казенных оброчных пожень («за шумство безчиние и угрозы также и за пьянство а чрез то и неисправление на них возложенного сверх же того и непристойные в присутственном месте изречения»). Ссора произошла в избе крестьянина Ширяева в деревне Уткино, где разместились коллегия («учреждено общее присутствие») и были выставлены копии именных указов Петра I — «зерцало». В решении по делу уголовная коллегия разъяснила: «...Каковые и Морина и стряпчего несогласные с законами и пьянствование а не менее для протчих и соблазнительные поступки совершенно доказывают что они более при исправлении возложенных на них должностей быть не могут а тем более стряпчей которому не точию самому таковые противные поступки делать но по мере возложенной на него высочайшим учреждением должности протчих от оного обязан отвращать». 16 августа 1786 г. Сольвычегодская нижняя расправа рапортовала в Вологодское наместническое правление о вызове капитана-исправника и объявлении ему решения, вынесенного судом третьей инстанции [ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 111. Л. 1–22 об.].

Итак, в судебных органах и органах уездной полицейской администрации Вологодского наместничества штатная численность судебных представителей низших сословий объективно и существенно преобладала над численностью членов коллегий, замещавших табельные должности. Население, имевшее многовековые традиции общественного самоуправления и управления, безусловно, приняло очередную реформу системы местного управления и воспользовалось правами, предоставленными монархом, проводя ответственный отбор кандидатов на должности.

Сельские заседатели демонстрировали юридическую и нравственную ответственность и добросовестно исполняли служебные обязанности, инициативно осваивая действующее законодательство. Деятельность нижних расправ и нижних земских судов стимулировала развитие правосознания населения. Социальная близость с лицами, замещавшими публичные должности, поощряла крестьян систематически обращаться к авторитету государственной власти. Деятельность новых судебных органов объективно повысила эффективность реализации уголовной политики верховной власти и значение законодательства при разрешении имущественных споров местного насе-

ния. Судебные представители действовали в соответствии с традициями и ценностями мирского самоуправления, участвуя в регулировании общественных отношений в наиболее важных сферах, на Русском Севере, прежде всего, – землевладения и землепользования.

Принцип выборности положительно сказался на качестве взаимодействия органов государственного и общественного управления, объективно способствовал улучшению общественного климата в части межсословных и межэтнических отношений. Активность населения и его представителей в государственных органах позволяла местной администрации успешно избавляться от работников, профессионально и морально непригодных для государственной гражданской службы. Группа социально активных подданных, сотрудничавших с государственным аппаратом, не стала частью бюрократической системы, но превратилась в устойчивый канал связи власти и населения. При смене во время очередных выборов до 90% лиц в составе коллегий только в Вологодском наместничестве в 1780–1796 гг. через должности сельских заседателей в верхних и нижних расправах, совестном и нижних земских судах могли пройти около 370 человек.

Литература

1. Воропанов, В.А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана) / В.А. Воропанов. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 456 с.
2. Камкин, А.В. Крестьянское правосознание и право-творчество по материалам второй половины XVIII века / А.В. Камкин // Социально-правовое положение северного

крестьянства (досоветский период). – Вологда: ВГПИ, 1981. – С. 40–54.

3. Камкин, А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII в. (Пути и формы крестьянского общественного служения) / А.В. Камкин. – Вологда: ВГПИ, 1990. – 95 с.

4. Камкин, А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Камкин А.В. – Москва, 1993. – 38 с.

5. Кочина, З.С. Вологда. XVIII век. Правление Екатерины II. Хроника и российские законы. Справочные материалы / З.С. Кочина. – Вологда, 2003. – Кн. V. – 139 с.

6. Наумова, О.А. Тотемское купечество в XVIII–XIX вв., его состав и регионы предпринимательской деятельности (обзор документов государственного архива Вологодской области) / О.А. Наумова // Тотма: Историко-литературный альманах. – Вологда: ВГПИ, 1995. – Вып. 1. – С. 306–314.

7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ): [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XX: 1775–1780, № 14973; т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Штаты Вологодской губернии.

8. ПСЗ РИ: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXII: 1784–1788, № 15968.

9. ПСЗ РИ: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXII: 1784–1788, № 16078.

10. ПСЗ РИ: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Примеч. 4, 6.

11. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. 1, кн. IV. Описание Вологодской губернии / [сост. и изд. И. Пушкиным]. – Санкт-Петербург: [Тип. К. Вингебера], 1846. – 127 с.

12. Топографическое описание Вологодского наместничества, составленное в 1784 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. – Москва, 1857. – Кн. XXV. – 692 с.

V.A. Voropanov

REALIZATION OF THE JUDICIAL REFORM OF CATHERINE II AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF LEGAL CULTURE OF THE POPULATION OF VOLOGDA NAMESTNICHESTVO

In the article, the influence of realization of the judicial reform of Catherine II on the development of legal culture of the population on the example of one area of the Russian North (the Vologda namestnichestvo) is analyzed. In order to solve the research problem, the author has used both general and specific research methods that are usually applied in philosophy, law, history and social studies. The novelty of the research is described by the fact that the author analyzes the documents of management and record keeping of the local state authorities of the late 18th century that have never been studied before but provide a great insight into both implementation of electoral legislation and court activities, which were created as a result of the local government reforms. The author also examines the role of these documents in the regulation of public relations and effectiveness of the judicial and legal reforms performed by Catherine II. The conclusions made by the author do not only disprove the opinion that the judicial reform of 1775–1785 was inefficient but also allow to assess methods, means and results of the government's efforts on strengthening the balance of public relations between different social classes and ethnic groups in the Russian North and in the Russian Empire in general.

Russian Empire, court, justice, court representation, legal culture.

А.В. Камкин, М.С. Черкасова
Вологодский государственный университет

СЕВЕРНОМУ ОТДЕЛЕНИЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ – 50 ЛЕТ

В статье дан обзор развития археографии в Вологде в XIX – начале XXI в. Приведены основные направления издательской работы, названы наиболее значительные публикации. Заметное внимание уделяется последним десятилетиям (1990–2010-е годы).

Археология, источниковедение, П.А. Колесников, Археографическая комиссия.

Археология – это специальная историческая дисциплина, направленная на подготовку письменных источников к публикации и их последующее издание. Она способствует расширению и обновлению документальной и фактической базы исторического знания. И хотя сугубо научное название «Северное отделение Археографической комиссии» появилось лишь в 1968 г., традиции выявления, публикации, изучения источников по истории края и шире – по русскому северу – были заложены в Вологде еще в XVIII–XIX вв. Корнями своими они уходят в местное летописание. Это во многом было обусловлено статусом Вологды как центра старинной (с конца XV в.) и обширной по территории епархии, функционирование которой аккумулировало огромное количество документов. Не случайно служитель архиерейской кафедры Иван Слободской стал первым историком края, составив в 1716 г. «Вологодский летописец». В 1782 г. на гребне первой волны провинциальной историографии дворянин А.А. Засецкий издал в московской университетской типографии в принятом тогда жанре «Исторические и топографические известия о Вологде» [83, с. 3–26].

В первой половине XIX в. в Вологодскую губернию приезжали известные археографы П.И. Свиньин, П.М. Строев, М.П. Погодин. С 1830-х гг. при Академии наук России начали работать Археографическая экспедиция и Археографическая комиссия, направлявшие на места своих членов для обследования монастырей, церквей, магистратов с целью отыскания в них старинных документов. Многие из выявленных в ходе этих мероприятий письменных памятников (грамот, летописей, рукописных книг) были изданы или обзорно упомянуты в многотомных изданиях экспедиции и комиссии [90, с. 89–97].

Пореформенная эпоха в России была временем подъема краеведения, деятельности губернских ученых архивных комиссий. В Вологде при Вологодском епархиальном древнехранилище в 1896 г. была учреждена «Постоянная церковно-археологическая комиссия любителей истории и древностей». Древнехранилище располагалось в надвратной церкви Вологодского кремля, оно было доступно для всех посетите-

лей, а экскурсии в нем проводил С.А. Непеин. Работу комиссии направляли Н.И. Суворов, Е.Н. Бурцев и о. Феодосий Малевинский. Наиболее значимым результатом деятельности церковно-археологической комиссии стало издание в 1899–1917 гг. тринадцати выпусков «Описания свитков» [83, с. 23, прим. 3]. В них было включено более 3 тыс. документов XVI–XVIII вв. главным образом из архивов Вологодского архиерейского дома и Спасо-Прилуцкого монастыря, некоторых приходских церквей. После бурных событий революционного 1917 г. «Описание свитков» в прежнем виде уже не было возобновлено. То же самое следует сказать и о старых периодических изданиях – «Вологодских губернских» и «Вологодских епархиальных ведомостях», а также о «Памятных книжках для Вологодской губернии». Прекращение их выхода привело к резкому сокращению археографических и источниковедческих разработок [76; 119, с. 26–41; 111, с. 13–25].

Возвращаясь к последнему предреволюционному десятилетию, отметим, что расширению археографической работы способствовало учреждение в 1910 г. в Великом Устюге древнехранилища для собирания и хранения древних церковно-исторических памятников. Местным краеведом, преподавателем духовного училища, статским советником В.П. Шляпиным в 1912–1913 гг. было издано два выпуска актов Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря (приуроченных к 700-летию юбилею обители) [77; 86, с. 236–243; 148, с. 61–63].

До революции в Вологде действовало научно-просветительское «Общество изучения Северного края» (ВОЙСК), открытое в 1909 г. Председателем Общества стал А.П. Неелов, товарищем председателя – И.М. Шемогонов, секретарем – А.А. Колычев. В ВОЙСК были созданы комиссии: ревизионная, естественно-историческая, историко-археологическая, географо-этнографическая, промышленно-экономическая и музейно-библиотечная. Включая при своем учреждении 128 членов (педагогов, чиновников, врачей, агрономов, предпринимателей, статистиков, священнослужителей), ВОЙСК разработало программу широкого изучения истории, этнографии, культуры, географии,

экономики, природных ресурсов Северного края. Краеведение в ту пору поистине можно считать формой общественного служения интеллигенции. В 1914 г. ВОЙСК насчитывало уже 215 членов, из которых 120 чел. проживали в Вологде, 51 – за пределами губернии, 44 – в различных ее городах. В 1911 г. при ВОЙСК были открыты библиотека и музей, а в 1915 г. – филиалы в Тотьме, Устюге и Усть-Сысольске. Велась и издательская деятельность – вышли в свет четыре выпуска «Известий ВОЙСК», и лишь трудности военного времени не позволили развернуть издательскую программу более широко [40, с. 465–500; 109, с. 143–159, 217–283]. Некоторые из подготовленных тогда работ были изданы лишь в 1990-е годы в рамках краеведческих альманахов «Старинные города Вологодской области» (например, монография Д.А. Григорова о тотемских соляных промыслах). Об активном члене ВОЙСК Владимире Николаевиче Трапезникове (1874–1937) издана интересная монография современного вологодского исследователя Л.С. Панова [115].

В 1920-е годы краеведение в советской России все более приобретает ресурсную направленность, ставится на службу интересам хозяйственных и планирующих организаций. Антицерковный и богоборческий настрой новой эпохи вступал в явное противоречие с прежним краеведением, понимаемым как «гробкопательство», оторванное от практической жизни, вследствие чего поисковая научно-археографическая работа ослабевает. Лишь в подготовленных И.Н. Суворовым и А.А. Колычевым машинописных «Сборниках актов Северного края XVI–XVIII» 1925–1926 гг. слабо теплились археографические традиции дореволюционной поры [87; 109; 112, с. 133–138; 114, с. 123–144; 138; 139]. О том же свидетельствует подготовленная членами ВОЙСК машинописная копия переписной книги Вологды 1711/12 г., обнаруженной в городском магистрате, полноценное издание которой было осуществлено лишь в 2008 г. [119]. Некоторое время в Вологде издается журнал «Север», пришедший на смену «Известиям ВОЙСК». В 1925–1929 гг. в Устюге публикуются «Записки Северо-Двинского общества изучения местного края». Центральной фигурой в развитии исторического знания на Устюге как до, так и после 1917 г. оставался В.П. Шляпин, статьи которого отличались наибольшей глубиной и перспективностью проблематики. В 1927 г. он был утвержден членом Центрального Бюро краеведения по Северодвинской губернии.

В 1930-е гг. центром краеведческой работы на Севере стал Архангельск, а в Вологде в 1934 г. было создано Вологодское отделение Общества изучения Северного края. Просуществовало оно, правда, недолго, поскольку в соответствии с Постановлением Совнаркома РСФСР от 10 июня 1937 г. Северное общество в Архангельске и его Вологодское отделение были упразднены уже 1 августа того же года. Ряд видных краеведов Устюга, Тотьмы, Череповца был репрессирован (К.А. Богоявленский, Н.Г. Бекряшов, Н.В. Ильинский, Я.Т. Богачев, Н.А. Семеновский и др.). Тяжелые жизненные испытания выпали на долю оставшихся в живых – Д.А. Григорова и В.П. Шляпина. Спустя почти полвека в Устюге пройдут научные чтения, приуроченные к 130-летию со дня рождения

В.П. Шляпина (1861–1943). Архив и библиотека этого замечательного ученого после смерти были переданы в музей-заповедник Великого Устюга, часть его статей до сих не опубликована [148, с. 61–63].

Новый этап в научно-краеведческом движении на Севере наметился в конце 1960-х годов. Решение о создании Северного отделения Археографической комиссии АН СССР с центром в Вологде было принято в декабре 1968 г. на Всероссийской конференции по историографии и источниковедению Европейского севера СССР, проведенной под руководством ее председателя С.О. Шмидта. 11 марта 1969 г. это решение было утверждено бюро Отделения истории АН СССР. Председателем новой научной организации стал тогдашний проректор Вологодского государственного педагогического института Петр Андреевич Колесников (1907–1996). Годом ранее он же возглавил Вологодское проблемное объединение по аграрной истории Европейского Севера СССР.

В 1970–1980-е гг. работа двух этих обществ шла тесно рука об руку. В марте 1970 г. на их совместном заседании была принята широкая программа научно-исследовательской, археографической и издательской деятельности [1, с. 21–24]. Она распространилась далеко за пределы нашего города, объединив вокруг себя более 200 человек – преподавателей пединститутов Вологды, Архангельска, Петрозаводска, Сыктывкара, научных работников Института языка, литературы, истории Карельского и Коми филиалов АН СССР, работников, музеев, библиотек, архивов, краеведов-любителей. В Бюро Северного отделения вошли П.А. Колесников (председатель), Ю.С. Васильев (секретарь), Я.Н. Безносиков, Г.Г. Фруменков, Т.М. Воропанова, М.Н. Никольская, Ф.И. Резников [40, с. 465–500].

За 50 лет работы Северного отделения было проведено множество археографических экспедиций, научных конференций, в том числе Всесоюзных, издано 25 сборников научных работ [их перечень см.: 83, с. 24, прим. 22], включая серию из 11-ти «Северных археографических сборников» [83, с. 24, прим. 23], а также 13 томов уникальной программы «Памятники письменности в музеях Вологодской области» [83, с. 24, прим. 24]), два тома «Истории северного крестьянства» [83, с. 24–25, прим. 25], два тома писем участников Великой Отечественной войны [83, с. 25, прим. 26]. И конференции, и отмеченные издания аккумулировали огромный научный потенциал местного общества и ряда видных ученых (по преимуществу аграрников) из столичных научных центров – академических институтов, Московского и Ленинградского университетов, федеральных архивов и музеев. Вологда на своих конференциях и в своих изданиях увидела и услышала, опубликовала труды таких крупных отечественных специалистов, как В.И. Шунков, В.И. Буганов, Я.Е. Водарский, В.Д. и Л.В. Даниловы, Н.Ф. Демидова, Е.И. Индова, А.И. Копанев, С.О. Шмидт, В.Л. Янин, А.Д. и Н.А. Горские, В.И. Корецкий, О.М. Медушевская, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.И. Комиссаренко, Е.Н. Швейковская (Бакланова), Н.П. Воскобойникова, А.А. Амосов, Л.С. Прокофьева, З.В. Дмитриева и мн. др.

Наш выдающийся земляк П.А. Колесников словно прорвал плотину между провинцией и столицей. Он

своим авторитетом, личным обаянием, организаторскими способностями, высоким профессионализмом, подлинной интеллигентностью умело координировал усилия региональных и федеральных научных учреждений, объединял вокруг общего ДЕЛА порой совершенно разных людей. Опора на археографию, архивоведение, публикацию обширного комплекса документов в широком хронологическом диапазоне XV–XX вв. ставила историко-аграрные исследования на надежную источниковую базу. П.А. Колесникову удавалось вычленять для обсуждения и осмысления наиболее перспективные, фундаментальные и актуальные научные проблемы [82, с. 3–9]. Признанием Вологды как научного центра стало проведение здесь на базе пединститута сессии Всесоюзного симпозиума по аграрной истории в сентябре 1974 г. [104].

Помимо Северных археографических сборников, в 1980-е гг. в Вологде выходили межвузовские тематические сборники, в которых имелись разделы «Публикации документов», «Обзоры и публикации». В них также был представлен значительный корпус впервые введенных в научный оборот документов XVI–XVIII вв.: сотные выписи, списки населенных мест, дозорные вотчинные книги, описи крестьянского хозяйства, обзоры архивных фондов. Широкий географический диапазон источников: Двина, Каргополь, Кеврола, Турчасов, Тотьма, Вологда, Устюжна Железопольская [10; 75; 94; 96]. Исследователь из Тобольска (уроженец дер. Петряево Сокольского района Вологодской области) Н.Л. Коньков опубликовал, например, новые документы о промысловой деятельности отца М.В. Ломоносова Василия Дорофеевича в первой трети XVIII в. [92, с. 96–106].

В декабре 1990 г. в Вологде было организовано Вологодское областное общество историков-архивистов. Оно ежегодно проводило историко-краеведческие конференции, по итогам которых издавало сборники «Историческое краеведение и архивы», в которых научная археография также нашла свою нишу [83, с. 25, прим. 30]. В 1996 (в связи с 300-летием российского флота) и 2000 г. (в связи с 2000-летием Христианства) эти конференции имели Всероссийский статус [130]. Подлинной душой этих начинаний многие годы была руководитель Архивным управлением Вологодской области, а ныне – член Общественной палаты Вологодской области О.А. Наумова. К 150-летию земской реформы в России (1864) по ее инициативе была проведена научно-практическая конференция, а затем издан интересный сборник статей по местному самоуправлению [105].

В 1990-е – начале 2000-х гг. усилиями вологодских архивистов, историков, филологов было завершено описание крупнейшего архивного фонда (1260) в ГАВО – Коллекции столбцов XVI–XVIII вв., были составлены подробные описи, микро-, фото- и электронные копии около 20 тысяч ценнейших документов. Это сделало возможным более детальную их разработку и публикацию по сравнению с 13-ю выпусками «Описания свитков», что восстанавливало прерванную в 1917–1920 гг. связь с дореволюционным этапом археографической работы в Вологде [136].

В 1990-е гг. в Вологде осуществляются новые исследовательские и издательские программы. Среди них самым известным проектом стала серия альманахов «Старинные города Вологодской области», главным редактором которых является заместитель директора пединститута ВоГУ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, заслуженный деятель науки РФ М.А. Безнин. В полусотне альманахов имелись ценные рубрики – «Исторический архив» либо «Прошлое в документах». В них было опубликовано огромное количество новых исторических источников XVI–XX вв. Это акты [35, с. 154–165; 69, с. 321–333], писцовые и переписные книги [8, с. 195–211; 30, с. 333–370; 31, с. 37–92; 35, с. 154–165; 124, с. 266–279; 125, с. 409–430], хозяйственные, описные и отписные книги, синодики и летописцы из монастырских архивов [24, с. 265–280; 29, с. 261–287; 32, с. 86–92; 33, с. 86–104; 36, с. 431–441; 37, с. 442–454; 38, с. 115–140; 39, с. 601–619; 68, с. 225–272; 133, с. 133–165; 85, с. 131–139], топографические и историко-статистические описания [34, с. 118–127; 80, с. 279–301], описи дворянских имений [88, с. 455–486], отчеты благочинных [135, с. 440–453], материалы о торговых иноземцах [42, с. 326–332; 74, с. 96–132], о купечестве [143, с. 259–307], о местном самоуправлении [126, с. 241–258], о либеральной интеллигенции в революции 1905 г. [72, с. 56–63], раскулаченных, ссыльно-переселенцев и репрессированных [22, с. 487–495], дворянские и крестьянские дневники, мемуары [71, с. 599–666; 91, с. 302–315; 85, с. 131–139; 107, с. 245–517; 131, с. 144–151; 132, с. 343–377; 141, с. 695–755], листовки и телеграммы времени гражданской войны 1918–1920 гг. [132, с. 343–377] обзоры архивных фондов [134, с. 212–222; 140, с. 316–325] и многое другое [подробнее см.: 23, с. 498–539].

Одним из факторов научной жизни Вологды и Севера в целом в конце 1990-х – 2000-е годы стали юбилейные даты, связанные со светлой памятью о П.А. Колесникове, ушедшем из жизни в мае 1996 г. Посвященные Петру Андреевичу и его научно-просветительскому наследию конференции проводились в 1997, 2002, 2007, 2017 гг. [9, с. 42–49; 101; 123]. Свидетельством признания его как выдающегося ученого и организатора науки стала состоявшаяся в Москве в 2007 г. при участии Северного отделения Археографической комиссии XV Всероссийская конференция по писцовым книгам на базе ведущего федерального Российского государственного архива древних актов [103]. Знаком признания вклада П.А. Колесникова в научную разработку истории Тотьмы XVII в. стала публикация его кандидатской диссертации (защитенной в 1957 г.) в 3-м выпуске альманаха «Тотьма» в рубрике «Книга в книге» [89, с. 180–277], в которой был дан развернутый анализ архивных и опубликованных источников.

Помимо альманахов, историко-краеведческих сборников и материалов тематических конференций [6; 10; 26, с. 25–29; 77; 78; 93; 122; 123], «площадкой» для публикации новых источников в 1990-е годы стали некоторые учебные пособия. В 1990 и 1995 гг. А.В. Камкиным были напечатаны документы конца XVII–XVIII в. по истории православия, организации

мирского управления, регулированию внутримирских отношений и о взаимодействии мира и власти на севере [79; 81]. Источники были выявлены автором в Архангельском, Вологодском государственных архивах и Великоустюжском филиале ГАВО. В формате учебного пособия был представлен комплекс документов из фондов РГАДА и ГАВО о Вологде в период Петровских реформ [25]. Новые актовые и делопроизводственные источники из архиерейских и монастырских архивов конца XV–XVII вв. продолжали издаваться и в 2000–2010-е годы в учебных пособиях, научно-популярных книгах и статьях [150, с. 83–105; 160, с. 150–161; 161, с. 128–131, 176–183; 162]. Следует также отметить публикацию разнообразных источников в учебных изданиях, адресованных студентам-филологам [67, 146]. Здесь же укажем публикации в таких серийных изданиях, как «История и культура Ростовской земли», поскольку Ростовский музей-заповедник обладает большим собранием документов по истории севера XVI–XVIII вв. [154, с. 5–15; 156, с. 42–54]. Грамоты XVI–XVII вв. из вологодских архивохранилищ удалось напечатать в ряде межвузовских тематических научных сборников [151, с. 191–199; 157, с. 132–151; 160, с. 150–161], а также некоторых сборниках по историко-культурной тематике Вологды, Грязовца, Устюга [27, с. 160–232; 28, с. 89–195; 65, с. 108–122; 97, с. 79–84]. Частью археографической работы остаются описания и обзоры архивных фондов, иногда достаточно крупных музеев-заповедников [113].

Северное отделение Археографической комиссии за последние 25 лет неоднократно участвовало в организации и проведении Всероссийских конференций по изучению и изданию писцовых книг и массовых историко-географических источников XVI – начала XXI в. [2, с. 229–248; 70, с. 211–219; 127, с. 218–220; 128, с. 197–200]. Совещание в июле 2011 г. в Каргополе на базе музея-заповедника было приурочено к 90-летию Натальи Петровны Воскобойниковой (1921–2012) – старейшего археографа и источниковеда, тесно и плодотворно сотрудничавшего с вологодскими историками-аграрниками с 1970-х гг. [5, с. 172–179; 44, с. 179–186; 45, с. 47–95; 102]. Не оставалось Северное отделение в стороне и от состоявшихся в Вологде на базе педагогического университета в 2000 и 2008 гг. Симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы [7; 87].

В течение последних 10 лет активная археографическая работа была обусловлена грантовой поддержкой ряда исследовательских и издательских проектов со стороны РГНФ и РФФИ. По сравнению с 1970–80-ми годами масштаб изданий существенно увеличился (до 70–80 печ. листов) благодаря возросшим возможностям компьютерных технологий, которые облегчили и ускорили трудоемкий процесс обработки массивов архивных источников и подготовки их к изданию. Стало возможным более выразительное иллюстративное и картографическое оформление публикаций, фото-воспроизведение грамот и кадастровой документации. В 2008 г. двумя томами был издан комплекс писцовых и переписных книг Вологды 1646, 1678, 1688–1690-х и 1711/12 гг. [119]. Особенно значима публикация переписной книги 1711/12 г. из

ГАВО, задача издания которой была поставлена еще членами ВОИСК в 1920-е годы. Издание это было отмечено почетными грамотами Федерального архивного агентства, положительными откликами в отечественной и зарубежной периодике [106, с. 35–56; 167, с. 122–124; 172, с. 100–101].

В 2011 г. вышло большое по объему издание переписных книг вологодских монастырей XVI–XVIII вв. [95, с. 267–274; 108, с. 263–265; 117]. Оно включило 16 прежде неопубликованных переписных книг восьми наиболее значительных духовных корпораций Вологодского уезда. По каждому монастырю был отобран более ранний и более поздний источник, что позволяло увидеть изменение многих сторон их повседневной жизни – хозяйственной, социальной, культурной, состава монашеской братии, крестьянского и бобыльского населения, административного аппарата. Архивный корпус отобранных книг содержал источники как из ГАВО и Отдела фондов Вологодского музея-заповедника, так и федеральных архивов – Отдела рукописей Государственного исторического музея, РГАДА, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. К подготовке издания, которая велась в течение трех лет, были привлечены преподаватели (историки и филологи), студенты и аспиранты Вологодского и Череповецкого университетов, работники архивов, музеев, библиотек. В рецензиях на это издания отмечалась многоплановость опубликованных источников, представляющих значительный интерес для специалистов в разных областях – истории средневековой культуры и прикладного искусства, источниковедения, архивоведения, письменности и книжности. Высокий уровень оформления данной книги сотрудниками «Древностей Севера» был отмечен почетной грамотой областного конкурса «Вологодская книга – 2011» в номинации «Лучшее издательство».

Апробированный в этой публикации тип – *исследование и тесты* – был затем использован при издании таможенных книг Великого Устюга 1748–1752 гг. [129, с. 302–306; 142] и переписных книг Устюга 1710–1717 гг. [116]. Два названных издания ввели в оборот ценные документальные памятники из Великоустюжского центрального архива, особенно труднодоступные исследователям в силу большой удаленности этого северного города от столичных и региональных научных центров. Необходимость их публикации обуславливалась также не всегда надлежащими сезонными условиями хранения, соблюдения температурно-влажностного режима. К работе над проектом были привлечены архивные и музейные сотрудники Великого Устюга и Вологды. Междисциплинарный состав участников проектов был представлен не только специалистами-историками, но и филологами (доктор филологических наук С.Н. Смольников), архивистами, искусствоведами. В задачу публикаторов и таможенных, и переписных книг входила не только предельно полная (без купюр) и корректная с точки зрения современной орфографии и пунктуации передача текстов, «подведение» вариантов, если обнаруживалось несколько списков, с их палеографической и филигранологической характеристикой, археографическим введением, несколькими указателями –

именными, географическими, предметно-терминологическими.

Исследовательская часть научно-археографических изданий – это и включение в них ряда статей. Последние показывали первичный уровень анализа, где археография уже непосредственно «работает на науку»: в публикации монастырских переписных книг была коллективная статья Н.В. Башнина, И.Н. Шаминой, М.С. Черкасовой об их информации по аграрной и демографической истории России XVI–XVIII вв. Аспирант Череповецкого госуниверситета А.Н. Красиков в упомянутых изданиях представил статьи о монастырских книжных собраниях и книгах в системе торговли на Устюге в середине XVIII в. Научный сотрудник Вологодского музея-заповедника Е.А. Виноградова написала содержательную статью по иконографии. В трех статьях С.Н. Смольникова переписные и таможенные книги анализировались как памятники деловой письменности. Именно филологам (Ю.И. Чайкиной и С.Н. Смольникову) задолго до публикации устюжских таможенных книг 1748–1752 гг. принадлежит приоритет по введению в научный оборот одной из них – явочной таможенной книги 1751–1752 гг. [147, с. 293–308]. Типология этих книг – записная пошленная 1748/49 и явочная («явчая») 1751/52 г. – была разобрана в статье аспирантки Вологодского госуниверситета А.Н. Гуслистой, также еще до полноценного издания этих документальных памятников [64, с. 248–255].

Наиболее крупным по объему стал изданный в 2012 г. огромный том указных грамот воеводам и приказным людям в города Устюжской четверти за 1613–1626 гг. Публикацию подготовил И.В. Пугач, снабдивший ее развернутой вступительной статьей, дав археографическую и источниковедческую характеристику документов, корректно составив заголовки почти тысячи грамот, сопроводив текст иллюстрациями и указателями [145; 163, с. 270–74]. В 2015–2017 гг. он же совместно со студентами кафедры теории, истории культуры и этнологии и научными сотрудниками Кирилло-Белозерского музея-заповедника занимался археографической обработкой огромного по объему источника – кирилловской описи 1771–1773 гг. Она хранится в ГАВО, состоит из трех частей и насчитывает около 1700 лл. Это ценнейший источник по истории культуры – об архитектурном облике крупнейшего монастыря северной России, хозяйственных строениях, интерьерах церквей, их ризницах, выдающемся книжном наследии, насчитывавшем около 2,4 тыс. рукописных и старопечатных книг, собрании драгоценной утвари и предметов декоративно-прикладного искусства. Было написано историко-археографическое введение, проведено различных списков описи в ОР РНБ и РГИА, установлен состав предшествовавших имущественных описей обители, составлено несколько указателей, подобраны яркие иллюстрации, дающие возможность сравнения текста источника и реальных предметов из собрания музея, описанных им.

Ряд новых актовых источников конца XV–XVII вв. был опубликован в книге М.С. Черкасовой о церковно-монастырских архивах Вологодского уезда и их научной реконструкции [13, с. 104–108; 155].

Издание было осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в 2012 г. В этой работе, отмеченной на областном конкурсе «Вологодская книга – 2012» в номинации «Лучшее научное издание», был систематизировано огромное документальное богатство вологодских монастырей, церквей и архиерейского дома допетровской эпохи (около 3,5 тыс. номеров). Представление о видовом и хронологическом их распределении давали обобщающие таблицы, а о пространственном – профессионально составленные А.Л. Грязновым карты.

С особым одобрением следует отметить вклад нового поколения историков и источниковедов в научную археографию. Их работы отличаются высоким научным и профессиональным уровнем, разнообразием тематики и вводимых в научный оборот видов источников. Ряд содержательных публикаций из монастырских фондов ГАВО и РГАДА был представлен И.Н. Шаминой в журнале «Вестник церковной истории» [165, с. 5–133; 166, с. 26–99; 168, с. 17–107; 169, с. 30–63; 170]. В том же журнале, а также ряде петербургских изданий Н.В. Башнин опубликовал несколько новых источников из архивов вологодского Лопотова, Дионисиева Глушицкого монастырей и Вологодского архиерейского дома [14, с. 98–115; 15, с. 139–177; 17, с. 243–251; 18, с. 226–343; 19, с. 5–29; 20, с. 166–177].

В «Вестнике церковной истории» в недавние годы были напечатаны и другие материалы по северу: комплекс актов о вологодском подворье Кирилло-Белозерского монастыря [149, с. 7–55], документы из архивов Вельска и Верховажья [152, с. 61–130], акты Устюженской десятины Новгородской митрополии [153, с. 5–29], переписка Н.И. Суворова с казанским архимандритом, уроженцем Вологодчины Екзакустодианом 1885–1896 гг. [158, с. 130–164], документы из архива Великоустюжского архиерейского дома за 1682–1700 гг. (159), очерки о священнике Иоанне Верюжском [12, с. 265–275], о закрытии Покровского Глушицкого монастыря [118, с. 65–84], об основателе тотемского Спасо-Суморина монастыря Феодосии Суморине и его уникальном духовном завещании 1567 г. [120, с. 5–27], о первом вологодском летописце Иване Слободском [99, с. 223–234]. Источники по северу были опубликованы и в других научных журналах – «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» [164, с. 105–125], «Исторический архив» [41, с. 174–183; 51, с. 151–167], «Вестник Екатеринбургской духовной семинарии» [100, с. 84–152]; а также в академическом издании «Памятники культуры. Новые открытия» [66, с. 86–130; 98, с. 36–41].

Новаторские исследования выпускника истфака ВГПУ Д.Е. Гневашева по истории служилого землевладения Вологодского уезда XV–XVII вв. ведутся с конца 1990-х гг. и тесно связаны с кропотливой и трудоемкой разработкой источниковой базы и изданием отдельных документов. Молодой автор подробно проанализировал чиновно-служилую структуру двора вологодских архиереев в XVII в., их генеалогический состав, сроки службы, поколенно-семейные связи, денежное и земельное содержание [46, с. 139–149]. Это потребовало глубокого проникновения в приходо-расходные, окладные, отказные книги, что само по себе уже давало первичную систематизацию

очень обширного документального комплекса. Д.Е. Гневашев опубликовал синодик русских воинов, убитых под Казанью 1506 г., с ранними сведениями о вологодских служилых фамилиях Дедевиных, Матафтиных, Трусовых [49, с. 672–683]. Им же были изданы «сыскные» списки вологодских дворян и детей боярских 1606–1613 гг., а еще документы из архива белозерского Николо-Курьюжского монастыря [47, с. 98–114].

В ходе комплексной разработки дозорных книг Вологодского уезда 1600-х гг. Д.Е. Гневашеву удалось систематизировать информацию о поместных раздачах при короле Владиславе и при правительстве Михаила Федоровича Романова. Ретроспективная информация о дозорах была также выявлена им в комплексе писцовых описаний 1620-х гг. В дозорных книгах были обнаружены сведения о запустении крестьянских дворов по причине убийств дворохозяина разбойниками, а в «Коллекции столбцов XV–XVIII вв.» ГАВО О.Н. Адаменко было найдено 14 актов, свидетельствующих о разбоях в вотчинах вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря [3, с. 307–313].

Увидели свет и публикации источников в виде специальных книг. Наиболее впечатляющие результаты научной археографии представил Н.В. Башнин. В 2016 г. вышли в свет два обширных издания. Первое – это публикация комплекса приходо-расходных и окладных книг Вологодского архиерейского дома XVII – начала XVIII в. В подготовке его приняли участие О.Н. Адаменко, А.Ю. Жуков, А.Л. Грязнов [11; 121]. Настоящим информационным взрывом в этом издании можно считать наиболее раннюю приходо-расходную книгу 1612/13 г., хронологически близкую к печально знаменитому «вологодскому разорению» 22–25 сентября 1612 г. Выявлена она была Н.В. Башниным в Тихомировском собрании в Отделе рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН в Новосибирске. Еще один принципиальный момент – включение в издание профессионально выполненных историко-географических карт, выполненных А.Л. Грязновым и дающих полное представление о пространственном размещении церковных приходов Вологодского уезда.

Второе издание – это новаторская книга Н.В. Башнина о Дионисьево-Глушицком монастыре. Помимо капитальной монографии о нем, к которой автор упорно и последовательно шел со студенческих лет в ВГПУ, оно включает полную публикацию архива этой обители с XV до XIX в. Имея крупный формат и 1300 страниц текста, эта работа по-своему феноменальна и не случайно удостоилась Премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария в октябре 2017 г. и положительной рецензии [21; 171].

При поддержке РГНФ/РФФИ член Северного отделения Археографической комиссии А.Л. Грязнов в течение ряда лет плодотворно занимается реконструкцией корпуса белозерских актов (в форме Каталога). Им выявлено 569 опубликованных грамот XIV–XVI вв. 208 ранее не издававшихся документов внесены им в Каталог, дополненный 98 актами-упоминаниями. Еще 47 документов, напрямую не касающихся землевладения или системы управления, но относящихся к территории Белозерья и в ряде случаев

дополняющих поземельные акты, помещен в раздел Дополнения. В первую очередь это послания (преподобного Кирилла и братии Кирилло-Белозерского монастыря князьям, послания Ивана Грозного в Кириллов монастырь) и ставленные грамоты белозерским священникам. Хронологически выявленные акты практически в равных пропорциях распределяются между XV и XVI вв.: за древнейший период до 1505 г. – 372, за XVI в. – 405. Уже сейчас впечатляет предварительный результат кропотливой поисковой работы исследователя, поскольку общее количество выявленных и систематизированных им актов приближается к 1000, то есть на 200–250 единиц достигнуто приращение новых источников XVI в. Для сравнительно давнего столетия это также можно считать настоящим информационным взрывом!

А.Л. Грязновым был еще опубликован такой ценный источник, как сотная на вотчину Корнильево-Комельского монастыря в Пошехонском уезде 1543/44 г. [53, с. 25–32], древнейший белозерский частный акт [52, с. 35–49], документы вологодской таможни середины 1663 г. [55, с. 359–380]. До них по таможенному управлению Вологды в XVII в. была известна только таможенная книга 1634/35 г., введенная в научный оборот Е.Б. Францусовой в 1983 г. А.Л. Грязнов тщательно изучил дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских великих и удельных князей [54, с. 152–155; 61, с. 3–24; 62, с. 31–84], реконструировал вотчинные архивы отдельных княжеских родов Белозерья [56, с. 21–44]. Неизменно сильную сторону его археографических и источниковедческих изысканий составляет историческая картография, дающая наглядное пространственное представление об изучаемых микрорегионах, способствующая более глубокому прочтению актовых источников и писцово-переписной документации. Выполненные на высоком уровне классической дипломатики, его многочисленные многоплановые статьи отличаются также широким сравнительным диапазоном: Белозерье – Вологодчина – Дмитровский, Ростовский и Костромской и другие уезды [57, с. 147–163; 58, с. 3–14; 59, с. 59–65].

В 2015 г. коллектив авторов, возглавляемый Ф.Я. Коноваловым, при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00386 а) начал подготовку к публикации эпистолярного наследия великоустюгской купеческой семьи Булдаковых в формате «исследование и тексты». Род Булдаковых известен прежде всего благодаря имени Михаила Матвеевича, первенствующего директора Российско-американской компании (1799–1827). Личный архив М.М. Булдакова волей обстоятельств оказался рассредоточен по разным архивохранилищам России и даже США, и часть его сохранилась в Секторе письменных источников Вологодского музея-заповедника. Комплекс, готовящийся к публикации, представляет собой деловую и частную переписку (206 писем), относящуюся концу XVIII – началу XIX века. Ценность его публикации несомненна, учитывая и единичность такого типа источников, и их значимость в рамках разработки проблем социокультурного облика купцов, организации их торговой деятельности, формирования социальных сетей в среде купечества и многих других. Предвари-

тельные результаты работы над проектом получили отражение в новейших публикациях М.В. Гузаковой и Э.Л. Трикоз [63, с. 36–46; 144, с. 71–75].

В настоящее время Археографическая комиссия РАН существует в рамках Отдела археографии Института славяноведения и балканистики РАН. Отделом руководит канд. ист. наук А.В. Мельников. С 1999 г. председателем Северного отделения Археографической комиссии является А.В. Камкин, секретарем – И.В. Пугач, членами – Ф.Я. Коновалов, Г.Н. Чебыкина, М.С. Черкасова, О.Н. Адаменко, А.Л. Грязнов, А.Н. Гуслистова, И.Н. Шамина. Мы уверенно смотрим в будущее, полны творческих планов, разрабатываем новые исследовательские и издательские проекты.

Литература

1. Аграрная история Европейского Севера СССР. Памяти Н.В. Устюгова / отв. ред. П.А. Колесников. – Вологда: ВГПИ, 1970. – 607 с.
2. Адаменко, О.Н. Алфавитный указатель работ, опубликованных в изданиях Всероссийских научно-практических совещаний (конференций) по писцовым книгам и массовым источникам в 1990–2008 гг. / О.Н. Адаменко // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX веков: материалы XVIII Всероссийской научной конференции. – Нижний Новгород, 2014. – С. 229–248.
3. Адаменко, О.Н. Дела о разбоях в монастырской вотчине в 1610-х – 1620-х годах (по архиву Спасо-Прилуцкого монастыря) / О.Н. Адаменко // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Русского Севера: сборник научных статей и материалов Межрегиональной научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию профессора А.А. Куратова. – Архангельск: КИРА, 2016. – С. 307–313.
4. Адаменко, О.Н. Приходо-расходная книга «московской держи» архиепископа Вологодского и Белозерского Симона 1676 г. / О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин // Вестник церковной истории. – 2017. – № 1–2 (45–46).
5. Акиншин, А.Н. Труды Н.П. Воскобойниковой по археографии и источниковедению / А.Н. Акиншин, М.С. Черкасова // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 172–179.
6. Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда, 1995. – 428 с.
7. Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Материалы XXXI-й сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кн. 1 / отв. ред. Е.Н. Швейковская. – 287 с. – Кн. 2 / отв. ред. М.А. Безнин. – 279 с. – Вологда: ВГПУ, 2009.
8. Алексеев, С.А. Описание волостей Танища, Дуброва и Сухоч в переписной книге Белозерского уезда 1645–1647 гг. / С.А. Алексеев // Кадуи. Краеведческий альманах / ред. Е.Р. Дружинин, Г.В. Судаков. – Вологда: Русь, 2005. – С. 195–211.
9. Артемова, О.В. Обзор документов личного архивного фонда П.А. Колесникова / О.А. Артемова // Историческое краеведение и архивы. – Вологда, 2004. – Вып. 10. – С. 42–49.
10. Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Тезисы вступлений на Республиканской науч. конф. / отв. ред. М.А. Безнин. – Вологда: ВГПИ, 1989. – Ч. 1. – 107 с.; Ч. 2. – 143 с.
11. Базарова, Т.А. Новые источники по истории социально-экономических отношений и повседневной жизни на русском Севере в XVII в. / Т.А. Базарова // Вестник церковной истории. – 2017. – № 1–2 (45–46).
12. Балакшин, Р.А. Труженик Христов: священник Иоанн Верюжский / Р.А. Балакшин // Вестник церковной истории. – 2010. – № 1–2 (17–18). – С. 265–275.
13. Башнин, Н.В. Рецензия на издание: Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции / Н.В. Башнин // Отечественные архивы. – 2013. – № 4. – С. 104–108.
14. Башнин, Н.В. Поставления и назначения в Вологодской епархии в 1674–1675 гг. / Н.В. Башнин // Вестник церковной истории. – 2013. – № 1–2 (29–39). – С. 98–115.
15. Башнин, Н.В. Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписная книга вотчины 1702 г. / Н.В. Башнин // Вестник церковной истории. – 2013. – № 3–4 (31–32). – С. 139–177.
16. Башнин, Н.В. «Тетрадь записная» указам и распоряжениям архиепископа Вологодского и Белозерского Симона 1681–1682 гг. / Н.В. Башнин // Вестник церковной истории. – 2014. – № 3–4 (35–36). – С. 72–116.
17. Башнин, Н.В. Сотная грамота Т.А. Карамышева на вотчину Григорьево-Пельшемского Лопотова монастыря в Замосшской волости Вологодского уезда 1543/44 г. / Н.В. Башнин // Петербургский исторический журнал. – 2014. – № 1. – С. 243–251.
18. Башнин Н.В. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон и его приходо-расходная книга «московской езды» 1666–1667 гг. / Н.В. Башнин // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII вв. / отв. ред. П.В. Седов. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. – С. 226–343.
19. Башнин, Н.В. Опись келейного имущества архиепископов Вологодских и Белозерских 1683 г. / Н.В. Башнин // Вестник церковной истории. – 2016. – № 1–2 (41/42). – С. 5–29.
20. Башнин, Н.В. Фрагмент синодика Дионисиево-Глушицкого монастыря конца XVII – начала XVIII века из НИОР БАН / Н.В. Башнин // Современные проблемы археографии. Сборник статей по материалам конференции к 300-летию Библиотеки Российской академии наук / сост. М.В. Корогодина. – Санкт-Петербург: БАН, 2016. – Вып. 2. – С. 166–177.
21. Башнин, Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв. Исследование и тексты / Н.В. Башнин. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2016. – 1300 с.
22. Безнин, М.А. К истории репрессий 1930-х годов / М.А. Безнин // Устюжна. Историко-литературный альманах / отв. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2007. – Вып. 1–2 – С. 487–495.
23. Безнина, Л.И. Список материалов и документов, опубликованных в альманахах серии «Старинные города Вологодской области» / Л.И. Безнина, Ф.Я. Коновалов // Вологда. Краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2003. – Вып. 4. – С. 498–539.
24. Биланчук, Р.П. «Летописец» белозерской соборной церкви Василия Великого и проблемы реконструкции «местного текста» культуры / Р.П. Биланчук // Белозерье. Краеведческий альманах / гл. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: Русь, 2007. – Вып. 3. – С. 265–280.
25. Вологда в период Петровских реформ. Сборник документов и материалов / сост. А.Н. Гуслистова, М.С. Черкасова. – Вологда: Древности Севера, 2007. – 176 с.
26. Васильев, Ю.С. Источники по истории Великоустюгского края феодального периода / Ю.С. Васильев // История и культура Великоустюгского края. Чтения, посвященные памяти Вениамина Петровича Шляпина / отв. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда, 1991. – С. 25–29.

27. Васильев, Ю.С. Описание Великого Устюга в Устюжской писцовой книге письма и меры 131–134 г. / Ю.С. Васильев, Р.П. Биланук, С.Е.Замараев // Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. – Вологда: ЛиС, 1993. – С. 160–232.
28. Васильев, Ю.С. Материалы по истории Корнильево-Комельского монастыря // Городок на Московской дороге. Историко-краеведческий сборник. – Вологда: Ардвисура, 1994. – С. 89–195.
29. Васильев, Ю.С. 1661 г. мая 31. – Отписная книга Воскресенского Горичьего девичьего монастыря отписников Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых / Ю.С. Васильев // Кириллов. Историко-краеведческий альманах / гл. ред. Ф.Я. Коновалов. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 261–287.
30. Васильев, Ю.С. Дозорная книга посада Вологды кн. П.Б. Волконского и подьячего Л. Сафонова 1616–1617 гг. / Ю.С. Васильев // Вологда. Историко-краеведческий альманах / отв. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 333–370.
31. Васильев, Ю.С. 1617/18 г. – Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина подьячего П. Дементьева / Ю.С. Васильев // Белозерье. Краеведческий альманах / гл. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 37–92.
32. Васильев, Ю.С. Летописец Троицкого Усть-Шехонского монастыря / Ю.С. Васильев // Белозерье. Краеведческий альманах / гл. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 86–92.
33. Васильев, Ю.С. 1660 г. – Отписная книга Троицкого Усть-Шехонского монастыря / Ю.С. Васильев // Белозерье. Краеведческий альманах / гл. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 86–104.
34. Васильев, Ю.С. Синодик князей Шелешпанских / Ю.С. Васильев, А.Л. Грязнов // Белозерье. Краеведческий альманах / гл. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: Русь, 1998. – Вып. 2. – С. 118–127.
35. Васильев, Ю.С. Правая грамота гостю Ивану Панкратьеву на владение Сереговским усольем (1670 год) / Ю.С. Васильев // Великий Устюг. Краеведческий альманах. / гл. ред. В.А. Саблин. – Вологда: Русь, 2000. – Вып. 2. – С. 154–165.
36. Васильев, Ю.С. Исторические реалии «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую» / Ю.С. Васильев // Устюжна. Историко-литературный альманах / отв. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2007. – Вып. 1–2. – С. 431–441.
37. Васильев, Ю.С. Сказание о нашествии поляков на Устюжну / Ю.С. Васильев, С.А. Тихомиров // Устюжна. Историко-литературный альманах / отв. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2007. – Вып. 1–2. – С. 442–454.
38. Васильев, Ю.С. Две переписные («записные») книги: а) монастырей и пустыней; б) церквей и причта Белозерского уезда и Чарондской округи конца XVII в. / Ю.С. Васильев // Белозерье. Краеведческий альманах / гл. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: Русь, 2007. – Вып. 3 – С. 115–140.
39. Васильев, Ю.С. «Повесть о чудесах» Герасима Вологодского / Ю.С. Васильев, Е.А. Малышева // Вологда. Краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1997. – Вып. 2 – С. 601–619.
40. Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР / отв. ред. П.А. Колесников. – Вологда: ВГПИ, 1968. – 509 с.
41. Воробьев, А.В. «А которых розбойников или татей где поймаете, доведчи на них, да их казните...»: Вельская губная грамота 1539/40 г. / А.В. Воробьев, М.С. Черкасова // Исторический архив. – 2011. – № 3. – С. 174–183.
42. Воропанова, Т.М. К истории софийских колоколов / Т.М. Воропанова // Вологда. Историко-краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 326–332.
43. Воскобойник, Н.И. Памятник Великоустюжской агиографии смутного времени / Н.И. Воскобойник // Бысть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. – Вологда: ЛиС, 1993. – С. 152–159.
44. Воскобойникова, Н.П. Церковные приходы Сольвычегодского уезда по переписной книге городских и уездных церквей Устюжской епархии 1696/1697 годов / Н.П. Воскобойникова // XVII век в истории и культуре Русского Севера: материалы XII Каргопольской научной конференции. – Каргополь, 2012. – С. 179–186.
45. Воскобойникова, Н.П. Церковные приходы Яренского уезда по переписной книге городских и сельских церквей Устюжской епархии 1696/97 г. / Н.П. Воскобойникова // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 2 (18). – С. 47–95.
46. Гневашев, Д.Е. Двор вологодского архиепископа в XVII в. / Д.Е. Гневашев // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований / науч. ред. А.В. Камкин. – Вологда, 2001. – С. 139–149.
47. Гневашев, Д.Е. Николаевский Курьюжский монастырь в XVI–XVII веках / Д.Е. Гневашев // Белозерье. Краеведческий альманах / гл. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: Русь, 2007. – Вып. 3. – С. 98–114.
48. Гневашев, Д.Е. «Сыскные» списки вологодских дворян и детей боярских 1606–1613 гг. / Д.Е. Гневашев // Исторический архив. – 2007. – № 5. – С. 184–195.
49. Гневашев, Д.Е. Вологодский «служилый город» в XV – начале XVI в. / Д.Е. Гневашев // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Раннее новое время: сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. – Москва: Языки славянских культур, 2010. – С. 672–683.
50. Гневашев, Д.Е. Великокняжеские и царские жалованные грамоты Вологодскому архиерейскому дому XVI – начала XVII в. / Д.Е. Гневашев, М.С. Черкасова // Историческое краеведение и архивы. – Вологда, 2011. – Вып. 18. – С. 3–24.
51. Гневашев, Д.Е. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича вологодскому архиепископу Нектарию 1614 г. / Д.Е. Гневашев, М.С. Черкасова // Исторический архив. – 2013. – № 1. – С. 151–167.
52. Грязнов, А.Л. Купчая Павла Харитоновна: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы / А.Л. Грязнов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2012. – № 2. – С. 35–49.
53. Грязнов, А.Л. Сотная на пошехонскую вотчину Корнильево-Комельского монастыря 1543/44 г. / А.Л. Грязнов // История и культура Ростовской земли. 2013. – Ростов, 2014. – С. 25–32.
54. Грязнов, А.Л. Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV в. / А.Л. Грязнов // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI вв.: призвание, творчество, научное служение историка. – Москва: РГГУ, 2014. – С. 152–155.
55. Грязнов, А.Л. Документы вологодской таможи 1663 г. / А.Л. Грязнов // Очерки феодальной России. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2015. – Вып. 18. – С. 359–380.
56. Грязнов, А.Л. Реконструкция вотчинных архивов князей Ухтомских / А.Л. Грязнов // История и культура Ростовской земли. 2014. – Ростов, 2015. – С. 21–44.
57. Грязнов, А.Л. Неподлинные грамоты XV – первой трети XVI в. по Костромскому уезду / А.Л. Грязнов // Грани русского Средневековья: сборник статей к 90-летию Юрия

Георгиевича Алексеева. – Москва: Древнехранилище, 2016. – С. 147–163.

58. Грязнов, А.Л. «Князь Андрей Васильевич руку приложил». Неподлинная данная грамота вологодского князя Андрея Меньшого / А.Л. Грязнов // Вестник «Альянс-Архео». – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2016. – Вып. 14. – С. 3–14.

59. Грязнов, А.Л. Анализ неподлинных грамот XV – первой трети XVI вв. из фонда ГКЭ: Данная Евдокии Зворыкиной на земли на Локсомери / А.Л. Грязнов // История и культура Ростовской земли. 2015. – Ростов, 2016. – С. 59–65.

60. Грязнов, А.Л. Неподлинные акты XV – первой трети XVI в. из фонда Грамот Коллегии Экономии по Дмитровскому уезду / А.Л. Грязнов // Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография: VI Зиминские чтения / под общ. ред. В.П. Козлова. – Москва: РГГУ, 2017. – С. 250–260.

61. Грязнов, А.Л. Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV – начала XVI в. А.Л. Грязнов, Л.В. Мошкова // Вестник «Альянс-Архео». – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2017. – Вып. 19. – С. 3–24.

62. Грязнов, А.Л. Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ / А.Л. Грязнов // Вестник «Альянс-Архео». – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2017. – Вып. 18. – С. 31–84.

63. Гузакова, М.В. «Торговые обстоятельства» в переписке купцов Булдаковых / М.В. Гузакова // Российская история. – 2017. – № 4. – С. 36–46.

64. Гуслистова, А.Н. Твожденные книги середины XVIII в. как источник по истории вологодского купечества / А.Н. Гуслистова // 1941–1945: уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: материалы межрегиональной научно-практической конференции / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2006. – С. 248–255.

65. Даен, М.Е. Мир усадьбы глазами вологодского помещика А.Ф. Резанова / М.Е. Даен // Послужить Северу... Историко-художественный и краеведческий сборник. – Вологда, 1995. – С. 108–122.

66. Даен, М.Е. А.Ф. Резанов. Арабески моей жизни / М.Е. Даен, Н.Н. Малинина // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2002. – Москва: Наука, 2003. – С. 86–130.

67. Деловая письменность Русского Севера XVII века (Материалы к практическим занятиям по истории русского языка) / отв. за вып. Ю.И. Чайкина. – Вологда: ВГПИ, 1986. – 43 с.

68. Дмитриева, З.В. Вытные книги села Рукина Слободка 1620–1660 гг. / З.В. Дмитриева // Кириллов. Краеведческий альманах / гл. ред. Ф.Я. Коновалов. – Вологда: Русь, 1997. – Вып. 2. – С. 225–272.

69. Дмитриева, З.В. 1675 г. марта 25. – Жалованная тарханная грамота Алексея Михайловича архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Никите на езы в р.Шексне и рыбные ловли в Белом и других озерах Белозерского уезда / З.В. Дмитриева, И.А. Смирнов // Кириллов. Краеведческий альманах / гл. ред. Ф.Я. Коновалов. – Вологда: Русь, 2001. – Вып. 4. – С. 321–331.

70. Дмитриева, З.В. Конференциям по изучению писцовых книг – 25 лет / З.В. Дмитриева, М.С. Черкасова // Российская история. – 2014. – № 1. – С. 211–219.

71. Дружинин, Е.Р. Дневник и записки А.И. Дружинина / Е.Р. Дружинин // Вологда. Краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2000. – Вып. 3. – С. 599–666.

72. Егоров, А.Н. Либеральная интеллигенция Череповецкого края в первой русской революции // А.Н. Егоров // Череповец. Краеведческий альманах / гл. ред. С.П. Карпов. – Вологда, 1996. – Вып. 1. – С. 56–63.

73. Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Л.В. Милов. Вологда, 2001. – 438 с.

74. Захаров, В.Н. Иностранные купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII в. / В.Н. Захаров, М.С. Черкасова // Вологда. Краеведческий альманах / отв. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2000. – Вып. 3. – С. 97–132.

75. Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период). Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Г.И. Просвирина. – Вологда, 1985. – 159 с.

76. Из церковной истории Вологодского края. Библиографический указатель литературы / сост. Н.Н. Фарутина; под общ. ред. А.В. Камкина. – Вологда: Книжное наследие, 2008. – 300 с.

77. История и культура Великоустюгского края. Чтения, посвященные памяти Вениамина Петровича Шляпина / отв. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда, 1991. – 39 с.

78. История и культура Вологодского края. III-я краеведческая научно-практическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / отв. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда, 1990. – 113 с.

79. Камкин, А.В. Вопросы истории церкви в школьном краеведении. В помощь учителю истории / А.В. Камкин. – Вологда: Газета, 1990. – 67 с.

80. Камкин, А.В. Вологда 1780-х годов в воспоминаниях современников (А.А. Засецкий. Исторические и топографические известия; Экономические примечания к Генеральному межеванию) / А.В. Камкин // Вологда. Историко-краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 279–301.

81. Камкин, А.В. Крестьянский мир на русском севере (Материалы по истории северорусских крестьянских сообществ XVIII в.) / А.В. Камкин – Вологда: Русь, 1995. – 97 с.

82. Камкин, А.В. Памяти Петра Андреевича Колесникова / А.В. Камкин // Материалы научных чтений памяти профессора П.А. Колесникова / под ред. А.В. Камкина. – Вологда: ВГПУ, 2000. – С. 3–9.

83. Камкин, А.В. Научные исторические общества Вологодского края в XX веке: направления, достижения, судьбы исследователей / А.В. Камкин // Историческое краеведение и архивы. – Вологда, 2004. – Вып. 10. – С. 3–26.

84. Карпов, С.Г. НЭП в восприятии современников / С.Г. Карпов // Вологда. Историко-краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1 – С. 522–533.

85. Кирикова О.А. Документы из архива Воскресенского Череповецкого монастыря / О.А. Кирикова // Череповец. Краеведческий альманах / гл. ред. С.Г. Карпов. – Вологда: Русь, 1999. – Вып. 2. – С. 131–139.

86. Козлов, К.О. Судьба протоиерея Константина Богословского (К 90-летию создания церковного древнехранилища в г. Великом Устюге) / К.О. Козлов // Великий Устюг. Краеведческий альманах / гл. ред. В.А. Саблин. – Вологда: Русь, 2000. – Вып. 2. – С. 236–243.

87. Колычев, А.А. Сборник актов Северного края XVI–XVII вв. / А.А. Колычев. – Вологда: ВОИСК, 1925. – 299 с.

88. Кошелев, В.И. Опись имения Батюшковых в селе Даниловском / В.И. Кошелев // Устюжна. Историко-литературный альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2007. – Вып. 1–2. – С. 455–486.

89. Колесников, П.А. Город Тотьма в XVII веке (К вопросу о социально-экономической истории русского поморского города): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / П.А. Колесников // Тотьма. Краеведческий альманах / гл. ред. А.В. Камкин. – Вологда: Русь, 2001. – Вып. 3. – С. 180–277.

90. Коновалов, Ф.Я. Малоизученные страницы археографии XVIII начала XX вв. (по материалам Вологодской губернии) / Ф.Я. Коновалов // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: межвузов. сборник научных трудов, посвященный профессору П.А. Колесникову / отв. ред. А.В. Камкин. – Вологда: ВГПИ, 1992. – С. 89–97.
91. Коновалов, Ф.Я. Л.Ф. Пантелеев и его воспоминания (Л. Пантелеев. Из недавнего прошлого Вологды) / Ф.Я. Коновалов // Вологда. Историко-краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 302–315.
92. Коньков, Н.Л. Новые документы о промысловой деятельности В.Д. Ломоносова / Н.Л. Коньков // Культура Европейского Севера (дооктябрьский период): межвузов. сборник науч. трудов / отв. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: ВГПИ, 1989. – С. 95–106.
93. Крестьянское хозяйство: История и современность. Материалы к Всесоюзн. науч. конф. / под ред. М.А. Безнина. – Вологда: ВГПИ, 1992. – Ч. 1. – 184 с.; Ч. 2. – 236 с.
94. Крестьянство Севера России в XVI в. Межвузов. сборник науч. трудов / отв. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: ВГПИ, 1989. – 183 с.
95. Кузьмин, А.В. Новые источники по истории вологодских монастырей / А.В. Кузьмин, Ю.Д. Рыков // Вестник церковной истории. – 2013. – № 3/4 (17–18). – С. 267–274.
96. Культура Европейского Севера (дооктябрьский период). Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: ВГПИ, 1989. – 124 с.
97. Малинина, Н.Н. К биографии вологодского летописца Ивана Слободского / Н.Н. Малинина // Послужить Северу... Историко-художественный и краеведческий сборник. – Вологда: Ардвисура, 1995. – С. 79–84.
98. Малинина, Н.Н. Сверлюк Стерлюк Харахорович. Древнее российское стихотворение 184 г. из Вологодского музея-заповедника / Н.Н. Малинина // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2005. – Москва: Наука, 2006. – С. 36–41.
99. Малинина, Н.Н. Новые данные о вологодском летописце Иване Слободском / Н.Н. Малинина // Вестник церковной истории. – 2007. – № 2 (6). – С. 223–234.
100. Малинина, Н.Н. Торговые люди и Православная Церковь в XVII в. (По архиву вологодского гостя Г.М. Фетиева) / Н.Н. Малинина, М.С. Черкасова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2016. – Вып. 4 (16). – С. 84–152.
101. Материалы научных чтений памяти проф. П.А. Колесникова / под ред. А.В. Камкина. Вологда, 2000. – 268 с.
102. Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. / отв. ред. М.С. Черкасова. – Вологда: ВГПУ, 2003. – 224 с.
103. Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков. К столетию со дня рождения П.А. Колесникова: материалы XV Всероссийской научной конференции / отв. ред. М.Р. Рыженков. – Москва: Древнихранилище, 2008. – 379 с.
104. Материалы XV-й сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. – Вологда: ВГПУ, 1976. – Вып. 1. – 175 с.; Вып. 2. – 176 с.; Вологда: ВГПУ, 1977. – Вып. 3. – 186 с.
105. Местное самоуправление и гражданское общество: региональные аспекты развития. К 150-летию земской реформы / гл. ред. И.В. Степанов. – Вологда, 2014. – 175 с.
106. Мильчик, М.И. Застройка Вологды по переписной книге 1711–1712 гг. / М.И. Мильчик, А.Г. Носкова // Реставрация и исследование памятников культуры Русского севера: сборник статей. – Вологда, 2011. – С. 35–56.
107. Морозов, В.В. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замаараева 1906–1922 гг. / В.В. Морозов, Н.Н. Решетников // Тотма. Краеведческий альманах / гл. ред. А.В. Камкин. – Вологда: Русь, 1997. – Вып. 2. – С. 245–517.
108. Мустафина, Д.А. Рецензия на издание: «Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты» / Д.А. Мустафина // Марийский Археологический вестник. – 2013. – № 23. – С. 263–265.
109. Орешина, М.А. Русский Север начала XX в. и научно-краеведческие общества региона. – Москва: Российское общество историков-архивистов, 2003. – 360 с.
110. Орешина, М.А. Судьбы краеведения на Русском Севере на рубеже XIX–XX веков (об опыте создания краеведческого библиографического справочника о деятелях обществ изучения Северного края: 1908–1917 гг.) / М.А. Орешина // Историческое краеведение и архивы. – Вологда, 2004. – Вып. 10. – С. 26–41.
111. Орешина, М.А. Выявление и сохранение исторических источников в Вологодской губернии в 1910-е гг. / М.А. Орешина // Отечественные архивы. – 2004. – № 5. – С. 13–25.
112. Орешина, М.А. «Я продолжаю свою археографическую работу»: Письма вологодского краеведа И.Н. Суворова С.Ф. Платонову / М.А. Орешина // Исторический архив. – 2006. – № 2. – С. 133–138.
113. Отдел письменных источников Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Путеводитель / сост. И.А. Смирнов, А.В. Смирнова, Н.В. Петрова; науч. рук. А.В. Камкин. – Кириллов, 2000. – 128 с.
114. Панов, Л.С. Переписка Ф.И. Витязева и В.Н. Трапезникова (из истории Вологодского общества изучения Северного края) / Л.С. Панов // Послужить Северу... Историко-художественный и краеведческий сборник. – Вологда: Ардвисура, 1995. – С. 123–143.
115. Панов, Л.С. Непримируемый Трапезников. Очерк жизни политического деятеля, юриста и краеведа В.Н. Трапезникова / Л.С. Панов. – Вологда: ВГПУ, 2013. – 217 с.
116. Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века: Исследование и тексты / сост. И.В. Пугач, М.С. Черкасова (отв. ред.). – Вологда: Древности Севера, 2015. – 335 с.
117. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты / сост. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова (отв. ред.). – Вологда: Древности Севера, 2011. – 495 с.
118. Петрова, Т.Г. Документы о закрытии Глушицкого Сосновецкого Дионисиева монастыря (из личных материалов председателя ликвидационной комиссии И.И. Чуркина) / Т.Г. Петрова // Вестник церковной истории. – 2006. – № 4. – С. 65–84.
119. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. / сост. И.В. Пугач (отв. ред.), М.С. Черкасова. – Москва: Кругъ, 2008. – Т. 1. – 395 с.; Т. 2. – 400 с.
120. Полоцкая, О.В. Духовное завещание преп. Феодосия Суморина (1567 г.) / О.В. Полоцкая, М.С. Черкасова // Вестник церковной истории. – 2016. – № 3–4 (43–44). – С. 5–27.
121. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии XVII – начала XVIII в. / сост. Н.В. Башнин, изд. подготовили О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, А.Е. Жуков. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2016. – 869 с.
122. Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории: межвузский сборник научных трудов / гл. ред. М.С. Черкасова. – Вологда: ВГПУ, 1999. – 216 с.
123. Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Межвузов. сборник научных трудов, посвященный профессору Петру Андреевичу Колесникову / отв. ред. А.В. Камкин. – Вологда: ВГПИ, 1992. – 207 с.

124. Пугач, И.В. Из истории Чаронды // И.В. Пугач // Кириллов. Краеведческий альманах / гл. ред. Ф.Я. Коновалов. – Вологда: Русь, 2003. – Вып. 5. – С. 266–279.
125. Пугач, И.В. Писцовая книга станом и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг. / И.В. Пугач // Устюжна. Историко-литературный альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2007. – Вып. 1–2. – С. 409–430.
126. Пугач, И.В. Нормативные документы местного управления в Великом Устюге в 30-е годы XVII в. / И.В. Пугач, А.Л. Попова // Великий Устюг. Краеведческий альманах / гл. ред. В.А. Саблин. – Вологда, 2007. – Вып. 4. – С. 241–258.
127. Пугач, И.В. XVI Всероссийское научно-практическое совещание по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников / И.В. Пугач, М.С. Черкасова // Российская история. – 2010. – № 4. – С. 218–220.
128. Пугач, И.В. XVII Всероссийская научно-практическая конференция по писцовым книгам / И.В. Пугач, М.С. Черкасова // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 197–200.
129. Раздорский А.И. Публикация таможенных книг Великого Устюга середины XVIII в. / А.И. Раздорский // Археографический ежегодник за 2012 г. – Москва: Наука, 2016. – С. 302–306.
130. Региональные аспекты исторического пути Православия: архивы, источники, методология исследований / науч. ред. А.В. Камкин. – Вологда: ГАВО, 2001. – 540 с.
131. Решетников, Н.И. Искусство крестьянского бытописания / Н.И. Решетников // Послужить Северу... Историко-художественный и краеведческий сборник. – Вологда: Ардисура, 1995. – С. 144–151.
132. Саблин, В.А. Крестьянство Северо-Двинской губернии в 1918–1920 гг. (Характер политических настроений) / В.А. Саблин // Великий Устюг. Краеведческий альманах / гл. ред. В.А. Саблин. – Вологда: Русь, 2007. – Вып. 4. – С. 343–377.
133. Сазонова, Т.В. Опись строений и имущества Кирилло-Новозерского монастыря 1657 г. / Т.В. Сазонова // Белозерье. Краеведческий альманах / гл. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: Русь, 1998. – Вып. 2. – С. 139–165.
134. Смирнов, Ю.А. Кадуй: Вехи истории (Документы и материалы из фондов государственного архива Вологодской области) / Ю.А. Смирнов // Кадуй. Краеведческий альманах / ред. Е.Р. Дружинин, Г.В. Судаков. – Вологда: Русь, 2005. – С. 212–222.
135. Спасенкова, И.В. Отчеты вологодских благочинных (материалы к церковной истории Вологды) / И.В. Спасенкова, А.В. Камкин // Вологда. Историко-краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 440–453.
136. Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов / гл. ред. Ф.Я. Коновалов, отв. составитель Л.Н. Мясникова. – Вологда: ГАВО, 2004. – 567 с.
137. Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период) / отв. ред. П.А. Колесников. – Вологда: ВГПИ, 1981. – 191 с.
138. Суворов, И.Н. Сборник актов Северного края XVII–XVIII вв. / И.Н. Суворов. – Вологда: ВОИСК, 1925. – 352 с.
139. Суворов, И.И. Сборник актов Северного края XVII вв. / И.И. Суворов. – Вологда: ВОИСК, 1926. – 65 с.
140. Судаков, Г.В. И заговорили безмолвные свитки... / Г.В. Судаков // Вологда. Историко-краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 316–325.
141. Судаков, Г.А. Дневник и записки Н.Г. Лагинменского (Шалагина) / Г.В. Судаков // Вологда. Краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 2000. – Вып. 3. – С. 695–755.
142. Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII в. / сост. Г.Н. Чебыкина (отв. ред.), М.С. Черкасова. – Вологда: Древности Севера, 2012. – 431 с.
143. Тимошина, Л.А. Завещание Афанасия Гусельникова и некоторые вопросы общественно-экономического положения в Русском государстве XVII в. / Л.А. Тимошина // Великий Устюг. Краеведческий альманах / гл. ред. В.А. Саблин. – Вологда, 2007. – Вып. 4. – С. 259–307.
144. Трикоз, Э.Л. Речевой портрет купечества (на материале эпистолярного наследия Шелиховых–Булдаковых конца XVIII – начала XIX века) / Э.Л. Трикоз // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 1 (70). – С. 71–75.
145. Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям. 1613–1626 гг. / отв. ред. и сост. И.В. Пугач. – Москва: Кругъ, 2012. – 597 с.
146. Хрестоматия по истории вологодских говоров / сост. Г.В. Судаков. – Вологда, 1975. – 95 с.
147. Чайкина, Ю.И. Таможенная книга Великого Устюга 1751–1752 годов как источник для изучения языка и культуры северорусской провинции XVIII века / Ю.И. Чайкина, С.Н. Смольников // Великий Устюг. Краеведческий альманах / гл. ред. В.А. Саблин. – Вологда: Русь, 2000. – Вып. 2. – С. 293–308.
148. Чебыкина, Г.Н. В.П. Шляпин – историк и краевед / Г.Н. Чебыкина // История и культура Вологодского края. III краеведческая научно-практическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / отв. ред. Ю.С. Васильев. – Вологда: ВГПИ, 1990. – С. 61–63.
149. Черкасова, М.С. Вологодское подворье Кирилло-Белозерского монастыря в XV – начале XVIII в. / М.С. Черкасова // Вестник церковной истории. – 2006. – № 1. – С. 7–55.
150. Черкасова, М.С. Россия в Средние века и Новое время: Теоретические проблемы / М.С. Черкасова. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 115 с.
151. Черкасова, М.С. Грамоты Афанасия Холмогорского в Государственном архиве Вологодской области / М.С. Черкасова // Архиепископ Афанасий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья / под ред. Л.Д. Поповой. – Архангельск: САФУ, 2008. – С. 191–199.
152. Черкасова, М.С. Документы XVII–XVIII вв. из архивов соборных храмов в Вельске и Верховажье / М.С. Черкасова // Вестник церковной истории. – 2008. – № 4 (12). – С. 61–130.
153. Черкасова, М.С. Документы по истории Устюженской десятины Новгородской митрополии в XVII – начале XVIII в. / М.С. Черкасова // Вестник церковной истории. – 2011. – № 3–4 (23–24.). – С. 5–29.
154. Черкасова, М.С. Уставные грамоты Павло-Обнорского монастыря XVII в. / М.С. Черкасова // История и культура Ростовской земли. 2010. – Ростов, 2011. – С. 5–15.
155. Черкасова, М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции / М.С. Черкасова. – Вологда: Древности Севера, 2012. – 575 с.
156. Черкасова, М.С. Жалованная грамота Ивана IV Спасо-Прилуцкому монастырю 1578 г. из собрания Ростовского музея / М.С. Черкасова // История и культура Ростовской земли. 2011. – Ростов, 2012. – С. 42–54.
157. Черкасова М.С. «Выводная кунница» и «отпускные выводные памяти» на замужество в XVI–XVII вв. / М.С. Черкасова // Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Н.А. Горской. – Москва: Индрик, 2013. – С. 132–151.
158. Черкасова, М.С. Письма казанского архимандрита Екзакустидиана вологодскому краеведу Н.И. Суворову (1885–1896 гг.) / М.С. Черкасова // Вестник церковной истории. – 2015. – № 1–2 (37–38). – С. 130–164.
159. Черкасова, М.С. Великоустюжский архиерейский дом: Открытие и начальный этап деятельности (1682–1700)

/ М.С. Черкасова // Вестник церковной истории. – 2017. – № 1–2 (45–46).

160. Черкасова, М.С. «Лодейный ход» на Сухоне и Северной Двине в XVI–XVII вв. (по документам ГАВО) / М.С. Черкасова // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. – Санкт-Петербург: изд-во Гос. ун-та морского и речного флота, 2017. – Вып. 2. – С. 150–161.

161. Черкасова, М.С. Северная Русь: История сурового края XIII–XVII вв. / М.С. Черкасова. – Москва: Центрполиграф, 2017. – 255 с.

162. Черкасова, М.С. Новый источник из архива Вологодского архиерейского дома XVII в. / М.С. Черкасова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки. – Вологда, 2017. – № 3.

163. Черкасова, М.С. Рецензия на издание: «Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям. 1613–1626 гг.» / М.С. Черкасова, Д.Е. Гневашев // Вестник РГНФ. – 2013. – № 4 (73). – С. 270–274.

164. Шамина, И.Н. Житие преподобного Арсения Комельского / И.Н. Шамина. – Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2005. – № 2 (20). – С. 105–125.

165. Шамина, И.Н. Вкладная книга Арсениева Комельского Вологодского уезда / И.Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2007. – № (7). – С. 5–133.

166. Шамина, И.Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь / И.Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2009. – № 1–2 (13–14). – С. 26–99.

167. Шамина, И.Н. Издание вологодских писцовых книг XVII – начала XVIII в. / И.Н. Шамина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 4 (38). – С. 122–124.

168. Шамина, И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов / И.Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2010. – № 1–2 (17–18). – С. 17–107.

169. Шамина, И.Н. Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII – начала XVIII в. / И.Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2011. – № 3–4 (23–24). – С. 30–63.

170. Шамина, И.Н. Приходо-расходная книга вологодского Павлова Обнорского монастыря 1694 г. / И.Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2013. – № 3–4 (31–32). – С. 85–138.

171. Шамина, И.Н. Дионисиев Глушицкий монастырь и его архив / И.Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2017. – № 1–2 (45–46).

172. Steindorff, Ludvig. Rezension: Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 1–2. Москва: КРУГЪ, 2008 / Ludvig Steindorff // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Neue Folge. – 58 (2010). – H.1. – S. 100–101.

A.V. Kamkin, M.S. Cherkasova

THE 50 YEARS JUBILEE OF THE NORTHERN BRANCH OF THE ARCHEOGRAPHIC COMMISSION

The article gives an overview of the development of archeography in Vologda in the nineteenth and early twenty-first centuries. The main strategies of publishing are given; the most significant publications are named. Considerable attention is paid to the last decades (1990–2010).

Archeography, source study, P.A. Kolesnikov, Archaeographic Commission.

С.Г. Карнов
Вологодский государственный университет

ПРОФСОЮЗЫ И ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-е ГОДЫ

Статья посвящена деятельности профсоюзов по организации протестного движения трудящихся Вологодской области в условиях рыночных реформ. Рассмотрены формы и методы борьбы профсоюзов по защите интересов работников наемного труда, их взаимодействие с властями по решению социально-экономических проблем и защите наиболее уязвимых слоев населения.

Акции протеста, кризис, наемные работники, профсоюзы, рыночные реформы.

С 1 января 1992 г. в России начались экономические реформы рыночного характера. Для либеральных реформаторов социальная сфера осталась на втором плане. Несмотря на протесты профсоюзов, правительство сократило финансирование образования, медицины, культуры и ЖКХ, нарушая законы, задерживало выплату заработной платы бюджетникам, пенсий, пособий, стипендий. В результате к концу 1992 г. реальная заработная плата составила 67% к уровню 1991 г., а численность людей с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума достигла 49,7 млн человек или 33,5% от общей численности населения [2, с. 99–100].

Антинародная социальная политика властей вынудила профсоюзы использовать методы силового давления. В стране начались массовые акции протеста, выражавшиеся в забастовках, манифестациях, митингах, пикетах. Особенно мощной была Общероссийская акция «За труд, заработную плату и социальные гарантии», состоявшаяся 5 ноября 1996 г. Под руководством Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) в ней приняло участие около 15 млн человек по всей стране.

Профсоюзы Вологодской области с самого начала реформ активно выступали в защиту интересов трудящихся. 1 мая 1992 г. по инициативе областного Совета профсоюзов состоялся митинг жителей г. Вологды, на котором был принят пакет требований к Правительству России и Администрации области по обеспечению жизненных прав и интересов населения. Областной Совет профсоюзов и отраслевые обкомы поддержали забастовки работников здравоохранения, народного образования и сельского хозяйства с требованием повышения заработной платы и увеличения финансирования этих отраслей. Одновременно руководство Облсовпрофа внесло свои предложения к проекту постановления Администрации области «О мерах по социальной защите малообеспеченных групп населения и ценах». Профсоюзы предложили: увеличить минимальный размер единовременных выплат до 100 руб., с 1 марта 1992 г. ввести компенсацию стоимости питания школьников в размере 10 руб.

на одного ученика в день, осуществить единовременную выплату компенсаций в размере 200 руб. всем работникам бюджетных организаций и планово-убыточных предприятий, а также сохранить регулируемые цены на молоко для детского питания в молочных кухнях [1, д. 2468, л. 44].

Несмотря на протесты профсоюзов, российские власти продолжали прежний курс реформ. Учитывая нарастание кризисных явлений, продолжающееся снижение жизненного уровня трудящихся, отсутствие должных мер со стороны органов власти, Совет областной Федерации вместе с отраслевыми профсоюзами организовал и провел весенние и осенние Дни единства действий профсоюзов. Основой осенних Дней единства действий явилась общероссийская акция протеста, проведенная 27 октября 1994 г. по призыву ФНПР. В этот день в Вологде состоялось собрание представителей 300 трудовых коллективов и профсоюзных организаций области. Накануне общероссийской акции протеста на многих предприятиях и организациях области прошли митинги, собрания, расширенные заседания профсоюзных организаций, в которых приняло участие более 200 тыс. человек. В ходе акции были единодушно поддержаны требования ФНПР о ликвидации задолженности по заработной плате и предотвращении массовой безработицы. Акция профсоюзов показала их силу, сплоченность, готовность к солидарным действиям. В результате федеральные и местные органы власти были вынуждены сесть за стол переговоров, чтобы обсудить вопрос о выполнении требований профсоюзов.

Глава Администрации Вологодской области Н.М. Подгорнов издал постановление «О требованиях и предложениях, высказанных в ходе проведения в области общероссийской акции протеста профсоюзов», в котором содержались меры по погашению задолженности по зарплате работникам бюджетной сферы, органам прокуратуры предлагалось усилить надзор за выполнением законодательства о труде. Вместе с тем выдвинутые в ходе акции протеста требования не были полностью выполнены. Областные власти не смогли решить проблему неплатежей, выплатить долги по зарплате, выработать меры по пре-

дупреждению дальнейшего спада производства и роста безработицы [1, д. 2513, л. 9].

Активно участвовали профсоюзы области в ноябрьской Всероссийской акции протеста 1996 г., проходившей под лозунгом «За труд, зарплату, социальные гарантии!». В адрес Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина была направлена резолюция митинга протеста и солидарности с профсоюзами России, состоявшегося 5 ноября 1996 г. в Вологде. Аналогичные тексты были направлены Председателю Правительства В.С. Черномырдину, Председателю Государственной думы Г.Н. Селезневу, Председателю Совета Федерации Е.С. Строеву, Председателю ФНПР М.В. Шмакову, Губернатору Вологодской области В.Е. Позгалёву. В резолюции митинга, в частности, говорилось: «Мы, участники митинга, единодушно поддерживаем требования профсоюзов России прекратить грубейшие нарушения конституционных прав трудящихся со стороны властных структур. Миллионы рабочих и служащих месяцами не получают заработную плату. Фактически каждый десятый россиянин остался без работы. Страну потрясают голодовки и забастовки, а правительство делает вид, что ничего не происходит. Идет наступление на социальные гарантии пенсионеров, инвалидов, трудящихся и их семей. Мы требуем от Президента, Правительства, Федерального собрания Российской Федерации и местных органов власти: незамедлительно погасить задолженность по заработной плате и социальным выплатам; стабилизировать производство, обеспечить возможность работать и зарабатывать на жизнь; не допустить снижения уровня социальных пособий и выплат, осуществляемых за счёт внебюджетных социальных фондов; обеспечить правопорядок, соблюдение законов всеми структурами власти. В случае невыполнения настоящих требований Генеральному Совету Федерации Независимых профсоюзов России принять решение о проведении Общероссийской забастовки с выдвижением требований отставки Правительства» [1, д. 2531, л. 29–30].

Реагируя на действия профсоюзов, российские власти предприняли определенные меры по решению социально-экономических проблем (введение ЕТС для бюджетников, система индексации тарифных ставок, предоставление кредитов предприятиям и др.), но кардинально изменить ситуацию не могли. В 1996 г. спад производства достиг 55% к уровню 1991 г., а инфляция составила 80%. В связи с этим Генеральный Совет ФНПР 27 февраля 1997 г. принял решение о подготовке второго этапа Общероссийской акции протеста профсоюзов «За труд, зарплату, социальные гарантии!».

Вологодская областная Федерация профсоюзов поддержала инициативу ФНПР по проведению второго этапа акции протеста профсоюзов. Руководство областного Совета Федерации рекомендовало городским и районным координационным советам председателей профкомов провести 27 марта 1997 г. митинги протеста и солидарности с профсоюзами России. Сознавая, что забастовки являются крайней мерой выражения протеста, Совет Федерации предложил использовать различные формы солидарной поддержки, активизировать проведение коллективных перегово-

ров, примирительных процедур по разрешению общероссийского коллективного трудового спора на всех уровнях профсоюзных органов в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В соответствии с принятым решением 27 марта 1997 г. в рамках Общероссийской акции протеста в Вологде, других городах и районах области состоялись митинги солидарности с профсоюзами России. В апреле 1997 г. исполком Совета ВОФП подвел итоги проведения в области второго этапа Общероссийской акции протеста профсоюзов. Руководство областной Федерации обобщило требования, предложения и просьбы, высказанные участниками митингов и собраний, состоявшихся в городах и районах области, и направило их Губернатору и Законодательному Собранию Вологодской области и полномочному представителю Президента Российской Федерации по Вологодской области. Представителям ВОФП в областной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений было поручено: контролировать ход возврата долгов работникам организаций бюджетного сектора экономики, добиваться разработки механизма возврата долгов по зарплате работникам внебюджетного сектора; потребовать проведения конкретных мер по реструктуризации долгов предприятий, взаимозачету неплатежей и ликвидации всех видов государственной задолженности [1, д. 2548, л. 13].

29 апреля 1997 г. Вологодская областная Федерация профсоюзов получила информацию о рассмотрении требований акции протеста 27 марта от первого заместителя Губернатора Вологодской области Н.В. Костыгова. В документе перечислялись меры, предпринимаемые администрацией области, для смягчения социально-экономического кризиса. Так, для помощи коллективным и крестьянским хозяйствам в проведении весеннего сева постановлениями администрации области было выделено на возвратной основе: минеральных удобрений на 37 млрд руб., горюче-смазочных материалов – на 19,4 млрд руб., запасных частей – на 9 млрд руб. Через Агропромбанк предоставлен льготный кредит на сумму 13,5 млрд руб. птицефабрикам и свиноводству для приобретения горюче-смазочных материалов и кормов [1, д. 2548, л. 14].

Для вывода из кризиса лесопромышленного комплекса в сентябре 1996 г. был образован департамент лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, который стал осуществлять анализ ситуации и решать вопросы, связанные с развитием отрасли. Для лесозаготовительных предприятий с 1 до 0,25% был снижен транспортный налог и выделен кредит в сумме 6 млрд руб. В муниципальную собственность передано более 700 тыс. кв. метров жилья, 49 школ и детских дошкольных учреждений, 20 больниц и 70 других объектов социальной сферы. Администрация области стремилась оказать лесозаготовительным предприятиям помощь в расширении рынков сбыта. Состоялась выставка-ярмарка «Вологодский лес – 97», в которой приняли участие 15 иностранных фирм и 16 делегаций регионов России. В ходе выставки были заключены договоры на сумму 151 млрд руб.

Администрации области удалось ликвидировать долги по заработной плате работникам социальной сферы за 1996 г. Выплата пенсий осуществлялась с небольшой задержкой. В то же время средств на выплату задолженности по другим государственным обязательствам (надбавки и льготы, компенсации и пособия на детей и т.д.) в областной казне и местных бюджетах не хватало. Для выполнения закона «О ветеранах» в 1997 г. требовалось 380,5 млрд руб., но в бюджете области было предусмотрено только 120 млрд руб. Поэтому постановление Законодательного собрания определило перечень первоочередных льгот: протезирование инвалидов, оплата путевок на лечение, предоставление 50% скидки на оплату жилья и жилищно-коммунальных услуг и ряд других. Для сдерживания безработицы в городах и районах области были приняты программы содействия занятости населения.

Таким образом, протестные акции профсоюзов не прошли даром. Областные власти предприняли действия, направленные на стабилизацию социально-экономической обстановки в области, поддержку отдельных отраслей экономики и снижению задолженности по выплате заработной платы. Однако устранить коренные причины кризиса в масштабах одной области было невозможно. Да и местные власти не использовали всех возможностей для улучшения ситуации в экономике и социальной защите населения. Это со всей очевидностью показало собрание представителей профсоюзных организаций и более 200 трудовых коллективов городов и районов области, состоявшееся 9 апреля 1998 г., на котором присутствовали чиновники областной администрации, руководители предприятий и журналисты.

Участники собрания пришли к мнению, что ни центральные, ни местные власти не нашли эффективных средств по преодолению кризиса, практически ничего не сделали для удовлетворения справедливых требований профсоюзов. В связи с этим собрание приняло резолюцию, в которой говорилось: «В стране продолжает обостряться опасная социально-политическая ситуация, связанная с ростом задолженности по заработной плате, пенсиям, пособиям и другим социальным выплатам, чреватая общественным взрывом. Государственная власть, вопреки оптимистическим заявлениям, демонстрирует полное нежелание прекращать грубейшие нарушения конституционных прав трудящихся. Общая сумма долгов по заработной плате в области по состоянию на 1 апреля 1998 г. составила 352 млн рублей. Долги по ней имеют 964 предприятия и организации. 319 тыс. человек или 24% от общей численности населения имеют зарплату ниже величины прожиточного минимума. Общая численность безработных составила 65 тыс. человек, в том числе официально зарегистрированных – 24,7 тыс. Создавшаяся ситуация, по нашему мнению, опасна тем, что она принимает устойчивый характер. Сегодня человек труда оказался в унижительном и бесправном положении. Бедность захватила не только слабо защищенные слои населения, но и основу общества – работающих граждан» [1, д. 2556, л. 5].

Резолюция также зафиксировала отсутствие у Президента и Правительства Российской Федерации,

местных органов власти четкой, глубоко продуманной программы выхода из экономического кризиса, корректировки курса реформ, создания необходимых условий для развития отечественного производства. В заключение документа были сформулированы требования в адрес Президента и Правительства Российской Федерации, Федерального собрания и местных органов власти. Участники собрания потребовали обнародовать реальную программу выхода страны из кризиса, обеспечить выполнение Генерального соглашения на 1998–1999 гг., установить минимальную зарплату на уровне прожиточного минимума, в полном объеме соблюдать права человека труда. Резолюция собрания была направлена Председателю ФНПР М.В. Шамакову, Губернатору Вологодской области В.Е. Позгалёву, председателю Законодательного собрания Г.Т. Хрипелю, главному Государственному инспектору труда по Вологодской области А.П. Боброву, председателю областного суда И.Н. Бараеву, прокурору Вологодской области А.В. Корнилаеву [1, д. 2556, л. 6].

Финансово-экономический кризис, разразившийся в августе 1998 г., поставил государство на грань дефолта, привел к дальнейшему падению уровня жизни в стране и росту безработицы. Защищая интересы людей труда, профсоюзы области продолжили протестные акции. 7 октября 1998 г. в Вологде состоялся митинг протеста профсоюзов под лозунгом «Нет – губительным экономическим реформам», на котором присутствовало более 10 тыс. человек. В этот же день состоялись митинги в Череповце, Соколе, Великом Устюге и в районах области с числом участников более 20 тыс. Кроме того, в период проведения акции протеста прошли собрания, митинги в 1100 трудовых коллективах с участием свыше 116 тыс. человек [1, д. 2556, л. 58].

Либеральные реформы особенно больно ударили по населению небольших городов и сельских поселений, где остановка одного-двух предприятий вела к массовой безработице и резкому снижению жизненного уровня людей. Поэтому на митингах выдвигались не только социально-экономические, но и политические требования. Так, в резолюции, принятой жителями Чагоды и района на митинге протеста 7 октября 1998 г., говорилось:

«Мы, участники митинга, встаем в ряды протестующих по всей России против существующего режима, который привел нашу страну к катастрофе. Наша позиция последовательна: о недоверии к режиму Ельцина мы заявляли на митингах 27 марта 1997 г. и 9 апреля 1998 г.

Требования наши о ликвидации незаконных задержек в выплате заработной платы, детских пособий, о повышении ставки первого разряда (ЕТС) остаются не выполненными. Мы адресуем эти требования к новому правительству Примакова Е.М.

На высоком уровне продолжает оставаться безработица. Агропромышленный комплекс по-прежнему не получает ощутимой государственной поддержки. Не остановлено банкротство предприятий. Продолжается падение экономики. Все в тупике кроме доллара.

За счет задержек в выплате пенсий, зарплат, социальных пособий, в том числе по безработице, стреми-

тельного повышения розничных цен, продолжается ограбление народа.

Мы поняли, что нашу страну режим Ельцина привел к банкротству, экономической, политической и продовольственной зависимости от Запада. Мы это особенно почувствовали в условиях разразившегося кризиса в каждом поселке, деревне, в каждой семье.

Поэтому мы заявляем о своем окончательном недоверии Президенту Ельцину и требуем его незамедлительного ухода в отставку. Мы не хотим далее видеть на посту Главы государства и во главе нашего общества человека, начисто лишенного чувства реальности, более того – элементарной поддержки большинства народов России. Мы не хотим больше жить по сценариям из Вашингтона. Мы поняли, что выработанный компанией Ельцина – Гайдара – Чубайса – Черномырдина политический и экономический курс ведет и нас, и нашу страну к гибели» [1, д. 2565, л. 58].

Следствием августовского кризиса стало дальнейшее ухудшение социально-экономической обстановки в области. На 1 января 1999 г. долги по зарплате имели 1005 предприятий, учреждений, организаций промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и социальной сферы. Суммарная задолженность с начала года увеличилась на 247 млн руб. и составила 591,1 млн руб. В 1998 г. по сравнению с 1997 г. доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума, возросла с 19,3% до 29,1%. В 1997 г. в суды поступило 9,2 тыс. исков по выплате заработной платы. В комиссии по трудовым спорам ежегодно обращалось около 200 тыс. работников. Несвоевременно выплаченная заработная плата являлась основной причиной роста забастовочного движения в области. В 1998 г. забастовки прошли в 588 организациях и учреждениях, в них участвовало 13,6 тыс. человек. В январе 1999 г. забастовки прошли в 306 учреждениях, в них участвовало 6,8 тыс. человек [1, д. 2574, л. 1].

Отсутствие положительных сдвигов в социально-экономической ситуации в области заставило профсоюзы начать активную подготовку к 1 Мая 1999 г. – Дню международной солидарности трудящихся.

Вопросы подготовки и проведения Первомайских мероприятий обсуждались на Совете областной Федерации профсоюзов, президиумах обкомов профсоюзов, совещаниях профсоюзного актива, широко освещались в профсоюзной печати. Накануне Первомая в 1114 профсоюзных организациях состоялись митинги и активы с единой повесткой дня «О ходе реализации требований трудящихся, высказанных в период проведения Всероссийской акции протеста профсоюзов 7 октября 1998 года, и дальнейших действиях профсоюзов по защите законных прав и социальных интересов трудящихся», в которых приняло участие 83 500 членов профсоюзов.

1 Мая 1999 г. Вологодская областная Федерация профсоюзов совместно с Союзом патриотических сил области организовала и провела в Вологде шествие и митинг, в котором приняло участие более 1500 человек. Акция прошла под лозунгами: «Зарплату – на уровень цен!», «Зарплату – в срок!», «Президента – в отставку!». Участники митинга приняли резолюцию с соответствующими требованиями. В результате коллективных действий профсоюзов органы власти и работодатели приняли ряд мер, направленных на реализацию требований трудящихся. Суммарная задолженность с 1 января по 1 мая 1999 г. снизилась на 69,1% и составила 182,6 млн руб. против 591,1 млн руб. Была полностью ликвидирована задолженность в таких отраслях, как металлургия, химия, полиграфия, текстильная и легкая промышленность. Вовремя и в полном объеме стали выплачиваться пенсии.

Таким образом, протестная деятельность профсоюзов в 1990-е гг. являлась одной из важных форм выражения настроений и требований трудящихся в сложных условиях первого десятилетия рыночных реформ. Возглавляя разнообразные коллективные действия трудящихся, профсоюзы Вологодской области заставляли власти реагировать на изменение социально-экономической ситуации и искать пути решения возникающих проблем.

Литература

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории. – Ф. 9805. – Оп. 2.
2. Россия в цифрах. 2002: Краткий стат. сб. – Москва, 2002.

S.G. Karpov

TRADE UNIONS AND THE PROTEST MOVEMENT OF WORKERS OF THE VOLOGDA REGION IN THE 1990s

The article is devoted to the activities of trade unions in the organization of the protest movement of workers in the Vologda region within the period of the market reforms. The author considers the forms and methods of trade unions struggle for the interests of employees and their interaction with the authorities in the process of making decisions on the social and economic problems and protecting the most vulnerable segments of the population.

Protest, crisis, employees, trade unions, market-oriented reforms.

УДК 37.01

О.Е. Баксанский
Институт философии РАН

А.В. Скоробогатова
Московский педагогический государственный университет

ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНТНОГО СОЦИОПРИРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-03-00034а
«Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий»*

В настоящее время происходят кардинальные изменения в современной научной картине мира, которые настоятельно требуют пересмотреть существующее мировоззрение и, прежде всего, его социально-гуманитарную составляющую. Если современное образование хочет не проиграть сражение в битве за мировоззрение XXI века, оно должно принципиально быть трансдисциплинарным и конвергентным, базирующимся на когнитивных технологиях, предлагая многовекторные выборы альтернативных картин мира.

Конвергентная парадигма, NBICS-технологии, трансдисциплинарность, биомедицина, медицинская техника и технологии, научная картина мира, образование, теология.

Научное познание возникло из необходимости создать целостную картину окружающего мира. Именно из холистической концепции природы исходил родоначальник современной физики Исаак Ньютон, хотя дисциплинарная структура научного знания берет свое начало еще в античности и продолжается вплоть до наших дней.

Однако изучение разноаспектной реальности привело к тому, что вместо целостной картины мира наука получила своеобразную мозаику с разной степенью полноты изученных и понятых явлений за счет вычленения модельных сегментов природы, доступных анализу. Желая познать мир более глубоко, выявить фундаментальные законы, лежащие в основе мироздания, человек был вынужден сегментировать природу, создать дисциплинарные границы.

Следствием этого явилась узкая специализация науки и образования, что, в свою очередь, определило отраслевой принцип организации экономики и производства.

Последующее развитие цивилизации с необходимостью потребовало возникновения сначала интегрированных межатраслевых технологий, а в настоящее время – надотраслевых технологий, примерами которых являются информационные и нанотехнологии (манипулирование атомами). При этом последние представляют собой единый фундамент для развития всех отраслей новой наукоемкой технологии постиндустриального – информационного – общества, первый надотраслевой приоритет развития. Нанотехнологии – это базовый приоритет для всех существующих отраслей, которые изменяют и сами информационные технологии. В этом заключается синергизм новой системы, что возвращает нас к цельной картине естествознания. Можно сказать, что сегодня у ученых

есть некий набор пазлов, из которых надо вновь собрать целостный неделимый мир [1].

Последние привели к изменению исследовательской парадигмы: если ранее научное познание носило аналитический характер («сверху вниз»), то теперь оно перешло на синтетический уровень («снизу вверх»), что потребовало отказа от узкой специализации и перехода к созданию различных материалов и систем на атомно-молекулярном уровне.

В настоящей работе хотелось бы провести анализ методологии развития конвергентных технологий, трансдисциплинарной интеграции и влияние этого на изменение научной картины мира и методологию биомедицины, биомедицинской техники и технологий с анализом возможных отрицательных сторон этого процесса.

Важнейшими чертами современного этапа развития научной сферы являются переход к наноразмеру (технологии атомно-молекулярного конструирования), междисциплинарность научных исследований, сближение органического (живой природы) и неорганического (металлы, полупроводники и т.д.) миров.

Цивилизация прошла путь от макротехнологий (дом, машина), где измерения производились линейками или рулетками, через микротехнологии (полупроводники, интегральные схемы), где в качестве измерительных приборов уже использовались оптические методы, до нанотехнологий, где для измерений нужны уже рентгеновские установки, ибо оптические методы достигли границ своей применимости.

Можно сказать, что нанотехнологии представляют собой методологию современного научного познания, ее рабочий инструмент, ведущий к принципиальному стиранию междисциплинарных границ. Более того, это именно методология создания новых

материалов, а не «одна из» множества других существующих технологий. Иными словами, если современная физика является сегодня методологией холистического понимания природы, математика – аппаратом (языком) этого понимания, то конвергентные технологии являются инструментом этого аппарата и основой промышленного производства и системы образования (философия образования) [2].

Именно конвергентные технологии, являясь материальным плацдармом конвергентного подхода, исходя из нанотехнологической методологии, изменили парадигму познания с аналитической на синтетическую, породив современные промышленные технологии, обеспечившие стирание узких междисциплинарных границ.

Существовавшие ранее технологии создавались под нужды человека, под его запросы и потребности, а существующие сейчас технологии (например, те же надотраслевые информационные и нанотехнологии) оказываются в состоянии изменить самого человека, чего не было в прошлом. Об этом много рассуждает М. Кастельс в контексте информационной эпохи. Более того, все чаще антропологи отмечают прямое влияние технологий на эволюцию человека как биологического вида.

Таким образом, NBICS-конвергенция порождает множество очень серьезных мировоззренческих проблем. Если начало XX века ознаменовалось известным тезисом о неисчерпаемости электрона, то начало XXI века знаменуется тезисами о диалектической неисчерпаемости человеческого мозга и принципиальной возможности воспроизводства живого. При этом следует иметь в виду, что эти установки следует понимать не в буквальном смысле, а с точки зрения асимптотического приближения, хорошо известного математикам и физикам.

Сегодня в когнитивной науке получила широкое распространение компьютерная метафора функционирования мозга. Но это очень приближенная модель: действительно, компьютер – это числовая алгоритмическая система, а мозг принципиально неалгоритмичен (во всяком случае, все многочисленные попытки ученых найти или хотя бы описать эти алгоритмы не дали результатов). К тому же, мозг работает с психическими образами при обработке информации, то есть является аналоговой системой. Вместе с тем не стоит забывать, что информация всегда имеет материальный носитель, без и вне которого она не может существовать.

Научная картина мира требует возвращения к натурфилософии (философии природы), с которой 300 лет назад начинал Ньютон, органично включающую в себя естественные и гуманитарные науки. И необходимым инструментом для решения данной задачи являются конвергентные NBICS-технологии [3].

При этом постоянно следует иметь в виду, что NBICS-конвергенция помимо позитивных аспектов может таить в себе и большое количество угроз и социально-экономических рисков. Определение ключевых факторов риска в значительной степени зависит от перспектив, которые открываются, и от области применения и приложения. Поэтому следует уделять внимание и различным аспектам обеспечения безопасности. Можно указать следующие риски: опас-

ность для окружающей среды в связи с высвобождением в нее наночастиц; вопросы безопасности, связанные с воздействием наночастиц на производителей потребителей нанопродуктов; политические риски, связанные с воздействием, которое могут оказывать нанотехнологии на экономическое развитие стран и регионов; футуристические риски, такие как возможное вмешательство в природу человека и гипотетическая возможность самовоспроизводства наномашин; деловые риски, связанные с рынком продуктов, содержащих нанотехнологические разработки, а также риски, связанные с защитой интеллектуальной собственности.

Конвергентные NBICS-технологии, давая человечеству шанс избежать ресурсного коллапса путем создания «природоподобной» технологической сферы, определяют, вместе с тем, принципиально новые угрозы и вызовы глобального характера [4].

Эти угрозы связаны с самим характером конвергентных NBICS-технологий, обеспечивающих возможность технологического воспроизведения систем и процессов живой природы. С точки зрения специальных применений это открывает перспективу целенаправленного вмешательства в жизнедеятельность природных объектов и, прежде всего, человека.

Конвергентные технологии открывают огромные потенциальные возможности и перспективы для человечества, но они же могут оказаться и ящиком Пандоры. Возможно, это лучший тест на разумность вида *homo sapiens*.

Таким образом, в конце XX – начале XXI веков в естествознании складывается качественно новый тип научной картины мира. Развитие производительных сил до уровня пятого и шестого технологических укладов привело к значительному росту теоретической и материально-предметной активности субъекта. Роль науки в обществе продолжает возрастать, она все в большей мере выступает непосредственной производительной силой и интегративной основой всех сфер общественной жизни на всех ее уровнях. Как никогда ранее сблизилась наука и техника, фундаментальные и прикладные науки, науки естественные и социально-гуманитарные (на фоне возрастания роли человеческого фактора во всех формах деятельности). Выделяются совершенно новые типы объектов научного познания. Они характеризуются сложностью организации, открытостью, саморегулированием, уникальностью, а также историзмом, саморазвитием, необратимостью процессов, способностью изменять свою структуру и т.п.

В современной науке предметная активность субъекта достигла такого уровня, когда появились исключительные возможности созидания новой сферы материальной культуры на основе атомно-молекулярного конструирования искусственных, целенаправленно созданных человеком материальных вещественных образований с принципиально новыми, заданными свойствами. Современные нано- и биотехнологии размывают границы между практической и познавательной деятельностью, познание объекта становится возможным только в результате его предметно-деятельного преобразования. По сути, идет процесс формирования материальной культуры в со-

вершенно новом качестве. Налицо тенденция замены узкой специализации междисциплинарностью, что, в свою очередь, ведет уже к трансдисциплинарной интеграции.

Платой за развитие техносферы цивилизации является истощение биологических ресурсов Земли. Человечество создало слишком мощные инструменты воздействия на природную среду обитания, что в значительной мере исчерпало естественные биологические инструменты восстановления.

Но человечество не в состоянии отказаться от благ и удобств цивилизации. Один из перспективных путей разрешения возникшего противоречия состоит в создании природоподобных технологий, являющихся важным путем развития биотехнологий [5].

Как показывает вездесущая статистика, общая масса созданной цивилизацией техносферы 30 триллионов тонн, что на порядок превышает общее количество органической массы, образованной всеми живыми организмами планеты, включая человека за всю историю его существования.

Порядка 60% площади суши настолько активно задействовано в техногенной деятельности человека, что животному и растительному миру фактически не остается места.

С другой стороны, как показывают расчеты, для избежания дисбаланса биосферы необходимо использовать в цивилизационной деятельности не более 1% всей биоты (исторически сложившаяся совокупность видов живых организмов, объединенных общей областью распространения). Сегодня же человечество потребляет на порядок больше – до 10% биоты, что приводит к сокращению биоразнообразия, уменьшению количества видов.

Как следствие, происходит изменение климата, растет концентрация углекислого газа в атмосфере, растет парниковый эффект, из-за повышения средней температуры происходит таяние арктических льдов, что грозит затоплением значительных территорий, необходимых для антропогенной деятельности.

В чем видится перспектива природоподобных технологий?

Во-первых, они основаны на использовании возобновляемых ресурсов, включенных в кругооборот веществ в природе.

Во-вторых, такие технологии экономичны и эффективны. Если мы рассмотрим такой важный орган человека как головной мозг, то с точки зрения эффективности энергопотребления он примерно в 1 триллион раз более эффективен, чем самые современные компьютеры. Суточная электрическая мощность человеческого организма составляет примерно 140–150 Вт. Если же попытаться создать робота, выполняющего функции человеческого организма, то ему для этого потребуются колоссальные энергозатраты, которые можно покрыть работой нескольких АЭС. Таким образом, природа в результате эволюции на протяжении миллиардов лет создала совершенные технологии, которые мы еще далеко не постигли. Созданная же нами техносферная цивилизация ведет к системному кризису развития человеческой цивилизации [6].

Анализ соответствующих технологий может осуществляться только междисциплинарным путем на

стыке различных наук и их взаимодействия, если мы хотим понять принцип функционирования и устройства природных систем. Главные биологические процессы природы осуществляются на уровне сложных молекулярных конструкций, называемых молекулярными машинами, которые способны трансформировать энергию для реализации жизненных функций.

Что является источником энергии, необходимой для работы молекулярных машин? Как уже отмечалось, принципиальное отличие живых систем от созданных человеком технических устройств, состоит в высокой энергетической эффективности. КПД современных генераторов электрической энергии достигает 30%, 40%, даже 50%, а в биологических системах трансформация энергии осуществляется с коэффициентом полезного действия до 98% (и даже выше). Фактически происходит весьма эффективная (бездиссипативная, с физической точки зрения) трансформация энергии из одной формы в другую [7].

Фактически сегодня человечество пришло к коллапсу потребительского общества. Сегодня необходимо формировать уважительное отношение к окружающему биологическому миру, к его ресурсам.

В современной науке аналитический подход к познанию структуры материи окончательно сменился синтетическим. Анализ и синтез по своей сути не только дополняют, но и взаимно обуславливают друг друга, трансформируются один в другой. Разумеется, в дальнейшем путь анализа никуда не исчезнет, но он перестанет быть главным приоритетом, скорее, отойдет на второй план в векторе развития науки.

Все это влечет за собой качественные изменения характера «внутреннего» и «внешнего» единства науки. Идеал аксиоматическо-дедуктивной системы как форма организации «внутреннего единства» науки сменяется идеалом поливариантной теории – построение конкурирующих теоретических описаний, основанных на методах аппроксимации, компьютерных программах и т.д. В частности, это вызвано потребностями разработки способов описания (объяснения) состояний развивающегося объекта, которые должны включать в себя построение сценариев возможных многовариантных линий изменяющихся состояний объекта. Особенно когда объектом является развивающаяся система, существующая лишь в одном экземпляре (Вселенная, биосфера, социум и др.). Здесь главная сложность в том, что, во-первых, нет возможности воспроизводить первоначальные состояния такого объекта, а, во-вторых, в данное время нет возможности воспроизвести его будущие состояния. В таком случае концептуальные обобщения эмпирических данных проецируются на множественные теоретические модели вероятностных линий эволюции объекта.

Сама общенаучная картина мира начинает все в большей мере соединять принципы системности и эволюции, и базируется на идее универсального эволюционизма. Это позволяет ей через установление преемственных связей между неорганическим миром, живой природой и социумом устранить исторически сложившееся в познании противопоставление естественнонаучной и социальной научной картин мира, усилить интегративные связи отдельных наук, специ-

альных картин мира, представить их как фрагменты единой общенаучной картины мира. На уровне философских оснований система постнеклассической науки интегрируется, прежде всего, категориальным аппаратом, теоретически отражающим проблематику социокультурной обусловленности познания, включая сюда проблему мировоззренческих и социально-этических регулятивов постнеклассической науки.

Все эти интегративные многоуровневые процессы [8] позволяют говорить о новом типе интеграции в системе постнеклассической науки. «Внутреннее» и «внешнее» единство науки сливаются в некий единый когнитивно-ценностный комплекс требований к познавательному процессу. Единство науки приобретает качественно новый характер, который получил название «конвергенция наук».

К характеристикам конвергентного единства могут быть отнесены также следующие черты современной науки.

Во-первых, доминирование междисциплинарных исследований, которые берут на себя интегративные функции по отношению к отдельным наукам (примерами могут служить теория систем, теория управления и т.д.). На этой основе происходит сближение отдельных наук, способов познания. Интеграция носит не просто междисциплинарный, а трансдисциплинарный характер.

Во-вторых, растет само многообразие интегративных процессов; иначе говоря, происходит их дифференциация, т.е. интеграция дифференцируется.

В-третьих, сама дифференциация становится все в большей мере моментом интеграции, приобретает все более явно выраженную интегративную направленность, выступает как закономерный, функциональный момент процесса самоорганизации и самоструктурирования науки. Иначе говоря, дифференциация из особого направления эволюции науки становится частью доминирующего в ней интеграционного процесса.

В-четвертых, в результате, интеграция как движение к целостности направлена не противоположно дифференциации, а включает ее в себя как часть, как один из необходимых аспектов общего процесса развития системы. Другими словами, отдельные процессы дифференциации и интеграции сливаются в единый интегрально-дифференциальный синтез [9].

Яркой иллюстрацией конвергентных процессов является новейшее направление развития науки, связанные с нано-, био-, инфо-, когнитивными (NBIC) науками и технологиями. Именно нанотехнологии (в виде технологий атомно-молекулярного конструирования материалов с качественно новыми свойствами «под заказ») создают фундамент и принципиально нового технологического уклада, и принципиально нового уровня организации науки и научных технологий. Внутренняя логика развития нанотехнологий нацелена на объединение множества узкоспециализированных наук в единую систему современного научного познания. Базой такого объединения является не только знание атомарного устройства мира, но и способность человека целенаправленно им манипулировать, конструируя немислимые ранее материалы. Все это, на наш взгляд, дает основания утверждать, что новейшая «нанотехнологическая революция» являет-

ся выражением глубинной закономерности возрастания роли субъекта в теоретическом и практическом освоении человеком мира [9]. Развитие науки достигло такого технологического уровня, когда стало возможным не просто моделировать, а адекватно воспроизводить системы и процессы живой природы с помощью конвергентных нано-, био-, инфо-, когнитивных науки и технологии (NBIC-технологии). Двигаясь по пути синтеза «природоподобных» систем и процессов, человечество рано или поздно подойдет к созданию антропоморфных технических систем, высокоорганизованных «копий живого».

Вместе с тем необходимо отметить, что намного более гибкой и способной адаптироваться к современным научным реалиям, репрезентациям научной картины мира, оказывается не официальная отечественная философия и методология науки, а такая, казалось бы, традиционно «антинаучная и консервативная» область, как теология [10].

В то время как отечественные философы занимаются схоластическими и догматическими спорами по поводу постнеклассической рациональности В.С. Степина, негативной этики А.А. Гусейнова и полным оксюмороном и профанацией типа «коллективного когнитивного бессознательного (ккб¹)» А.В. Смирнова, теология и ее последователи оказываются намного более включенными в современную образовательную доктрину.

Почему же теологический подход находит все большее распространение в настоящее время, которое, казалось бы, базируется на конвергентных технологиях современного познания мира?

И почему философская рефлексия этого процесса безнадежно проигрывает теологической картине мира, которая занимает доминирующее положение, проликая в базовые образовательные структуры?

Если оставить в стороне дилетантский уровень наследников отечественной марксистско-ленинской философии, специализирующихся на переводах арабских текстов в контексте нарастающей по всему миру угрозы исламского терроризма и экстремизма, то можно прийти к следующим выводам.

Человеческое сознание ищет объяснений, и религия дает хорошие основания для решения этой задачи, так как объясняет непонятные природные явления; интерпретирует таинственные личные переживания (сны, предвидения и т.п.); объясняет происхождение всего в мире; обосновывает существование добра и зла, страданий и достижений. Религия дает ответы на экзистенциальные вопросы, примиряет человека со смертью, снижает тревожность и делает окружающий мир более комфортным для жизни. Она также обеспечивает социальный порядок, сплачивает и объединяет, закрепляет определенный общественный уклад и формирует и поддерживает нравственность.

¹ «ККБ потенциально составляет универсальную способность человека как родового существа, хотя реализовано всегда в одном из возможных вариантов» (http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/Smirnov_Thes_2017.pdf). Думается, что средневековые схоласты с колоссальным уважением отнеслись бы к этому пассажиру современного действительного члена РАН по отделению философии, политологии, социологии, психологии и права.

В то же время, религия создает когнитивную иллюзию. Благодаря суеверности человек предпочитает верить во что-то, догмы веры неопровержимы по определению, а верить проще, чем доказывать, обосновывать и опровергать.

Но все эти обычно приводимые аргументы оказываются не в состоянии ответить на вопрос о происхождении религии. Каждая из перечисленных выше гипотез указывает на действительно существующее обстоятельство, которому необходимо найти когнитивное объяснение.

Для более глубокого понимания проблемы будем использовать антропологический подход, специализирующийся на культурных различиях. Религиозное многообразие состоит в том, как люди представляют сверхъестественные сущности, какие свойства и облик им приписывают, какие моральные нормы и принципы выводят из своей веры.

Вместе с тем следует обратить внимание, что когнитивные гипотезы возникновения религии описывают последовательность событий, происходивших в человеческом обществе. Человек хочет понимать и объяснять происходящие процессы, прогнозировать и управлять ими. Эти универсальные потребности разума и привели на определенном этапе человеческого развития к возникновению религии. Вот некоторые варианты такого понимания религии:

- ее придумали для объяснения непонятных явлений природы;
- ее используют для понимания непонятных психических явлений;
- она объясняет происхождение всего существующего;
- обосновывает наличие зла и человеческих страданий.

Еще Иммануил Кант открывает «Критику чистого разума» утверждением, что человеческий разум испокон веков будоражат вопросы, на которые он не может ответить, но которые не может и игнорировать. Но религия в этом смысле не может служить объяснением.

Контраргументы против объяснительных причин возникновения религии:

- истоки религии не лежат в стремлении объяснить окружающий мир;
- потребность объяснить частные случаи часто порождает довольно фантастические построения;
- нельзя понять религиозные представления безотносительно к тому, как они функционируют в индивидуальном сознании;
- возможно, религиозные представления возникают под влиянием объяснений, неявно предлагаемых системами логического вывода.

Но самое главное состоит в том, что работу систем логического вывода нельзя увидеть невооруженным взглядом. Дэниел Деннет обозначает неизбежную иллюзию работы разума как целенаправленных мыслей и логических обоснований этих мыслей как «картезианский театр». Однако основная работа идет за кулисами этой картезианской сцены [8].

Обратимся теперь к комплиментарному к рациональному эмоциональному интеллекту.

Эмоционально-ориентированные гипотезы рассматривают религию как утешение. Так уж устроена человеческая психика, что ей требуется утешение, поддержка, которые она черпает из сверхъестественного. В частности, религия примиряет с осознаваемым фактом смерти, она снижает тревожность и делает окружающий мир более комфортным для нашего обитания.

Контраргументы против эмоциональных причин возникновения религии:

- религиозные представления не всегда дают утешение и успокоение;
- желание избавиться от страха смерти не настолько универсально;
- эмоциональные представления, в свою очередь, сами включаются в угрожающих жизни ситуациях;
- эмоциональные программы есть неотъемлемая часть нашего эволюционного наследия, в чем, возможно, кроется ключ к пониманию их роли в появлении религии.

В комплексе с эмоциональными существуют и социальные причины – религия полезна для стабильности общества, причем она не есть простое дополнение к общественному укладу, зачастую она его и формирует, т.е. между социальной жизнью и верованиями может быть некая связь:

- религия сплачивает общество;
- ее придумали для закрепления определенного социального уклада;

Контраргументы против нравственных причин возникновения религии:

- религию не получается объяснить необходимостью связывать общество воедино, поскольку эта задача не требует создания особых институтов;
- социальное взаимодействие и нравственность действительно играют важную роль в возникновении религиозных убеждений и их влиянии на поведение;
- анализ и изучение социального интеллекта может прояснить источник генезиса определенных ожиданий насчет жизни в обществе, а также воздействия этих ожиданий на представления о сверхъестественном.

И тут нельзя обойтись формальным подходом к религии, как опиуму для сознания.

Рассмотрение религии как иллюзии исходит из предположения о том, что вместо того, чтобы думать, люди забивают себе голову всякими суевериями, т.е. религия существует из-за нежелания человека исследовать мир [8]:

- люди суеверны, а, значит, могут поверить во что угодно;
- религиозные догмы неопровержимы;
- опровержение контраргументацией намного сложнее, чем вера.

Контраргументы против логических причин возникновения религии:

- гипотетические неподтверждаемые заявления многочисленны, а число вопросов, охватываемых религией, ограничено;
- вера не есть пассивное принятие чужих утверждений. Человек ослабляет критерии истинности,

потому что определенные идеи заведомо воспринимаются им как правдоподобные, но не наоборот;

- возникает принципиальная проблема о том, откуда возникает избирательность человеческого восприятия в отношении того, какие идеи считать правдоподобными.

В этом контексте стоит обратиться к подходу, предложенному еще Р. Докинзом во второй половине прошлого века.

Ричард Докинз описал культуру как популяцию мемов – самокопирующихся репликаторов, аналогичных генам. Мемы – это единицы культурной информации: понятия, ценности, истории и т.п., подвигающие человека на то, чтобы действовать и говорить определенным образом, который, в свою очередь, побуждает других хранить в памяти «реплицированную» версию этих мысленных единиц [3].

Представление о культуре как об огромном наборе самокопирующихся программ заманчиво, но это лишь отправная точка. Чем одни мемы лучше других? Необходимо принимать во внимание возможные искажения, ибо культурные мемы подвергаются мутации, рекомбинации и селекции в сознании каждого человека в такой же степени и с такой же частотой, как и во время передачи от одного носителя к другому. Мы не просто передаем информацию, мы обрабатываем ее и на ее основе создаем новую, часть из которой сообщаем другим.

В основе наших представлений лежат шаблоны. Шаблон функционирует как рецепт, так что его можно назвать «рецептом для создания новых понятий». Шаблонов меньше, чем понятий, шаблоны более абстрактны и служат для организации понятий.

Шаблоны представляют собой одно из средств, благодаря которым у разных людей возникают схожие образы, несмотря на отсутствие канала передачи информации из одного сознания в другое.

Для анализа распространения шаблонов Дэн Спербер разработал эпидемиологическую концепцию механизмов культурного научения. В человеческом сознании присутствует огромное количество ментальных образов, большинство из них индивидуальны, но какие-то имеют схожий вид у различных индивидов. Схожие представления проявляются у множества людей, как в случае эпидемии. Разные люди привлекают схожие представления из общедоступных – поведения, жестов, высказываний, предметов и т.п.

Разобраться в религии – значит, разобраться в определенном виде ментальной эпидемии, в результате которой у людей складываются на основе варьирующейся информации довольно схожие формы религиозных понятий и норм.

Для религиозных представлений существуют свои шаблоны. В сознании людей имеются «рецепты», по которым создаются религиозные представления путем умозаключений на основе данных, почерпнутых от других людей и из опыта. Религиозные представления могут иметь приблизительное сходство, даже если конкретные данные, на основе которых они возникли, у разных людей сильно отличаются.

Религия – это явление культуры, люди перенимают ее от других – как предпочтения в еде, вкусе, чувстве меры и т.п.

Но при этом возникает вопрос: почему люди верят? Но к нему бессмысленно обращаться без ответа на другой вопрос: во что именно люди верят? Сложность состоит в том, что далеко не все религиозные представления прозрачны и наблюдаемы...

Строить планы, выдумывать, размышлять не только о данном, но и о вероятном – отличительные свойства разума человека. Из огромного количества информации, которой мы обмениваемся, какие-то сообщения завладевают нашим вниманием, поскольку нарушают интуитивные представления о предметах и существах окружающего нас мира. Эти противостественные образы склонны закрепляться в памяти и могут служить подходящим материалом для интересных сюжетов. Какие-то из этих сюжетов особенно привлекают внимание, поскольку открывают простор для возможных умозаключений. В нашем сознании имеются системы логического вывода, которые постоянно производят различные умозаключения. Человек может комбинировать свои интуитивные понятия с представлениями о том, что такие сущности действительно обладают сведениями о релевантных аспектах его собственных действий и действий окружающих по отношению к нему. При таком восприятии эти сущности легче связать с выраженными случаями бед и несчастий, поскольку человек предрасположен рассматривать свои беды как социальные невзгоды, следствие чьих-то враждебных действий, а не сугубо физическими процессами. Поэтому таким сущностям начинают приписывать могущественные, сверхъестественные способности, с помощью которых они могут навлечь на человека несчастья, что придает им дополнительную значимость. Так и возникают религиозные представления со свойственными им ритуалами, обрядами и служителями культа как связующего звена с этими сверхъестественными сущностями [8].

Какие же выводы можно сделать о соотношении научного и телогического подходов к описанию окружающей нас реальности.

Новая научная картина мира складывается в естествознании XXI в. Аналитический подход к познанию структуры материи сменился синтетическим, доминируют междисциплинарные исследования, растет их многообразие, они берут на себя интегративные функции по отношению к отдельным наукам; сближаются науки об органической и неорганической природе, интеграция наук приобретает трансдисциплинарный характер. Дифференциация из особого направления эволюции науки становится моментом доминирующего в ней интеграционного процесса. Процессы дифференциации и интеграции сливаются в единый интегрально-дифференциальный синтез [10]; усиливается взаимодействие между внешними внутренним единством науки, часто они становятся неразличимыми. Такая парадигма научного знания может быть названа конвергентной [3, 6, 7].

Религиозные убеждения эмпирическим путем не опровергаются. Можно указать когнитивные процессы, которые уведут человека от четких и обоснованных убеждений и аргументов:

- эффект консенсуса – человек склонен подогнать свое описание событий под чужие описания;

- эффект ложного консенсуса – в противоположность первому человек проецирует свои впечатления на остальных, ошибочно полагая, что эта реакция идентична;

- эффект создания – самостоятельно сгенерированная информация запоминается лучше, чем воспринятая;

- иллюзия памяти – ложные воспоминания, которые воспринимаются как что-то действительно виденное или слышанное;

- искажение отслеживания источников – при некоторых обстоятельствах человек склонен путать источники информации;

- склонность к подтверждению своей точки зрения – анализируя гипотезу, человек замечает и вспоминает подтверждающие ее данные, гораздо хуже обращая внимание на противоречия;

- снижение когнитивного диссонанса – человек склонен подгонять хранящиеся в памяти убеждения и впечатления под новые данные. Если же его впечатления изменяются под влиянием новой информации, то человек будет думать, что именно такое впечатление у него сложилось изначально, даже если прежде оно было противоположным.

Если современное образование хочет не проиграть сражение в битве за мировоззрение XXI, оно должно принципиально быть трансдисциплинарным и конвергентным, базирующимся на когнитивных технологиях, предлагая многовекторные выборы альтернативных картин мира.

Литература

1. Баксанский, О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные / О.Е. Баксанский. – Москва, 2009. – 216 с.

2. Баксанский, О.Е. Методологические основания модернизации современного образования / О.Е. Баксанский // *Философия и культура*. – 2012. – № 9. – С. 105–111.

3. Баксанский, О.Е. Физики и математики: анализ основания взаимоотношения / О.Е. Баксанский. – Москва, 2009. – 206 с.

4. Баксанский, О.Е. Философия, образование и философия образования / О.Е. Баксанский // *Педагогика и просвещение*. – 2012. – № 2. – С. 6–19.

5. Баксанский, О.Е. Естествознание: современные когнитивные концепции / О.Е. Баксанский, Е.Н. Гнатик, Е.Н. Кучер. – Москва, 2008. – 216 с.

6. Баксанский, О.Е. Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования в зеркале междисциплинарного контекста / О.Е. Баксанский, Е.Н. Гнатик, Е.Н. Кучер. – Москва, 2010. – 236 с.

7. Баксанский, О.Е. Конвергентная парадигма современного образования / О.Е. Баксанский, Е.А. Дергачева // *Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: материалы III Всероссийской конференции: в 2 т.* – Брянск: БГТУ, 2017. – Т. 1. – С. 129–138.

8. Баксанский, О.Е. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – Москва, 2005. – 216 с.

9. Баксанский, О.Е. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – Москва, 2010. – 226 с.

10. Буайе, П. Объясняя религию. Природа религиозного мышления / П. Буайе. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2017. – 496 с.

11. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс; пер. с англ. В. Г. Малахеевой-Мирович и М. В. Шик. – Москва: Наука, 1993. – 431 с.

12. Roco, M.C. Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science / M.C. Roco, W.S. Bainbridge. – Dordrecht, 2003. – 488 p.

O.E. Baksansky, A.V. Skorobogatova

EDUCATION IN THE CONDITIONS OF CONVERGENT SOCIAL AND NATURAL INTERACTIONS

Now there are cardinal changes in the modern scientific picture of the world for which it is necessary to reconsider the existing outlook and, first of all, its social and humanitarian components. If modern education wants not to lose the battle in fight for the outlook of the 21st century, it has to be transdisciplinary and convergent, based on cognitive technologies, offering multi-vector elections of alternative pictures of the world.

Convergent paradigm, NBICS technology, transdisciplines, biomedicine, medical equipment and technologies, scientific picture of the world, education, theology.

К.В. Ковтун

Вологодский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

В статье рассматриваются теоретические подходы к пониманию феномена сетевой коммуникации. На основе анализа акторно-сетевой теории, концепции сетевого общества М. Кастельса и системного подхода Н. Лумана делается вывод о том, что сетевая модель не просто актуализировала теоретические исследования информационных технологий, но и стала основанием для категориальной трансформации социальных наук. Показано изменение таких категорий, как пространство, время, движение, коммуникация в условиях сетевого общества.

Сетевое общество, коммуникация, сетевая коммуникация, социальные науки, акторно-сетевая теория.

Сеть является математическим (геометрическим) понятием. Возможность установить количественные соотношения между сетевыми объектами открывает новое пространство для исследований в социологии, экономике, теории организации. Количественные исследования продвигаются в двух направлениях. Матричный подход операционализирует понятие сети для целей изучения групповых взаимоотношений. Геометрический подход исследует эффект социальных коммуникаций сквозь призму пространственных контактов. Параметризация социальных контактов в виде матриц с целью совершения математических преобразований восходит к представителям американской «школы власти» стратегического менеджмента – Минцбергу, Альстрэнду, Лэмпелу: «Организации представляют собой коалиции различных индивидов и групп, объединенных на основе общего интереса, между членами коалиций существуют устойчивые различия в системах ценностей, верований, уровнях информированности, интересах и восприятии реальности» [5, с. 198]. Эти авторы исследуют матрицы влияния, т.е. контактов, возникающих во внешней среде и обусловленных как данностями институциональной природы, так и уникальным для организаций соседством с другими игроками на конкретном сегменте экономического пространства. Российские ученые А. Котелкин, М. Мусин стремятся вывести из этого подхода прикладную методологию изучения «матриц влияния», описывающую многомерную структуру отношений институтов или организаций. Работая на материале экономических взаимоотношений, они ставят целью отразить структурность движений субъектов рынка, «придать точную измеримую форму содержанию тех структур отношений, в которые непосредственно или опосредованно, косвенно – включен каждый индивидум в экономическом пространстве» [5, с. 198]. Отношения и операции рассматриваются как коммуникативные процедуры, связанные с местом субъекта в системе отношений. Таким образом, речь идет об изучении математических формул сетей, в которые включены индивиды и институты.

Представитель близкого к геометрическому подходу в изучении сетевых структур американский ученый Р. Берт использует анализ микроструктуры социальных контактов, опираясь на понятие «социограмм», т.е. схематизмов, отражающих движение информационных потоков внутри и вне организации. В своей работе «Социальный капитал структурных дыр» [1] он демонстрирует множество различных коммуникационных схем, существование которых необходимым образом связано с наличием коммуникационных размыканий (структурных дыр) и потребностью в их преодолении. Различные сетевые конфигурации дают различный коммуникационный эффект и служат различным целям. Подобные микросоциологические исследования также легко трансформируются в практические выводы теории организаций.

Несмотря на выявленное многообразие подходов в изучении социальных сетей, им не удается кристаллизироваться в самостоятельную дисциплину, имеющую свой предмет. Существовая на междисциплинарной основе, эти исследования не создали достаточного теоретического фундамента, который можно было бы использовать как базу, и не накопили эмпирического материала, без которого невозможны обоснованные социологические обобщения. Это обстоятельство придает любой работе на тему сетей вынужденную индивидуальность, заставляя исследователя самостоятельно строить план изучения предмета.

Теория сетей учит, что последним пределом, атомом общества является не индивид, а «сообщения», из которых складывается жизнь индивидов, институтов, классов – к какой бы понятийной инстанции мы ни обращались. Неважно, кто является носителем сообщений, важно, какого типа сообщения формируют систему коммуникации. Сообщения обуславливают формы социальных образований и легитимизируют субъектов коммуникации в их социальном статусе. Какая бы социальная форма ни возникала в результате коммуникации, она является одним из видов сетей. И благодаря этому она способна перетекать в другие формы и обмениваться с ними.

Подобный подход позволяет не отказываться от классических понятий социальной науки, он открывает возможность их новой интерпретации. Исследование социального объекта дополняется изучением его сетевых эффектов. В то же время изучение сетевого общества оказывается привязанным к широкоформатному комплексному социальному исследованию, затрагивающему все значимые сферы и регионы социального бытия. Именно по такому пути пошел М. Кастельс, поневоле вынужденный заново описывать все ключевые сферы общества в русле сетевой парадигмы: производство, культуру, досуг, финансы и т.д.

Сетевые эффекты меняют не все. И проявляются они в разных областях по-разному. Существует несколько социальных областей, в которых эти изменения существенны и очевидны: финансовые рынки, рынки труда, корпорации, группы по интересам, система обмена информацией и массмедиа. Обращает на себя внимание, что повестка дня сетевых исследований почти буквально совпадает с повесткой дня исследования глобализации. И это не случайно. Глобализация и есть один из сетевых эффектов, самых существенных и ключевых. Глобализация обозначает новое качество мира, которое далеко не всегда может быть объяснено действием сетевых технологий. Но эти коммуникационные технологии лежат в основе «сжатия пространств» и углубления взаимозависимости мира – ключевых параметров глобализации. В то же время сети далеко не всегда являются глобальными. Изучая глобализацию и сети, исследователи на разных уровнях познают новое качество общества постмодерна. То же можно сказать о понятии «информационного общества», имеющего дело с коммуникационными эффектами, которые можно считать одновременно сетевыми. Обозначая зачастую идентичные или близкие феномены, эти подходы реализуют разные исследовательские программы, инспирированные последними десятилетиями технологической революции [8, с. 120].

Рост сетевых предприятий и институциональных сетей идет рука об руку с сетевой активностью капитала. Финансовый рынок – локомотив и сетевого общества, и глобализации, и информатизации. Кастельс, утверждая, что капитал больше других выиграл от сетевой модернизации, справедливо уловил тот факт, что эта модернизация осуществляется в русле традиционной экономической рациональности, мотивирующей к росту прибыли, экономии на издержках и на масштабах, поиску конкурентных преимуществ. Новые средства коммуникации помогают переносить свой опыт в другое место и с минимальными затратами воспроизводить уже пройденный путь. Формирование стандартов делает легко переносимым интеллектуальный капитал. Гибкая управленческая структура способствует эффективному распределению производственной цепочки во времени и пространстве, переносу трудоемкие процессы в страны с дешевой рабочей силой, а интеллектуально емкие – в развитые страны. Наконец, сетевая экспансия становится главным залогом количественного расширения капитала. Успешные сетевые предприятия сформировали стандарт массового производства, с которым не могут конкурировать предприятия иного типа, вытесняемые

в маргинальные сектора товаров «люкс» или в сферу малого предпринимательства.

Основные преимущества капитала коренятся в природе финансовых рынков. Информационные технологии обнажили информационную сущность финансового капитала. Капитал представляет собой информацию о ресурсах, которые могут рассчитываться, обмениваться, перемещаться. Денежные транзакции в современной банковской системе представляют собой не что иное, как сообщения, перемещения информации. Если в индустриальную эпоху деньги обрели универсальную власть, то в информационную эпоху они приобрели еще и скорость, мобильность, конвертируемость в разные виды финансового капитала. Возникают сложно сконструированные финансовые инструменты, перемещения финансовой информации обретают квантовые скорости, состояние финансовых бирж становится ключевым параметром ситуации в экономике и в обществе. Деньги соединяют социальные действия и выстраивают их в единое целое. В основе возникновения сетевого общества лежит формирование доминантного положения сети финансовых транзакций, способных легко конвертироваться в иные виды социального действия и достигать той или иной точки мира.

В современном обществе сеть можно создать на основе любого инструмента социального действия, способного иметь форму сообщения и информационного потока. Теория групп интересов должна учитывать, что интересы отныне легко артикулируются посредством информационных каналов. Идеология, религия, творчество, образование – все сферы, обслуживающие культуру, вынуждены менять форматы распространения, переходя от статичных книжных форм коммуникации к мобильным информационно-коммуникационным формам.

Теория массмедиа должна исходить из того, что ее ключевым параметром становится не тиражируемость, а широта информационного канала: даже будучи малозначимым, информационный контент становится доступен в любой точке информационного континуума, однако нужно обеспечить его доминирование и значимость в многообразии информационных шумов. В своей способности влияния на процесс принятия решений информационные сообщения массмедиа уступают лишь сообщениям, проходящим по управленческим каналам. Новые средства коммуникации придали массмедиа новые скорости и широту охвата благодаря многообразию форм доставки, возможностям мультимедиа, дешевизне форматов. Прямые репортажи с места событий, круглосуточные новости нон-стоп, планетарная возможность доступа – все это стало уже привычными вещами. Никогда прежде люди на местах не получали столь качественной и плотной информации (а порой – дезинформации). В то же время именно сегодня возник феномен конкуренции информационных магистралей. Доминирование крупных массмедиа, глобальных инфомагистралей делает вход через их фильтры частной, локальной информации почти невозможным. Сеть не отрицает опасности «цифрового разделения», напротив, формирование сетей дает в руки рычаг «включения и исключения», который, по замечанию М. Кастельса,

является сильнейшим механизмом власти в сетевой эпоху.

О природе власти в сетевом обществе говорят редко, хотя осуществление власти не что иное, как сообщение. Государственная власть является не чем иным, как сетью коммуникаций. Сетевое общество, мультиплицируя и разнообразя информационные потоки в политической сфере, неизбежно демократизирует устоявшийся порядок отправления власти. Наиболее показательный пример – формирование сетей негосударственных организаций (НГО), опоясывающих мир подобно транснациональным сетям корпораций.

Их сети олицетворяют становление единой целостной структуры мира в общественной сфере, т.е. служат проявлениями формирующейся «мировой общности». Далеко не все из сетей служат глобализации; напротив, есть сети групп, которые борются против глобализации. Подавляющее количество сетей не выходят на глобальный или даже национальный уровень, демонстрируя тенденцию регионализации и локализации информационных потоков. Тем не менее само многообразие позиций и интересов, представительство которых усиливается мощностью сетевых информационных потоков, формирует новый, особый род политики интенсивных коммуникаций, которую Ю. Хабермас назвал «делиберативной» политикой [9, p. 366].

Новая социальная оптика, которой необходимо овладеть социальному исследователю, если он желает постичь сложность общества XXI в., побуждает пересмотреть понятия и подходы классической социальной теории. Теория сетей не отменяет эти подходы, а служит их обогащению, она рассматривает общество сквозь призму коммуникации (Н. Луман) и видит в сообщении основной атом социальности, переинтерпретируя в коммуникационном ключе основные социальные понятия [10, p. 120]. Теория сетей призывает к философскому пересмотру многих вещей, провоцируя измерять пространство не расстояниями, а потоками, отсчитывать время не часами, а событиями. Наконец, актуален прикладной прогностический результат таких исследований, позволяющий открывать черты нового в самых разных сферах жизни. В отличие от набившей оскомину концепции «конца истории», он наполняет исследовательским оптимизмом, суля многообещающие эвристические перспективы.

Обобщающая концепция коммуникации как сущностной характеристики самого общества представлена в работах Н. Лумана. Общество исследуется как коммуникативная система, ставится задача «положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия» [10, p. 125]. Именно на понятии коммуникации базируются основные идеи Лумана. То, что «человеческие отношения, да и сама общественная жизнь невозможны без коммуникации», «только коммуникация может осуществлять коммуникацию», это «определенный тип наблюдения мира». Соответственно сформирован новый язык «теории общества как социальной системы», для Лумана его источники – математическая и биологическая кибернетика, информатика и конст-

руктивизм. И хотя информационный подход существенно преобладает, тем не менее сама теория общества как теория коммуникаций строится на таких новых для социологии понятиях, как аутопойезис (самосозидание, самоорганизация) коммуникации, коммуникативное порождение смысла, социальная система как «машина выживания» коммуникационных смыслов, коммуникативные пространства, самоописание и самоприменимость истины. В конечном счете, социология предстает как поиск законов связи коммуникаций (порядка в обществе), их способов выстраивания и дифференциаций на типы (научные, политические, экономические и др.), создание языковых кодов, коммуникативных посредников (истина, власть). Таким образом, конструктивистский подход Лумана опирается на новые для познания общества практики, соответственно возникает новая – междисциплинарная – теория общества, одним из базовых понятий которой стала коммуникация в контексте семиотики, логики, психологии, лингвистики и других областей знания.

Философы, сторонники концепции «постиндустриального» или «информационного» общества, активно интересующиеся сетевыми феноменами, как правило, не считают, что последние приобретают центральное значение для социальной науки. Тем не менее стремительная «сетевизация» общества не является случайным эффектом социального развития и не оставляет незатронутыми остальные регионы социального бытия. Сетевое начало глубоко затрагивает структуры современного общества и заставляет общество жить и видеть вещи по-новому.

Социальные категории завязаны на социальные практики, но чтобы опознать новые социальные практики, требуется опережающим образом произвести трансформацию традиционных категорий и обосновать это смещение взгляда. Это должно коснуться фундаментальных категорий пространственно-временного определения действительности. Именно на это смещение смысла категорий пространства и времени указал М. Кастельс, когда взялся за задачу определить сетевое общество. Впрочем, как будет видно из последующего изложения, новая концептуализация категорий социального пространства и социального времени является не только продуктом нового сетевого мышления, но дело происходит обратным образом: новая трактовка пространственно-временного континуума во многом является источником возникновения сетевого мышления.

Традиционное представление о пространстве как об абстрактном расстоянии, т.е. через призму способности предмета преодолеть его за определенный отрезок времени, не может быть в сетевом контексте направляющим ориентиром, поскольку в современном контексте социальных перемещений сменились оси координат. Маленький локальный отрезок пути может преодолеваться за гораздо больший временной интервал, чем огромные глобальные расстояния. В социальном мире пространство определяется через скорость коммуникаций. Расстояние является функцией конкретного медиума, преодолевающего его. Одно и то же пространственное удаление может означать разные расстояния и не быть эквивалентно ни одному из них. Соответственно, пространство не есть рас-

стояние, но совокупность разных расстояний. Плюрализм осей координат приводит к необходимости перенести постулаты теории относительности в социальную теорию, которая долгое время оставалась в русле наивного евклидова восприятия. Математические теории сетевого пространства, экспериментирующие с понятием разных степеней искривления гауссова пространства, могут служить основными направляющими ориентирами в мыслительных экспериментах по осмыслению современного социального пространства.

Выражая это мироощущение, М. Кастельс выдвинул гипотезу о превращении в информационную эпоху пространства мест в пространство потоков. «Наше общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни... Новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его: пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разведенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [3, с. 64].

Динамический образ пространства потоков позволяет в сетевом обществе многое объяснить. Социальное пространство становится открытым для различных концептуализаций, для открытия и исследования «множества пространств». Именно утрата целостности пространства, его разорванность и его же способность к воссоединению становится ключевой для образования социальных сетей, которые в каком-то смысле являются автономными социальными мирами, требующими собственных пространств, в то же время стремящимися не утрачивать связь с «общим» пространством.

Трансформация представлений о пространстве столь очевидна, что наиболее общеупотребимой и популярной характеристикой сегодняшнего состояния современного общества является пространственная метафора «глобализации». Глобализация означает факт преодоления локальных пределов, приобретения социальными процессами всеобщей, глобальной размерности. При этом основное изменение упрощенно видится в «уплотнении пространства», в оперировании большими пространствами и скоростями, в пронизываемости межстрановых границ. На самом деле, эффект глобализации зиждется не на большей доступности удаленных пространств, сколько на наложении и контрасте пространственных перспектив. Локальные пространства и скорости остались прежними, хотя автомобиль, превратившийся из роскоши в предмет повседневного потребления, изменил их соотношение даже на бытовом уровне. Новый эффект вызывает радикальное изменение понятия удаленно-

сти, которое не может более осмысливаться «километрами», мерой локальностей. Иначе говоря, из опыта и практики движения и коммуникации в физически доступных пространствах нельзя сделать никакого вывода о физически недоступных пространствах. Хотя ранее такая возможность была: путешествие из Петербурга в Москву или вокруг земного шара можно было выразить в количестве дней, в количестве миль. Сегодня любой далекий путь складывается из сравнительно быстро преодолеваемых глобальностей и долго осиливаемых локальностей: путь до аэропорта и затем до отеля занимает зачастую больше времени, чем само расстояние в несколько тысяч километров. Каждый маршрут оказывается дорогой «первой» и «последней мили», а не складывается из миль как таковых. Осмысливать расстояние можно, только «переключая» фокусы, учитывая наложение разных размерностей и скоростей, которые становятся еще одной характеристической чертой современного общества. Считается, что скорость имеет тот, кто движется, но современные коммуникации позволяют большинство дел вершить без движения, сидя в офисе. Как раз действия без движения, производимые с помощью коммуникации, оказываются более масштабны, чем те, которые можно осуществить с помощью физических перемещений и встреч. Соответственно, и скорости процессов оказываются завязаны не на движения, а на информационные потоки, на инструментальную коммуникацию. В этом обществе тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость трансакций.

Скорости становятся решающим показателем в определении результатов движения. Информационное общество – общество, разделенное на тех, кто впереди и кто позади, кто успевает и кто опаздывает.

Представление о современном социальном пространстве невозможно основывать на архаических представлениях визуального восприятия пространства, какой является Евклидова геометрия. Его необходимо формировать концептуально на основе новых вводимых понятий и параметров, как это делали великие математики прошлого. Время, для того чтобы применять современные геометрические теории в социальной топологии, пришло. Например, вследствие возникновения глобальной информационной сети земля не может более восприниматься как плоская суша, но скорее как силовое поле, в котором силовые линии организуются вокруг основных энергетических и информационных центров. Знатоки легко узнают такие центры в городах-местах расположения крупнейших фондовых бирж (Нью-Йорке, Лондоне, Токио). Если брать поле политических влияний, то центрами возмущений будут другие города – Вашингтон, Париж, Москва и другие. Религиозное пространство образует свое силовое поле, культурное – свое и т.д. Глобальная сеть Интернет, как продемонстрировал М. Кастельс, концентрирует свои основные информационные ресурсы в центрах современных мегаполисов. Топология социальных полей имеет не много общего с математическими представлениями, но ясно одно – она требует новых теоретических подходов и понятий.

Пространственная метафора «сети», казалось бы, не затрагивает понятия времени. Но для обоснования социальных категорий время так же необходимо, как и понятие пространства. В отличие от материальных сетей, существующих предметно, как бы вне времени, сетевая коммуникация возникает и протекает во времени. Для нее измерение времени является таким же существенным составным элементом, как и пространство.

Традиционное восприятие социального времени обусловлено космической и физиологической цикличностью дня и ночи, и здесь потеря «точек опоры» вследствие глобализации не столь очевидна. День продолжает сменять ночь. Социальная наука должна отдать дань тому факту, что, несмотря на совершившуюся благодаря Копернику «смену парадигм» в науке о природе, в жизни людей истина о том, что Солнце вращается вокруг Земли, осталась столь же непреложной, как тысячелетия до этого. В то же время статичность традиционного общества, способного выходить из наивного восприятия времени только в квазивечное время истории, тоже позади. В современном обществе время уже не может восприниматься как константа, вокруг которой можно организовывать социальные процессы. В глобальном мире, на самом деле, нет больше «дня и ночи». О времени нельзя более утверждать, что оно не обратимо и не рекурсивно, как это пишется в учебниках. Время становится событийным, оно привязывается к значению социальных событий, от которых не может быть абстрагировано. Разрывается цикличность, свойственная традиционному восприятию времени, побуждающая формулировать социальные проблемы как проблемы вневременные. Время также становится «относительным», как и пространство, представляя собой совокупность различных социальных диапазонов «времен».

«Секундные транзакции капитала, гибкое предпринимательство, варьируемое рабочее время жизни, размывание жизненного цикла, поиск вечности через отрицание смерти, мгновенные войны и культура виртуального времени – суть фундаментальные явления, характерные для сетевого общества, которые систематически перемешивают последовательность времен», – пишет М. Кастельс [3, с. 65]. В сетевом обществе, отмечает социолог, каждый момент времени оказывается одновременно «раньше» и «позже», «до» и «после». Время не может больше иметь форму чередования дней и ночей, оно является чередованием событийных отрезков, в которые нечто «успевается». Астрономическое время в бытовом измерении заслоняется временем «социальным» и воспринимается по-разному в контексте разных событий.

В то же время возникает противоречие между размерностью «разных» пространств и «общего для всех» времени. Если «территории» распределены и приватизированы, время принадлежит «всем». Единство пространства размыто в гораздо большей степени, чем единство времени. Возрастающим в коммуникационном обществе возможностям мобильности пространства противостоит стабильность времени. Границы времени гораздо более жесткие и более бесспорные, чем границы пространства. Поэтому в социальной практике все более утверждается представление о том, что время является мерой событий, давая

бытию событийный смысл. Действительно, время по-разному может быть сочленено с прошлым и будущим, и каждый момент раскрывает по-новому смысл бытия. Коммуникационное общество – общество, пытающееся жесткость времени преодолеть мобильностью пространства, элиминировать равенство в доступе и распределении ресурса времени путем управления дифференцированными «темпами» жизни.

Жесткость времени проявляется не только в том, что им сложно манипулировать. В современном экономическом обществе время встраивается в социальную ткань так, что каждое явление становится охваченным временным потоком, от которого невозможно освободиться. Если прежде многие социальные практики функционировали как рутины и для социолога воспринимались как бытовой, «вневременной» фон, который происходит всегда и одинаковым образом, то сегодня даже рутина приобретает временной пульс. На эмпирическом уровне это проявляется как жесткий императив для субъектов социальных действий «успеть сделать вовремя». Вовремя нужно появиться на работе, вовремя должна быть совершена погрузка, вовремя совершена транзакция. Это новое ощущение важности времени вызвано формированием «временного скелета» социальных процессов. Многие из социальных актов не могут длиться произвольный промежуток времени, как раньше. Они должны произойти именно в отведенный срок, чтобы мог совершиться следующий в цепочке акт, более высокого уровня [3, с. 76]. Время ощущается как «граница повседневности», и наличие этой границы трансформирует аморфную повседневность в новую, гуттаперчевую ткань социальных процессов.

Иными словами, способность времени разбиваться на времена и в то же время сохранять жесткое единство, подобно тому, как это происходит с пространством, создает условие возможности для образования коммуникационной «сетевой ткани». Это позволяет множиться социальным мирам, выстраивая сети в пространстве и времени произвольным образом: нанизывая их друг на друга или располагая параллельно друг другу.

Если пространство в информационном обществе реорганизуется из «расстояний» в «потоки», то время само по себе является потоком, содержит в себе изменение. Время не может расщепляться, быть направленным потоком, какими остаются информационные потоки, но именно потому, что информационные и пространственные потоки являются таковыми благодаря причастности времени, время также способно индивидуализироваться. Каждый организует общий ресурс времени так, как это вытекает из его задач, представлений, возможностей. Точнее, каждый располагает собой, свои действия, планы, представления в общем домене времени так, чтобы реализовывать свои индивидуальные стратегии, чтобы быть способным подключаться и отключаться от коллективных социальных потоков. Из индивидуальных свобод включения и отключения, как из кирпичиков, складываются сооружения социальных сетей. Иначе эти сооружения оставались бы казармами или толпами.

Поскольку время единоподчинено, источник различия в нем – не маршрут, а возможность ускорения и

замедления, т.е. темп. Темпы в музыке задают совершенно разные динамические миры, темпы в социальной жизни обуславливают совершенно разный жизненный профиль. Коль скоро современные общества оказываются способны генерировать вместе со временем изменения и приросты, понятие темпа жизни оказывается решающим при определении жизнедеятельности, конкурентоспособности, производительности труда, а следовательно, процветания общества. Социальным богатством, в отличие от колониальной эпохи, начинают обладать не те страны, которые располагают ресурсом пространства (пространство не несет в себе приростов), а те, которые способны организовывать время и увеличивать жизненные темпы и производительность. Критерием социального совершенства становится умение реализовывать разные темпы, а не придерживаться одного. Задача успеть вдвое больше за тот же промежуток времени – предъявляет колоссальные требования к состоянию и «спортивной форме» общественного организма. Но возможностей выскочить из этой гонки ни у одной страны в глобальном обществе нет.

Одним из первых, кто обратил внимание на трансформацию социальности в современном информационном обществе, явился М. Кастельс, который ввел в «сетевую социологию» такие понятия, как «новая модель социальности», «информационный поток», «персонализируемое сообщество», «сетевой индивидуализм», «глобальная информационная экономика», связанная с производством и обработкой информации и способная работать как «единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» [3, с. 100], «сетевое предприятие», которое составляет материальную основу культуры в информационной/глобальной экономике, превращая «сигналы в товары, обрабатывая знания» и т.д. [3, с. 100].

Результатом всюду проникающей информационной сетевой мобильной гибкости явилось становление общества пространства потоков информации, технологий, капиталов как основы пространственной структуры социальной жизни информационной эпохи, названной М. Кастельсом «сетевым обществом», потому что оно «создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...» [3, с. 105]. Такой сетевой подход позволяет по-новому подойти к анализу социальной реальности современного информационного общества, так как «именно сеть стала той формой социальной организации, которая присуща постиндустриальному обществу» [6, с. 69].

В теории сетей понятие социальности, социального контакта понимается не просто как материальный обмен, языковое общение, нормативная или институциональная связь, а как бинарная коммуникация в контексте коммуникативных событий и взаимосвязей. Социальность при таком подходе определяется как «совокупность “сообщений”, способных транслироваться, накапливаться, виртуализироваться и т.д.» [6, с. 70], к которым сводится все многообразие социальной реальности. При этом сообщение, поток сообщений пронизывают в сетевом обществе все сферы об-

щественной и личной жизни, изменяя, тем самым, оптику социальной науки.

Исходным «атомом» сетевой социологии становится не понятие индивида, как это имело место в классической социологии, а сообщение, из совокупности которых складывается жизнь индивидов, институтов, кланов и т.д. Такой подход не отрицает полностью значимости основных положений классической социологии, но позволяет их интерпретировать по-новому, в соответствии с утверждающейся информационной сетевой реальностью.

Особенно актуальным и необходимым в контексте методологии сетевой коммуникации является анализ таких областей и явлений социальной жизни, как глобализация, социальная и политическая структура общества, финансовые рынки, рынки труда, корпорации, группы по интересам, система обмена информацией, образование, медиа-культура и т. д. В контексте такой сетевой тотальности, сегодня все, что не является сетями, «образует маргинализирующуюся часть мира, обреченного быть сетевым» [6, с. 71]. Это приводит к тому, что такие сферы, обслуживающие культуру, как идеология, религия, творчество, образование «вынуждены менять форматы распространения, переходя от статичных книжных форм коммуникации к мобильным информационно-коммуникационным формам» [6, с. 72].

Определенные изменения теория сетей вносит и в понимание одной из ключевых проблем социологии – понятия индивида, так как в основании, на входе и выходе любой информационной сети находится коммуникация индивидов. Человек становится генератором и потребителем сообщений, он занимает определенное, от его способностей зависящее, место в потоке сообщений, выстраивая «сложные коммуникативно-деятельностные конфигурации» [7, с. 58].

Такой коммуникационный, сетевой индивид должен быть образован, мобилен, являться субъектом коммуникации, быть вовлеченным в деятельность сетевых институтов и коммуникаций, быть креативной личностью, способной не только получать, но и использовать, применять знание, которое «в новых постиндустриальных условиях становится основным ресурсом для развития производства, управления и культуры» [7, с. 58].

Сетевая коммуникация изменяет природу наших представлений о социальном пространстве и времени, делая актуальной проблему их новой категориальной концептуализации. С точки зрения классической социальной теории, пространство является «материальной опорой социальных практик разделения времени...», а место – территорией, формой, «функция и значение которой содержатся в границах физической близости» [4, с. 304].

В отличие от классического, механистического представления о пространстве, которое преодолевается за определенный отрезок времени, социальное пространство относительно, оно характеризуется скоростью коммуникаций и представляет собой не пространство места, а пространство потоков «капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов» [4, с. 275]. При этом под потоком понимаются целенаправлен-

ные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества. Поэтому сетевое социальное пространство – это пространство потоков, движений и скоростей, которое утратило евклидову изомерность и равномерность, так как оно относительно, способно к «сжиманию» и преодолению географических границ, это «материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки» [4, с. 205].

Социальное сетевое время, так же как и пространство, отличается от традиционного восприятия, которое определяется космической и физической цикличностью смены дня и ночи. Время в сетевом обществе не может восприниматься как постоянная величина, оно становится относительным, «разорванным», не цикличным, связанным со значимостью социальных событий, представляет собой чередование событийных отрезков.

В связи с этим, Кастельс вводит понятие вневременного времени, которое «принадлежит пространству потоков, тогда как временная дисциплина, биологическое время и социально детерминированный порядок следования характеризуют местности всего мира, материально структурируя и деструктурируя наши сегментированные общества» [4, с. 201]. Исходя из этого, Кастельс выдвигает гипотезу, при помощи которой пытается доказать, что «сетевое общество характеризуется уничтожением ритмичности, как биологической, так и социальной, связанной с понятием жизненного цикла» [7, с. 60].

Сетевая социальная структура меняет наши представления не только об индивидуе, социальных институтах, коммуникации, социальном пространстве и времени, но и о таких фундаментальных категориях социального бытия, как причинность и предметность, так как «предмет, вступая в живую интерактивную связь с информацией, виртуализируется и превращается в артефакт, компонент медийной среды» [7, с. 62].

Таким образом, понятие сети выступает сегодня обозначением новой логики осмысления предельно сложных явлений и процессов, происходящих в современном мире, определенным междисциплинарным дискурсом, методом теоретического описания и конструирования, взаимосвязи и взаимодействия неожиданных, отдаленных друг от друга информационных, когнитивных, коммуникативных явлений и процессов, порождая новый подход к анализу актуальных проблем философии социальных наук, человека коммуникационной, сетевой technosферы.

Литература

1. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: семиотика, поэтика. – Москва, 1989. – 391 с.
2. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ., под научн. ред. О.И. Шкаратана. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 101 с.
4. Кастельс, М. Культура реальной виртуальности: интеграция электронных средств коммуникации, конец массовой аудитории и возникновение интерактивных сетей / М. Кастельс // Информационное общество: экономика, власть, культура: хрестоматия: в 2 т. / сост. В.И. Игнатьев, Е.А. Салихова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – Т. 2. – 372 с.
5. Котелкин, А.И. Матрицы влияния. Теория и практика экономического управления / А.И. Котелкин, М.М. Мусин. – Москва, 2003. – 198 с.
6. Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
7. Назарчук, А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 56–67.
8. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер // Новая индустриальная волна на Западе / под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва, 1999. – 320 с.
9. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt, 1991. – Bd. 2. – 640 p.
10. Luhmann, N. Kontingenz als Eigenwert der modernen Gesellschaft / N. Luhmann // Beobachtung der Moderne. – Opladen, 1992. – 500 p.

K.V. Kovtun

SOCIAL COMMUNICATION AS THE BASIS FOR CATEGORIAL TRANSFORMATION OF SOCIAL SCIENCES

The article deals with theoretical approaches to the understanding of the phenomenon of network communication. In the analysis of the actor-network theory, M. Castells's concept of the network society and N. Luhmann's system approach, the author concludes that the network model has not only actualized the theoretical research of information technologies, but has also become the basis for the categorial transformation of social sciences. The changes of such categories as space, time, movement, communication in the network society are shown.

Network society, communication, network communication, social sciences, actor-network theory.

УДК 821.111

В.Н. Ганин

Московский педагогический государственный университет

КТО ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛ ШЕКСПИРОМ?

Статья посвящена обзору книги И.О. Шайтанова «Шекспир», которая вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 2013 году. Книга содержит не только жизнеописание великого драматурга, но и является своеобразным ответом антистрэтфордианцам, которые по сей день отказываются признать авторство произведений за Уильямом Шекспиром. И.О. Шайтанов доказывает несостоятельность подобной позиции. Работа содержит и отсылки к исследованиям, ставшим уже классическими в шекспироведении, и обращение к самым последним открытиям в этой области. Автор и сам выдвигает несколько смелых идей о жизни и творчестве Шекспира, которые подкрепляются строгим научным анализом и опираются на фактический материал. Книга написана живым, оригинальным языком и адресована широкому кругу читателей.

Биография Шекспира, шекспировский вопрос, творчество Шекспира, литература Англии.

Еще в XVIII веке известный издатель и комментатор шекспировских сочинений Джордж Стивенс заметил, что вся имеющаяся информация о Шекспире сводится к следующему: родился в Стрэтфорде-на-Эйвоне, здесь же обзавелся семьей, затем отправился в Лондон, стал актером и драматургом, вернулся в родной город, написал завещание и умер. Хотя за прошедшие два с половиной столетия сведений о Великом Барде заметно прибавилось, оценка достоверности его биографии почти не изменилась. И уже в 2007 году современный литературовед – пусть и с изрядной долей иронии – очень близок к позиции Стивенса: «Каждое жизнеописание Шекспира на 5 процентов состоит из фактов и на 95 процентов из предположений» [3, с. 6]. Что же нового при подобном раскладе можно сказать об известном драматурге? Таким вопросом задаешься, когда берешь в руки книгу И.О. Шайтанова «Шекспир», вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» в популярной серии «Жизнь замечательных людей».

И.О. Шайтанов уже давно занимается творчеством Шекспира и считается одним из ведущих специалистов в этой области, поэтому появлению книги предшествовала длительная и напряженная работа. Основательная изученность материала ощущается уже в предисловии, где центральное место занимает «шекспировский вопрос», то есть спор об авторстве шекспировского наследия. В отечественном литературоведении эта дискуссия обрела неожиданный накал после публикации книги И.М. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна великого Феникса» [1]. Основная идея автора сводится к следующему: «Шакспер» из Стрэтфорда, жалкий актеришка с задатками коммерсанта, но лишенный поэтического таланта, никакого отношения к великим трудам не

имел, а «натворили» их граф Ретленд и его супруга Элизабет. Книга подняла такую волну, что качнуло не только научное сообщество, но, казалось, даже старушки на скамейках занялись обсуждением «шекспировского вопроса». Среди публики, принявшей сторону Гилилова, народ был самый разномастный: кого-то привлекала возможность ниспровергать великие авторитеты (90-е годы уже привили вкус к этому), кто-то искренне поверил аргументации отечественного антистрэтфордианца, а кто-то увидел во всей этой истории пример для подражания. Представлялось, вот он легкий путь к известности, к тому, чтобы, не прилагая значительных усилий, «однажды утром проснуться знаменитым». И посыпались, как из рога изобилия, книги, предлагавшие новых претендентов на «святое место». Казалось, авторы руководствовались принципом: чем бредовее идея, тем на большую славу можно рассчитывать. В результате, теперь невозможно прочитать лекцию о Шекспире без того, чтобы из аудитории кто-то не спросил: «А все-таки скажите правду, кто на самом деле был Шекспиром».

Оппозиция Гилилову была гораздо многочисленнее, но и она была разнородной. Пожалуй, наиболее ответственную позицию заняли те, кто посчитал, что Гилилов и антистрэтфордианцы нарушили правила «честной игры» по отношению к Шекспиру и его творчеству. Именно об этих правилах и ведет речь И.О. Шайтанов в предисловии. Порочность антистрэтфордианского проекта заключается, во-первых, в том, что участники его не испытывают никаких сомнений и колебаний относительно своих выводов и открытий, хотя нередко для их достижения используется подлог и подтасовка, каждый считает, что «закрыл тему» и в «шекспировском вопросе» можно поставить жирную точку. И во-вторых (и этот момент

гораздо важнее), их изыскания не стимулируют интереса к самим произведениям Шекспира, а, наоборот, отдаляют от них.

В предисловие же И.О. Шайтанов противопоставляет антистрэтфордскому разгулу ряд новых перспективных тенденций, которые возникли в шекспироведении и проявились в основном в жанре биографии. Автор книги дает понять, что эти явления интересны и близки ему, но вместе с тем он предпочитает пойти собственным путем. Главное, что он сразу же хочет донести до читателя: он непоколебимый стрэтфордианец.

Сам же избранный путь к Шекспиру обретает определенность в основной части. При знакомстве с содержанием книги О.И. Шайтанова поражает количество шекспироведческих работ, к которым обращается автор по ходу рассказа о великом драматурге. В этом ряду оказываются и самые последние исследования, и тексты, которые уже обрели статус классики. Отсылки к ним также различаются по характеру: какая-то работа нужна, чтобы представить совершенно новые сведения, а другая – чтобы напомнить об известных фактах или гипотезах. Причем И.О. Шайтанов не затрудняется детальным пояснением, вхождением в классические тексты, часто он обходится «кивком» в том направлении, полагая, что опытный читатель поймет намек и вспомнит все сам. Книга действительно рассчитана на образованного и заинтересованного читателя. Однако и начинающий любитель Шекспира получит достаточно много интересной информации и вовсе не окажется в положении неопита, который тщетно пытается пробиться к зашифрованным ключам герметического текста.

Обращаясь, наконец, к самому жизнеописанию драматурга, И.О. Шайтанов неторопливо подробен. Он хочет воссоздать очень надежную и убедительную картину мира, в котором довелось жить Шекспиру. А убедительной эта картина может быть, только если опирается на прочный фундамент из фактов: «В случае с Шекспиром воображать или, если воспользоваться словом более родственным документальной основе, реконструировать приходится очень многое. Тем важнее расставить, как сигнальные флажки, документально подтвержденные факты и определить дистанцию допустимого удаления от них» [2, с. 16].

В начале было имя, и биограф именно с него и начинает, и сообщает читателю, что из-за неустойчивости орфографии уже в документах, имеющих отношение к отцу драматурга, было обнаружено 20 вариантов написания фамилии Шекспир, а в настоящее время считается, что таких вариантов не менее 80. Это создает для исследователей дополнительные трудности: нелегко уловить в коридорах истории персонажа со столь изменчивой фамилией. Однако автор книги не смущается подобным обстоятельством, он с эпической обстоятельностью прослеживает родословную будущего драматурга, историю города, где он родился, поясняет положение в городе его отца Джона Шекспира и некоторые тонкости его профессии. Особенно подробно И.О. Шайтанов останавливается на отношении Шекспира-старшего к проведенной Генрихом VIII реформе английской церкви. Принял

ли Джон изменения, которые принесла Реформация, или предпочел остаться в лагере католиков? Вопрос не праздный, так как решение отца неизбежно должно было сказаться и на судьбе сына.

Следующий ключевой момент биографии Уильяма Шекспира – его школьное образование. Почему ключевой? Он постоянно возникает как один из главных аргументов против авторства Шекспира со стороны антистрэтфордианцев. Сын перчаточника, заявляют они, получивший образование в провинциальной школе (да и получивший ли? никаких документальных подтверждений этому нет) никогда не смог бы создать столь гениальных произведений. Подобное под силу только таланту, который был взращен в университетской аудитории. Автор биографии не пытается сразу же вступить в полемику с антистрэтфордианцами, вначале он поясняет, что представляло собой образование, которое мог получить юный Шекспир. Этому посвящен целый раздел «Чему и как учили в грамматической школе». Только после этого и следует ответ, также вынесенный в название раздела, «Посещал ли? Не мог не посещать». Такая решимость подкреплена анализом пьес Шекспира, который подтверждает, что создатель их вполне мог опираться на знания, полученные в грамматической школе. В подобном подходе просматривается один из главных принципов методологии И.О. Шайтанова: тщательно воссоздать историческую обстановку и обстоятельства, в которых мог оказаться драматург, а затем проверить их содержанием его произведений. Есть ли совпадения? Только они могут приблизить «предположения» к «фактам».

Иногда эта реконструкция обретает такую зримость и материальность, что биограф и читателю предлагает вступить в этот мир и отправиться вслед за Шекспиром: «...путь до школы – даже нехотя и медленным шагом – не занимал больше десяти минут. По Хенли-стрит, затем направо и вниз по перетекающим друг в друга Хай-стрит, Чейпл-стрит, названной по имени часовни, принадлежащей гильдии, не доходя которой высился казавшийся, наверное, недоступно величественным дом Клоптонов – Нью-Плейс» [2, с. 48].

Не обходит И.О. Шайтанов вниманием и так называемые «утраченные годы», то есть период из жизни Шекспира между его отъездом из Стрэтфорда и появлением в Лондоне, о котором нет никакой надежной информации и который спровоцировал появление массы гипотез о том, чем мог бы заниматься будущий драматург в это самое время. Коснувшись наиболее популярных преданий и легенд, автор книги чуть подробнее останавливается на «ланкширской версии», то есть истории о возможном пребывании Шекспира в качестве домашнего учителя в знатном семействе из графства Ланкшир. Обычно она не вызывала интереса у отечественных шекспироведов, в жизнеописаниях драматурга ее совсем не упоминали, либо упоминали вскользь. Автор же книги убедительно показывает, что «ланкширский эпизод» очень логично вписывается в жизненную канву Шекспира и позволяет снять ряд традиционных вопросов и сомнений по поводу формирования его как литератора.

В целом И.О. Шайтанов привлекает в своей работе достаточно много нового материала. Он опирается на последние исследования в этой области и порой готов весьма решительно вступить в конфликт со сложившимся в советские годы «шекспировским канон», то есть кругом произведений, за которыми советская наука закрепила авторство «драматурга из Стрэтфорда». Так, например, И.О. Шайтанов допускает, что Шекспир принимал участие в создании трагедии «Сэр Томас Мор» и благодаря этому обстоятельству до нас дошли не только шесть его автографов, оставленные на различных документах, но и три страницы текста, написанные его рукой. При этом автор книги не придает этой информации сенсационного характера в антистрэтфордианском стиле, все предположения опираются на развернутую систему строгой аргументации – гипотезы и даже утверждения никогда не носят у него абсолютного и безоговорочного характера, как это нередко встречается в опусах антистрэтфордианцев.

Блестящим примером такого «диалектического» подхода к материалу является глава «Первая пьеса». В ней выясняется, какая пьеса из творческого наследия Шекспира могла быть первой по времени создания. В качестве наиболее вероятных предлагаются хроника – «Генрих VI» и «трагедия мести» – «Тит Андроник». Никаких предварительных намеков о фаворите не делается, произведения обоих жанров предстают для анализа без каких-либо льгот и преимуществ. Тщательный разбор имеющейся информации – факты, историческая ситуация, театральная практика, содержание пьес и т.д. – дает возможность взвесить все «за» и «против» первенства одного из двух драматических сочинений. Попутно исследователь предлагает свою гипотезу об очередности создания каждой из трех частей «Генриха VI». Победитель не выявляется, но такая цель и не ставилась автором. Здесь он тоже идет вслед за драматургом, принимает его «...способность не обнаруживать своих пристрастий, и дать возможность высказаться всем сторонам» [2, с. 25]. Главное – обозначить наиболее вероятных кандидатов, в число которых не попала комедия. А именно комедия всегда была самым популярным претендентом в этом споре о первой пьесе Шекспира. В подобном подходе к материалу просматривается еще одна отличительная черта книги И.О. Шайтанова. С одной стороны, научная основательность и дотошность в исследовании материала, когда из виду не опускается ни одна мелочь. Автор выясняет, представление какой театральной труппы мог видеть юный Шекспир в Стрэтфорде и какая сумма была выплачена актерам, обращает внимание на изменения в написании аристократической фамилии и особенности ее произношения, всегда отмечает различия в оригинальном звучании и закрепившемся русскоязычном произношении английских имен и фамилий, дает тонкий анализ словесной игры в содержании пьес и т.п. Подобная «мелочность» создает очень плотный контекст, способствующий не только большей убедительности выводов, но и придающий призрачной фигуре Великого Барда большую осязаемость и жизненность. Все это тоже контрастирует с антистрэтфордианской практикой, когда отечественные «антишекспиристы» счита-

ют вполне допустимым для доказательства своих «открытий» апеллировать не к оригиналу произведений, а к их переводам на русский язык.

С другой стороны, вся эта возводимая конструкция шекспировского космоса лишена застылости и насыщена движением. Одним из источников движения и становится как раз нежелание исследователя поставить точку и вынести окончательный вердикт: «Тема закрыта». Нет, сюжет остается открытым, предполагающим, если появятся новые факты, то продолжим разговор и о «Генрихе VI», и о «Тите Андронике», и о многих других вещах.

Оживляют тексты и многочисленные вопросы, которые автор обращает к Шекспиру, к другим исследователям, к читателю, к самому себе. Так в главе 3 не только в название вынесен вопрос («О чем говорят слухи и молчат документы?»), но и почти все ее подразделы начинаются с вопроса: «После школы: у мясника или в суде?», «Браконьер?», «Католик и учитель?». Вопросы не только вовлекают читателя в процесс поиска истины, но и препятствуют его завершенности, так как они зачастую не предполагают однозначного и тем более готового ответа.

Особого внимания заслуживает и сам стиль изложения в книге И.О. Шайтанова. Это по многим параметрам научный академический стиль, но это академизм с «человеческим голосом», то есть содержание не требует от рядового читателя исключительного напряжения интеллектуальных сил, чтобы пробиться хотя бы до десятой страницы. Манера повествования заставляет вспомнить принципы поэтики барочной эпохи, которые затронули и творчество Шекспира. Барокко тяготеет к неожиданным соединениям предметов и явлений, к парадоксальным сближениям «далековатых идей». У И.О. Шайтанова подобные неожиданные соседства встречаются постоянно: рядом с научной терминологией можно обнаружить разговорное «университетов не кончал», по соседству с именами известных шекспироведов вдруг возникают образы Шерлока Холмса и Остапа Бендера, архаические понятия из елизаветинской эпохи перемежаются словами из наших времен – «модератор», flash back. Смысловая многомерность содержания (традиция, также пришедшая из барочной культуры) во многом достигается за счет многочисленных аллюзий и цитат. Последние биограф по-элиотовски щедро рассыпает по тексту, часто не указывая ни автора, ни источник. Внимательный читатель обнаружит здесь и отсылку к песне Высоцкого («Все не так, ребята»), и строку из «Евгения Онегина» («Он знал довольно полатыни...»), и кусок из стихотворения Гумилева «Капитаны», и выражение, появившееся благодаря рассказу И.Ф. Горбунова («От хорошей жизни, батенька, не полетишь»). Какие-то аллюзии узнаются легко, а какие-то требуют от читателя достаточно обширных познаний. Например, когда автор книги, рассказывая о Реформации в Англии, вспоминает о Томасе Море и к определению «славный» добавляет «человек на все времена», то только человек начитанный поймет, что здесь имеется в виду пьеса Роберта Болта о Томасе Море «Человек на все времена», приобретшая широкую известность благодаря фильму, который был снят Ф. Циннеманном в 1966 году. Но даже если читателю

и не удастся распознать все интертекстуальные намеки, сама оригинальная манера общения с ним произведет должное впечатление.

Итак, если вы хотите узнать, кто же на самом деле был Шекспиром, книга И.О. Шайтанова поможет вам в этом.

Литература

1. Гилилов, И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса / И.М. Гилилов. – Москва: Артист. Режиссер. Театр, 1997. – 475 с.
2. Шайтанов, И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 474 с.
3. Bryson, B. Shakespeare / B. Bryson. – London: Harper Press, 2009. – 200 p.

V.N. Ganin

WHO WAS IN REALITY SHAKESPEARE?

The article is devoted to the review of the book on Shakespeare by I.O. Shaitanov. The book was printed by *Molodaya Gvardiya* publishing house in 2013. It is not only Shakespeare's biography but a kind of answer to anti-Stratfordians, who still refuse to accept Shakespeare's authorship. Shaitanov demonstrates the groundlessness of such an attitude. The book contains references to the classical researchers in the field of Shakespeare Studies and to the recent discoveries in this sphere. The biographer also advances several new ideas of Shakespeare's life and works, which are supported by a careful critical analysis and rely upon established facts. The book is written with lively original language and addressed to a wide circle of readers.

Shakespeare's biography, discussion of Shakespeare's authorship, Shakespeare's works, English literature.

Philip Snow
The University of Hong Kong

IGOR SHAITANOV, *SHAKESPEARE*

From an English perspective Professor Igor Shaitanov's life of Shakespeare is a valuable addition to the ever growing mass of Shakespearean studies. More than just a biography, it places Shakespeare in the broad political, social and cultural context of his time, and traces the history of Shakespearean production and criticism from the seventeenth century right up to the present. Professor Shaitanov interweaves the facts of Shakespeare's life known to us from documentary sources with an exploration of the Sonnets and a comprehensive survey of the plays. He makes some important suggestions for dating Shakespeare's earliest works, laying particular stress on the plague years 1592–94, when the closure of the London theatres compelled the young playwright to branch out into poetry, and secured him lasting prominence as both poet and playwright at a time of huge change in both English society and the English language itself. Professor Shaitanov is concerned above all to demolish the myth that the author of Shakespeare's works was some hidden celebrity rather than the plain man of the theatre from Stratford-upon-Avon, and the evidence he employs to rebut the claims of the 'anti-Stratfordians' is massive and conclusive. In dispelling this bogus mystery he leads us on to the genuine mystery of Shakespeare's mind. Shakespeare's personal feelings, he shows, cannot be elicited from the post-humous anecdotes of his youth, or from his legal and business transactions, or even from the possibly artificial passions displayed in the Sonnets, but must be sought in the plays. Even in the plays, however, we are confronted most of the time with the genius of an author able and willing to portray every possible human character, emotion and circumstance – except his own.

Igor Shaitanov, Shakespeare, Shakespearean studies.

To Ben Jonson, his fellow playwright, so jealous but also so generous, Shakespeare 'was not of an age, but *for all time*.' What a staggering claim to make for an author! Yet today, four whole centuries after his death, he commands the same awe. To my father (Philip Snow's parents are the novelists C.P. Snow (1905–1980) and Pamela Hansford Johnson (1912–1981). – *Editor*), an author himself, Shakespeare was not only the greatest writer who ever lived but in all probability the greatest writer who ever *will* live – a rather dispiriting thought for young people with literary ambitions. Coming from a literary family I was lucky enough to have Shakespeare's works put in front of me, without introduction, at the age of seven. I was enthralled from the start by the history plays, with their kings and battles, by the opening of *Henry VI Part III*, where the rebel Yorkist nobles burst into the Parliament-House to describe their recent victory, how the king cravenly abandoned his troops

Whereat the great Lord of Northumberland
Whose warlike ears could never brook retreat
Cheer'd up the drooping army...

I used to imagine Northumberland as a bald man with huge flapping ears, like an elephant's. Over the years I gradually worked my way from the histories to the tragedies, from the tragedies to the comedies, mouthing the lines to myself as I sprawled on the floor of our London flat. Now of course I couldn't understand every word I read; *but it never occurred to me that I couldn't*. Sha-

kespeare was a continual source of wonder, magic, excitement. I felt sorry for my schoolfellows to whom Shakespeare's works were presented for the first time as dry classroom textbooks, to be explained painfully, phrase by phrase.

'Not of an age, but for all time'. Jonson might equally have written 'for all countries' or 'for all peoples'. I think it was first borne in on me that Shakespeare was not for the English alone in August 1964 when I visited Moscow with my parents, who were travelling there at the invitation of the former Soviet Writers' Union. I was shown the new Russian film of *Hamlet* starring Innokenty Smoktunovsky – a Prince of Denmark vastly more impressive than any other I have ever seen, before or since. Back in England two months later the same point was made to me in a slightly different way, when I heard how a couplet from *Hamlet* ('There are more things in heaven and earth, Horatio...') had been used to alert a crew of Soviet cosmonauts to certain changes that were taking place in their country's leadership... Now, reading the new life of Shakespeare by Professor Igor Shaitanov, I am reminded of the astonishing volume of Shakespearean scholarship that has been published in Russia since the nineteenth century, the flow of translations by authors ranging from Grand Duke Konstantin Romanov to Samuil Marshak and Boris Pasternak, the new works prompted by Shakespeare such as Turgenev's *Hamlet of the Shchigrovsky District* and Leskov's *Lady Macbeth of Mtsensk*. I am struck to learn

that even such masters as Pushkin and Dostoevsky were prepared in some measure to concede Shakespeare's primacy (not however Lev Tolstoy, to whom *King Lear* seemed absurd). And I am inspired by the sheer dedication of Professor Shaitanov, to whom Shakespeare has clearly been even more of a source of wonder, magic, excitement than he has been for me.

Professor Shaitanov's book is presented simply as a life of Shakespeare, but it is really a 'life and times' – and then some. It is a work of formidable erudition, discussing as it does the political and social history of Elizabethan and Jacobean England; land tenure and local politics in the English countryside; the origin and evolution of the English theatre; the plays of Shakespeare's contemporaries; Greek mythology and Roman literature; the thought, verse and visual art of the European Renaissance; late Tudor preoccupations from heraldry to the euphuistic style of prose writing and the theory of the four humours; the transmission of Shakespeare's texts; the staging of Shakespeare's plays from the seventeenth century and Shakespearean criticism starting with Edward Malone at the end of the eighteenth; the response to Shakespeare of modern authors from T.S. Eliot to John Wain and Ted Hughes. There is plenty here that will be new to most British and American readers, and indeed the book cries out for an English translation. At the same time Professor Shaitanov conveys for a Russian reader the latest developments in Western thinking, the now general readiness to accept that Shakespeare did collaborate extensively with other authors during the first and final stages of his career and by the same token to see his hand in such plays as *Edward III*, *Sir Thomas More* and *The Two Noble Kinsmen* which had previously been excluded from the canon.

The book is a skilful interweaving of the facts of Shakespeare's life known to us from his legal and business transactions with the intriguing but possibly deceptive emotional record set out in the Sonnets and a survey of the individual plays. Professor Shaitanov misses nothing, exploring not merely the great tragedies but the more 'English' plays such as *The Merry Wives of Windsor* which are perhaps less familiar to a Russian reader; not merely the major poems like *Venus and Adonis* but the smallest scraps of attributed epigram. He analyses many key passages, drawing on the apparently inexhaustible range of Russian translations and not hesitating to fault Marshak, Pasternak and the rest where he feels they have failed to convey some critical nuance in the original. He compares and contrasts the themes of various pairs of plays which appeared at around the same time, *Romeo and Juliet* (family and love) with *The Merchant of Venice* (business and hate), *A Midsummer Night's Dream* (young love thwarts parental hostility) with *Romeo and Juliet* (parental hostility sabotages young love). And he notes cases in which plays appear to have been written in part in response to the works of other dramatists, *Richard II* a vastly more sensitive recreation of *Edward II* by Christopher Marlowe, *Timon of Athens* a darker portrayal of the corrupting power of money which had just been satirised in Jonson's *Volpone*.

His chronological judgements are telling. He points out, for example, that the early comedies are too polished and too sophisticated to have been Shakespeare's first efforts, as has sometimes been supposed, and were probably commissioned for private staging after the author had already gained a popular reputation through such comparatively crude works as the revenge drama *Titus Andronicus* and the historical chronicle *Henry VI Part I*. He stresses the huge importance of the plague years 1592-94, when the London theatres were closed and Shakespeare was obliged to branch out into poetry, securing the status of a poet (a far higher calling than that of a playwright, in Elizabethan eyes), and at the same time ensuring that playwrights began to be recognised as significant artists and not just anonymous technicians. It was a wonderful time for a great writer, with the last remnants of the Middle Ages giving way to the early modern world of domestic and bourgeois concerns, and Professor Shaitanov traces the emergence of this new society in such creations as *The Merchant of Venice* and *Merry Wives*. It was also a wonderful time for a wordsmith, with the modern English language just beginning to crystallise. Professor Shaitanov refers to the extraordinary number of entirely new words that Shakespeare introduced into English – some 1700 in total, including 600 in *Hamlet* alone. One might add in this context the astonishing versatility with which Shakespeare handled the words already at his disposal. My mother once drew my attention to the farewell address spoken in *Antony and Cleopatra* over the dead Queen of Egypt by her attendant Charmian:

Now boast thee, death, in thy possession lies
A lass unparallel'd.

Any other writer who ever lived would have written 'A queen unparallel'd'. Only Shakespeare would have thought of making this farewell salutation ten times more human and ten times more powerful by substituting the homely colloquial 'lass'.

This is also a work of profound common sense. Professor Shaitanov's major concern is to nail the myth, so long current on the fringes of Western scholarship and now apparently making inroads in Russia as well, that there is such a thing as a 'Shakespearean question'; that these masterworks couldn't have been produced by a nobody, a 'butcher's lout', a part-time moneylender from a provincial town like Stratford-upon-Avon. Shakespeare, the argument goes, was nothing more than a front man for the real author, who must have been a personage of high social standing and refined education – Sir Francis Bacon, perhaps, or the Earl of Oxford, or a Marlowe who somehow survived his reported death in a tavern in 1593. But the facts are really quite straightforward. A large amount of contemporary comment survives about Shakespeare, much more than about the other authors of his day; and these sources consistently testify to the existence of a man of the theatre from Stratford, of limited schooling ('small Latin and less Greek', as Jonson put it), a competent but not outstanding actor who none the less managed to establish himself as a playwright and poet of unimaginable

power ('not of an age, but for all time'). The 'anti-Stratfordians' ask us to accept that the many allusions made to Shakespeare during his lifetime and after his death, some hostile, some grudging, some dazedly admiring, up to and including the Latin inscription engraved underneath his bust in Stratford's Holy Trinity Church, all formed part of a gigantic cover-up – a secret kept for decades by Jonson and everyone else both at court and in the theatrical world, nudging and winking and smirking at each other in their knowledge of who the real author was and never once giving the game away. The idea is patently ludicrous. How, Professor Shaitanov asks reasonably, could the supposed noble author have taken part from the distance of his estate or from Italy in the minute effort which went into the production of each individual play? By mobile phone?!

Rather than getting to grips with the substance of what Shakespeare wrote the anti-Stratfordians hover around the edge of his work, teasing out hidden clues to his 'real' identity as though the great master had nothing better to do than devise ciphers for the puzzlement of future generations. I remember in 1969 one researcher proclaiming triumphantly that the rather dull epitaph on Shakespeare's tombstone in the Stratford church ('Good friend, for Jesus' sake forbear...') was in fact an anagram conveying the message 'Here lie buried 38 plays, Sonnets - and Christopher Marlowe's bones'! This bizarre claim was finally demolished a few years ago, if any further demolition was needed, by the discovery of a second tombstone with near-identical wording in another part of Shakespeare's native county of Warwickshire, strongly suggesting that the epitaph was a production line item routinely supplied by the local stonemasons. The one possible 'signature' I have ever suspected in Shakespeare only seems to provide more support for the pro-Stratford case, namely the constant references in both plays and poems to *swans**. Swans evidently frequented the river Avon at Stratford in Shakespeare's time, as they do today, and Ben Jonson even addresses Shakespeare in his encomium as the 'sweet Swan of Avon'. Were these swan references a kind of trademark scattered through his work by the author, or, perhaps more likely, the habitual metaphor of a local boy?

The one genuine oddity, the one real weapon in the hands of the anti-Stratfordians, is the absence of any mention of books in Shakespeare's will. Could the creator of this imaginative universe really not have possessed any books of his own? Professor Shaitanov however points out that Shakespeare in the course of a somewhat vagrant life moving from lodging to lodging in London would scarcely have been in a position to build up a library; that books were expensive items even for a prosperous theatrical entrepreneur such as Shakespeare became; and that any books Shakespeare may have owned at his death probably formed part of the 'rest of the property' he bequeathed to his son-in-law, Dr John Hall. No doubt he would also have had access over the years to the books he encountered in the libraries of his various patrons.

Now of course we all love a good mystery. It's exciting to contemplate the idea that King Richard III of England did *not* kill his nephews, the Princes in the Tower, that Tsar Alexander I did *not* die in 1825 or the Tsarevich Alexei in 1918. But that doesn't make it inherently likely. Professor Shaitanov observes that the concept of a 'Shakespearean question' didn't even arise till the mid-nineteenth century, when it coincided, significantly, with the rise of the detective story.

Professor Shaitanov admits at one point having got somewhat 'carried away' by his crusade against the anti-Stratfordian fantasists, and it did occur to me once or twice that he was perhaps giving these fantasists more attention than they deserve, or as we say in English, using a sledgehammer to crack a nut. Still, a victory for reason is always welcome, and it is hard to imagine a more conclusive dismissal of the anti-Stratfordian arguments than Professor Shaitanov provides in this book. Yes, Shakespeare was Shakespeare all right.

But if Shakespeare was Shakespeare, how much more can we usefully say about him? Professor Shaitanov is wary of any attempts to understand the great writer through the external evidence for his career. He gives some credence to the indications that the young man from Stratford may have spent part of the supposedly 'lost years' of the early 1580s in the household of the Houghton family in Lancashire, and perhaps obtained there his first wide-ranging access to books. But he is cautious about the picturesque stories of Shakespeare's 'wild youth', most of which seem to have circulated no earlier than the eighteenth century. And he is especially scathing of efforts to reimagine Shakespeare in the light of modern preoccupations, noting of Germaine Greer's bulky feminist volume about his wife Ann Hathaway that the amount of hard information we have on poor Ann wouldn't even fill a paragraph. The Sonnets present 'endless problems' of dating, and such biographical facts as they may contain have to be weighed against the poetic conventions of the period with its imitations and subversions of Petrarch. The young male addressee of the first part of the Sonnet collection probably was, as has long been supposed, Shakespeare's patron, the Earl of Southampton, but the tempting identification of the 'Dark Lady' of the second part with the poetess Emilia Lanier has been sadly undermined by the recent discovery that the word 'brown' used in one manuscript to describe her should in fact be read 'brave'. We still don't know who the Dark Lady was, and perhaps never will.

No, the place to look for Shakespeare, as Professor Shaitanov insists, surely rightly, is in the content of the plays. But here too the picture isn't entirely simple. In one striking case it seems possible to trace a direct impact of the dramatist's personal experience on his work – in the death of his son Hamnet, aged eleven, in August 1596, which finds an immediate echo in the portrayal of Arthur,

the tragic young prince in *King John* who escapes being blinded only to leap from the castle walls to his death and evokes the heart-rending lament of his mother Constance, 'Grief fills the room up of my absent child...' We may conceivably be able to detect the marks of this trauma still further, in the darkening mood of the later comedies and in Shakespeare's choice of the story of *Hamlet*, a name so close to Hamnet, as the subject of his first tragic masterpiece. Most of the time, however, our efforts to probe Shakespeare's personal feelings are thwarted by his extraordinary gift for conveying all possible human viewpoints while hiding his own. Was he a Roman Catholic or a Protestant? He grew up, it seems clear, in a Catholic milieu, and this may be reflected at one or two points in the plays: the Ghost of Hamlet's father has stepped out of the Catholic Purgatory. Yet his depiction of Catholic cardinals in the history plays is consistently negative; King John states robustly that 'no Italian priest Shall tithe or toll in our dominions'; and the Porter in *Macbeth* takes a swipe at the Jesuits with their notorious penchant for 'equivocation'. Was he a radical or a conservative? In *Richard II* he describes the removal from office of an unworthy king, an appallingly subversive topic ('I am Richard II, know ye not that?' gasped Elizabeth I to an official of her court). But Richard's personal agony is conveyed with the utmost compassion, and the deposition of an anointed monarch is shown to be a heinous act with dire consequences. In the Roman play named after him Julius Caesar is murdered as the result of his tyrannical rule; but his murderers pay for the deed with their own lives, and there is certainly little support for democracy as represented by the capricious and savage mob. Was Shakespeare a nationalist or a world citizen? *Henry V* can be read as a hymn to patriotic resistance, and was indeed used for that purpose by the British government through Laurence Olivier's film of the play shot during World War II, just as Eisenstein's film *Alexander Nevsky* was used to rally the Soviet public in face of the Nazi threat. Read another way, however, *Henry V* also offers an unsparing view of the dark side of war, with the squalid fates of the king's former drinking companions, the common soldiers bleakly awaiting their deaths on the night before Agincourt, the lovely French countryside laid waste by the invading English army. *The Merchant of Venice* appears to reflect for the most part the conventional anti-Semitism of Shakespeare's time; yet Shylock is unexpectedly made to appeal to our broader humanity with his plea 'Hath not a Jew eyes? Hath not a Jew hands?...' One thing Shakespeare was not, as Professor Shaitanov observes, was a satirist, so that any quiet prejudices he may have harboured are not allowed to show through.

He was not called 'gentle Shakespeare' for nothing. I suspect that to talk to he may have come across as a po-

lite, retiring, rather unimpressive individual, the bland exterior concealing that enormous inner life. I believe that his genius lay precisely in his ability to view the world from above and present every issue impartially in all its aspects, like the swan's down-feather that in *Antony and Cleopatra*

stands upon the swell at full of tide
And neither way inclines.

Only one other writer I am aware of had Shakespeare's ability to look down on human affairs from a god-like height, and that was of course Tolstoy – one further reason perhaps why Tolstoy was unwilling to cede him the primacy.

In the course of a comprehensive and masterful study Professor Shaitanov has succeeded both in sweeping aside the bogus Shakespeare mystery and in leading us to the genuine mystery of Shakespeare's mind. Maybe one day some miracle of discovery will enable us to penetrate deeper into his mind than we have done so far. But we will still be left with the ultimate mystery of how any human being can have produced what he did.

* Swan references in Shakespeare include:

'I am the cygnet to this pale faint swan
Who chants a doleful hymn to his own death'.
King John, Act V Scene III, ll. 21-22

'So doth the swan her downy cygnets save,
Keeping them prisoner underneath her wings'.
Henry VI Part I, Act V Scene III, ll. 56-57

'...as I have seen a swan
With bootless labour swim against the tide
And spend her strength with over-matching waves'.
Henry VI Part III, Act I Scene IV, ll. 19-21

'For all the water in the ocean
Can never turn the swan's black legs to white
Although she lave them hourly in the flood'.
Titus Andronicus, Act IV Scene II, ll. 102-104

'...the swan's down-feather
That stands upon the swell at full of tide
And neither way inclines'.
Antony and Cleopatra, Act III Scene II, ll. 48-50

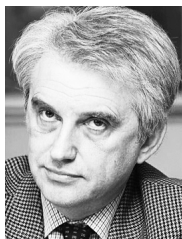
'...I will play the swan
And die in music.
Othello, Act V Scene II, ll. 245-246

'And now this pale swan in her watery nest
Begins the sad dirge of her certain ending'.
Rape of Lucrece, ll. 1611-1612

ИГОРЬ ШАЙТАНОВ, *ШЕКСПИР*

Жизнь Шекспира в изложении профессора Игоря Шайтанова является весомым вкладом в активно развивающееся шекспироведение с точки зрения англичанина. Эта книга больше, чем биография, поскольку жизнь Шекспира вписывается в широкий политический, социальный и культурный контекст того времени, а история публикаций и критики шекспировских произведений прослеживается с семнадцатого века до настоящего времени. В своей книге профессор Шайтанов сочетает повествование о фактах жизни Шекспира, известных нам по документальным источникам, с исследованием сонетов и комплексным анализом пьес. Он выступает с несколькими важными предложениями для датировки ранних произведений Шекспира, особо подчеркивая время распространения чумы в 1592–1594 гг., когда закрытие лондонских театров заставило молодого драматурга обратиться к поэзии и тем самым обеспечило ему широкую известность и как поэта, и как драматурга в период значительных изменений в английском обществе и даже в английском языке. Профессор Шайтанов озабочен, прежде всего, разрушением мифа о том, что автором произведений Шекспира была некая замаскированная известная личность, а не обычный человек театра из Стратфорда-на-Эйвоне. Доказательства, которые приводит И. Шайтанов, чтобы опровергнуть утверждения «антистрэтфордианцев», являются основательными и убедительными. Разоблачая фиктивную тайну, он предлагает нам подлинную тайну шекспировского сознания. Он показывает, что чувства и эмоции Шекспира нельзя определить по посмертным историям о его юности, или по его юридическим документам и деловым бумагам, или даже по искусственным (что возможно) страстям, описанным в его сонетах, но их следует искать в его пьесах. Но даже в этих пьесах мы сталкиваемся с гением автора, способного и желающего представить всевозможные характеры людей, их чувства и обстоятельства их жизни – любые, но не свои собственные.

Игорь Шайтанов, Шекспир, шекспироведение.

И.О. Шайтанов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы*

ШЕКСПИРОВСКАЯ БИОГРАФИЯ КАК ЖАНРОВАЯ ПРОБЛЕМА

Включаясь в обсуждение биографии Шекспира, ее автор высказывает мнение по поводу тех проблем, что были подняты в процессе разговора, определяет цели, заданные самим фактом издания книги в популярной серии. Книга, рассчитанная на достаточно широкого читателя, была задумана одновременно и как повод для возвращения российского шекспироведения на уровень современного научного знания.

Жанр биографии, Шекспир, антистрэтфордианство, догадка, гипотеза, «новый историзм», Шапиро, Жардин, современный уровень шекспироведения.

Возможность включиться в обсуждение собственной книги столь же редка, как и сам жанр такого обсуждения, особенно в наше время, когда общим местом в научном сообществе стала фраза-сожаление: «Никто никого не читает». Так что первое, что я хотел бы сделать, – поблагодарить «Вестник Вологодского государственного университета» (инициатора этой публикации – Людмилу Владимировну Егорову) и всех участников разговора.

Это не ответ на замечания (которых и сделано не так много), а размышление автора, включающегося в разговор о жанре писательской биографии, о том, каким ему следует быть вообще и в данном конкретном случае. Поскольку написанная мной биография Шекспира появилась в серии «Жизнь замечательных людей», то к обычной для этого жанра оппозиции между фактом и вымыслом/документом и беллетризацией добавляется – как его продолжение на несколько ином уровне – необходимость выбора между наукой и литературой. На кого рассчитывает автор: на ученого (филолога, литературоведа) или на читателя в самом широком и непредвзятом смысле этого слова?

Когда моя книга была написана, напечатана и прочитана первыми рецензентами, я выступил со статьей в журнале «Вопросы литературы» в рубрике «Говорят авторы ЖЗЛ» – «А творчество – факт биографический?» [9]. В заглавие вынесена лишь одна проблема: в какой мере биограф имеет право одновременно рассматривать жизнь и творчество, поэзию и правду, т.е. использовать творчество как источник биографических сведений. В отличие от преобладающей тенденции у современных англоязычных биографов, я счел, что жизнь писателя не может быть убедительно написана, если его главное дело вынесено за скобки. Как творчество следует корректно рассматривать в плане биографии, это уже другой вопрос и повод для обсуждения.

Участники разговора, говоря о книге в целом и о жанре биографии, избирали каждый свой аспект. Первым (по логике алфавита) высказался Е.В. Абдуллаев, философ и историк литературы, литературный

критик (не менее известный как поэт и прозаик, выступающий под псевдонимом Сухбат Афлатуни). Он начал тему, которая будет продолжена, кажется, всеми, – *антистрэтфордианство* [1]. Хотя, казалось бы, это факт лишь шекспировской биографии, но имеющий и более широкий смысл, как скажет Н.С. Зелезинская [5], – *постмодернистский*, когда всё – повод для сомнения, когда вопрошающий комментарий теснит основной текст, когда ничего не принимается на веру и, можно добавить, когда не только в обиход, но и в словари вошло выражение: мы живем в мире «после правды» (after truth). Подтверждения тому щедрой рукой рассыпаны в нашей жизни и культуре.

Так стоит ли опровергать мифотворцев и восстанавливать Шекспира в авторских правах? Я полагал, что стоит, и заслужил одобрение Е.В. Абдуллаева, блестяще ориентирующегося, по крайней мере, в нашем потоке антистрэтфордианского мифа. Для меня же поначалу такое мнение не было очевидным, поскольку спорить с мифом на его территории невозможно, а впустить его на собственную это другая опасность – мифологизировать научное знание. Об этой невозможности и опасности очень точно говорит один из самых знающих наших шекспироведов В.С. Макаров (комментатор многих произведений английского Возрождения и барокко): антистрэтфордианцы «совершают подмену тезиса, сводя анализ текста к анализу неких гипотетических отраженных в нем чувств и событий, а затем требуют дискутировать с ними на этом бесплодном поле» [6, с. 59]. Я бы еще добавил, что они требуют в тоне и в жанрах, свойственных той культуре, к которой фактически принадлежат, – *массовой*, т.е. крикливо, легко впадая то в пасквиль, то в донос, постоянно жульничая и перетолковывая.

Почему все-таки я решил включить антистрэтфордианский мотив в свою книгу и не пожалел ли об этом? Пожалеть, конечно, не пожалел, поскольку, полагая, для желающих слышать рассказал, откуда и почему возникло это поветрие, как всякий миф, имеющее отношение к реальности, но представляю-

щее ее в кривом зеркале: если мы вошли в период «после правды», то миф всегда существовал «до правды», без различения правды и в то же время в качестве безусловной правды. Антистрэтфордианцы похвалили за то, что я – первый русский биограф Шекспира, заговоривший на их тему, но с тем большим раздражением накинулись на книгу. Я им не отвечал по причинам, изложенным выше.

А в каком отношении антистрэтфордианский миф стоит к реальности шекспировской биографии? В этой биографии немало лакун, а это всегда повод – вышивать по канве документального знания. Интереснее, однако, другое. Если мы говорим, что «автор умер», то в шекспировскую эпоху он не вполне родился, особенно в театре, где соавторство, или точнее – коллективное авторство, было не менее распространено, чем сегодня при создании телесериалов. Так что (и об этом я тоже говорю в книге) антистрэтфордианская ересь полезна в том смысле, что указывает на белые пятна и побуждает к вопросам, требующим исследования вместо предлагаемых ими мифов, расшифровок и просто – хитроумного невежества или обычной глупости. А поскольку массовый вкус склонен к детективным сюжетам, то в этом пространстве антистрэтфордианство неискоренимо, даже в своих самых грубых и бездарных подделках. Фильм «Аноним» в глазах массового зрителя, кажется, ничем не уступает блистательной исторической фантазии на тему шекспировской биографии – «Влюбленный Шекспир». Если создатели «Анонима» произвольно/злобно искажают факты, то авторы «Влюбленного Шекспира» не претендуют на документальность, а домысливают, подхватывая и развивая мотивы шекспировских комедий в пространстве его собственной жизни.

Так что я не против ни научной догадки (при случае, быть может, способной изменить свой статус и обрести доказательность гипотезы), ни против интуитивных предположений. Л.В. Егорова сочла несправедливым Д.А. Иванова, сказавшего, что в моей книге порой достигается «убедительность скорее художественного образа, чем научного исследования» [3, с. 37]. Я не писал документальной биографии Шекспира, поскольку она уже написана – С. Шенбаумом, а, в отличие от литературной и даже научной биографии, документальная может быть переписана лишь при решительном обновлении нашего знания. За прошедшее с тех пор время кое-какие новые свидетельства появились, но принципиально они не изменили картины. Она меняется в новых подходах, способах понимания и исследования. И в этом смысле логика «художественного образа» совершенно не исключенный жанровый прием, особенно когда биография пишется для серии «ЖЗЛ».

Так что для меня всегда дорога читательская оценка книги (в обсуждении с этой позиции говорит известный филолог и литературный критик М.Ф. Амосин [2]), и одновременно я не могу не согласиться с Н.С. Зелезинской, что если книга и не ориентирована «на литературоведов, то, во всяком случае, предполагает определенный багаж знаний у читателя...» [5, с. 52]. На литературоведов (или только их) я, безусловно, не ориентировался, иначе книгу не приняли

бы к изданию в серии «ЖЗЛ». А вот «багаж» у читателя предполагал, и не только предваряющее знание, но – желание узнавать. Мы как-то забыли, что есть (во всяком случае, раньше был) читатель, не имеющий специального филологического образования, но великолепно начитанный, образованный, готовый включиться в глубокий разговор о литературе, если этот разговор ему предлагают не на «птичьем языке».

Так что, помимо самого факта обсуждения моего Шекспира и преобладающих сочувствующих оценок, я был особенно рад пониманию того, что и для меня было важно. Говоря о биографической книге, отмечают в ней уровень прочтения шекспировских текстов (Е.Н. Черноземова [8, с. 67]); представляя книгу, приводят цитаты (как это делает Л.В. Егорова [3], [4]), которые и я хотел бы видеть отмеченными и замеченными в первую очередь; обращают внимание именно на те места, которые относятся к тому, что я не решаюсь назвать открытием (в океане литературы о Шекспире всегда есть опасность, что Ваша точка зрения уже высказывалась тем-то и тогда-то), но что составляет опорные точки моей концепции. К ним, безусловно, относится предположение о том, каким в самом начале складывался порядок шекспировского творчества, почему, вопреки распространенному мнению, комедия не может претендовать на то, чтобы быть первым жанром, поскольку у Шекспира носит «заказной» характер (на это обращает внимание О.В. Сидорова [7, с. 64]), т.е. появляется не ранее, чем Шекспир допущен в жизненный круг, где может найти богатого патрона.

Так ли это? По этому поводу мне уже приходилось слышать сомнения (Д.А. Иванов), я был бы рад поговорить с сомневающимися и по поводу иных своих гипотез: о том, действительно ли, как я считаю, начало работы Шекспира с трупной лорда камергера летом 1594 года объясняет появление в печати его более ранних пьес; действительно ли популярность ренессансного сонета определяется его принципиально новой жанровой природой?..

Подробно об исследовательском методе, принятом в книге, говорит Н.С. Зелезинская, находя в ней сходство с недавно еще очень влиятельным и модным «новым историзмом». Об этом направлении очень подробно я высказался 15 лет назад [10]. Я вполне понимаю, какое впечатление «новые историцисты» произвели в рутине западного (англоязычного) литературоведения, потребовав пересмотра прежних теорий на основе обновления документальной базы нашего знания. Это было отчасти что-то подобное требованию русских формалистов перестать выстраивать историю литературы как «литературу генералов», а взять весь контекст ее бытования. Кстати, это мое исходное возражение против «нового историзма», который далеко не настолько нов, как кажется или хочет казаться. Эта мода свидетельствует о присущей сегодняшней культуре короткой памяти. Все легко объявляются первооткрывателями, понятия и идеи переименовываются вплоть до обрыва интеллектуальной традиции. Мы, может быть, и исключительны тем, что живем в глобальном мире, но наши проблемы показались бы гораздо менее уникальными, если бы мы увидели их, скажем, в свете «всемирной исто-

рии» (Weltgeschichte), о которой заговорили еще два века тому назад.

Концептуальные пункты моего расхождения с «новым историзмом» следующие. Во-первых, их требование обновить документальные связи замечательно, но далеко не все вновь устанавливаемые связи начинают работать и что-то объяснять. К шедеврам предлагают подыскивать золотые ключики, которые позволят, наконец, отомкнуть их тайну. Однако поставленное на конвейер производство золотых ключиков слишком часто оборачивается штамповкой отмычек. В качестве примера на шекспировском материале (на котором едва ли не более всего потрудились «новые историцисты») мне доводилось ссылаться на две статьи Лизы Жардин из ее сборника «Читая Шекспира исторически» [11]. В статье об «Отелло» бранное слово (whore), обращенное героем к Дездемоне, порождает исследовательский вопрос: а если бы в елизаветинской Англии муж таким образом обратился к жене, могло это стать поводом к судебному разбирательству и каким бы оказался этот юридический казус? Аналогичные случаи обнаруживаются, их результаты приводятся, но к пониманию Шекспира это имеет мало отношения. Другое дело статья о «Короле Лире» с вопросом: почему в этой эпической трагедии персонажи ведут такую интенсивную переписку, так много пишут и получают писем? Что означал жанр письма в шекспировскую эпоху, с каким смыслом он проникает в жанр трагедии? Ответ: как форма личного выражения, пробуждающий интерес к идентичности личности – убедителен.

Также мне кажется, что, повернув к «поэтике культуры», создатель «нового историзма» Стивен Гринблат в духе общего направления мысли в духе конца прошлого века слишком легко расстался с поэтикой текста, которую только сейчас заново реабилитирует англоязычное литературоведение.

Так что, соглашаясь с Н.С. Зелезинской, что внимание к историческому быту для меня дорого, я бы не слишком настаивал на том, что оно – от «нового историзма». Много раньше меня научили этой исследовательской технике русские формалисты (на последнем этапе их насильственно оборванной эволюции). Они для меня и важнее, и ближе, причем в контексте более литературном – в исторической поэтике. А в сегодняшнем шекспироведении это, конечно, не Гринблат и не Акройд, а Джеймс Шапиро, автор, на мой взгляд, самых новаторских книг, каждая из которых – реконструкция одного года шекспировской творческой биографии [12], [13]. В них тоже есть что-то от «нового историзма», прежде всего – разнообразие документальных сближений, в которых, однако, каждый раз гипотеза перепроверяется на разных уровнях, от быта до истории, захватывая и объясняя центральное для избранного года шекспировское произведение. В первой книге – трагедия «Юлий Цезарь», во второй – «Король Лир».

Гипотеза – путь исследования, идущий от первоначального предположения, догадки, требующей доказательств. Не всегда хватает данных, чтобы обосновать

гипотезу с полной достоверностью, как не всегда удастся пройти даже путь от догадки к гипотезе. Я согласен с В.С. Макаровым [6, с. 60], что мое предположение относительно того, какую пьесу видел швейцарский путешественник в театре «Куртина» в сентябре 1599 г., – не более чем догадка. Но вовсе мне от нее не хочется отказываться. Несмотря на далеко не полное совпадение зафиксированного впечатления очевидца с тем, что происходит в одной из сюжетных линий «Венецианского купца», мне кажется (да, сильных аргументов у меня нет), что шекспировская пьеса должна быть включена в ряд возможностей.

В тех интервью, которые мне доводилось давать по поводу своей книги, я неизменно говорил, что у меня были две достаточно трудно сопрягаемые цели: найти и заинтересовать читателя, а вторая – дать повод к разговору о Шекспире на ином уровне знания, уйти от того, что было сделано к предшествующему юбилею пятидесятилетней давности и за годы, прошедшие с тех пор, оказавшиеся, увы, мало продуктивными. Возможность именно такого разговора, что состоялся на этих страницах, я и имел в виду.

Литература

1. Абдуллаев, Е.В. Шекспир, который был Шекспиром. Еще раз о «шекспировском вопросе» / Е.В. Абдуллаев // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 2 (5). – С. 38–43.
2. Амусин, М.Ф. Шекспир: быть, мифы, высшая реальность / М.Ф. Амусин // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 2 (5). – С. 43–45.
3. Егорова, Л.В. О первых откликах на книгу: Шайтанов И.О. «Шекспир» / Л.В. Егорова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 2 (5). – С. 36–37.
4. Егорова, Л.В. «Нагружен знанием, основателен и не лишен маневренности» / Л.В. Егорова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 2 (5). – С. 46–49.
5. Зелезинская, Н.С. Шекспир: биография с комментариями / Н.С. Зелезинская // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 2 (5). – С. 50–57.
6. Макаров, В.С. Мир Шекспира, «новый и неизбежный» (о книге: Шайтанов И.О. «Шекспир») / В.С. Макаров // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 2 (5). – С. 58–61.
7. Сидорова, О.Г. О биографах и биографиях: И.О. Шайтанов «Шекспир» / О.Г. Сидорова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 2 (5). – С. 62–65.
8. Черноземова, Е.Н. Оселок, или Точильный камень / Е.Н. Черноземова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 2 (5). – С. 65–67.
9. Шайтанов, И. А творчество – факт биографический? / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2014. – № 6. – С. 97–121.
10. Шайтанов, И. «Бытовая» история / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2002. – № 2. – С. 3–24.
11. Jardine, L. Reading Shakespeare Historically / L. Jardine. – London; New York: Routledge, 1996.
12. Shapiro, J. 1599. A Year in the Life of William Shakespeare / J. Shapiro. – London: Faber and Faber, 2005.
13. Shapiro, J. 1606. William Shakespeare and the Year of Lear / J. Shapiro. – London: Faber and Faber, 2015.

SHAKESPEARE'S LIFE, AND BIOGRAPHY AS A GENRE PROBLEM

The author of a new Shakespeare's life, brought out in Russia, joins the discussion of the book and tells in what aspects it was motivated by the very fact of its publication in the book series that is popular with a common reader. This fact did not rule out for the author a scholarly objective to update Shakespeare studies and involve Russian academia in the urgent issues of Shakespeare criticism.

Biography as a genre, W. Shakespeare, antistratfordian heresy, from a guess to a hypothesis, 'new historicism', J. Shapiro, L. Jardine, up-to-date Shakespeare Studies.

Л.Ю. Зорина

Вологодский государственный университет

ОБ ИЗУЧЕНИИ ГОВОРОВ УСТЬ-КУБИНСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена характеристике ранее совершенно не описанных говоров Усть-Кубинского района Вологодской области. Перечисляются фонетико-морфологические особенности говоров, анализируется их словарный и фразеологический состав. Выявленные в итоге экспедиций последних лет черты этих говоров свидетельствуют, что эти разговоры, во-первых, типичны для центральной части Вологодской группы севернорусского наречия и, во-вторых, стабильны, устойчивы во времени.

Вологодские разговоры, диалектологическое обследование, Вологодская область, Усть-Кубинский район.

Диалекты Вологодской области неодинаковы по своим типологическим и генетическим признакам [3]. Учитывая своеобразие разных вологодских говоров, их заметное отличие от русского литературного языка, русисты уже давно сосредоточились на их изучении [4; 5; 6; 7; 8 и др.].

Вологодские диалектологи определенное внимание уделили разговорам Усть-Кубинского района. Это разговоры Вологодской группы севернорусского наречия, бытующие на восточном побережье Кубенского озера, в самом центре современной Вологодской области.

Усть-Кубинский район Вологодской области – древняя земля, заселение ее происходило в очень давнее время, причем осуществлялось оно по старинным водным путям. В раннем средневековье (V–VIII вв.) здесь обитали финно-угорские племена, в позднем средневековье (XI–XIII вв.) наблюдалось активное продвижение на север славянского населения. Но и славянское население пришло на эту землю разными путями, с двумя колонизационными потоками. Так, Вологда находилась в новгородском владении, а территории южнее Сухоны – в ростово-суздальском управлении [1; 9]. Во второй половине XX века сами жители усть-кубинских деревень ощущали различия в разговорах, что отражалось даже в общих названиях обитателей той или иной округи: *Жена-то была из заозёрцев, дак у них так не говорили* (У-К. Черныш.) (заозёрцами называли жителей восточного побережья Кубенского озера).

Материал по усть-кубинским разговорам собирался во время специальных диалектологических экспедиций, студенческих полевых практик, а также в процессе сотрудничества со студентами-уроженцами этого района. Экспедициями руководили как опытные специалисты-диалектологи (Г.А. Дружинина, Л.Ю. Зорина), так и молодые, впервые выезжавшие со студентами на практику русисты (С.А. Громыко, Е.Н. Ивано-

ва). В процессе полевой работы были получены материалы из целого ряда сел и деревень района: *Авксентьево, Бережное, Богородское, Верхне-Раменье, Власьево, Голенинская, Заднее, Залесье, Ивановское, Исаково, Королиха, Лыва, Малое Лыскарево, Мартыновская, Новое, Осилково, Помазиха, Тавлаш, Устье, Филисово, Чернышево, Чирково, Шамбово* и др. Некоторых деревень, где когда-то побывали диалектологи, теперь вовсе не существует, но записанные в них материалы уже зафиксированы в Словаре вологодских разговоров [СВГ].

Диалекты Усть-Кубинского района тоже неоднородны. Определенные особенности имеют, различаясь между собой, устьянские, томашские, заднесельские, верхнераменские и другие разговоры. Диалектологическая экспедиция 2016 года (9 студентов ВоГУ под руководством Л.Ю. Зориной) исследовала разговор Верхне-Раменья, которое расположено на северо-востоке района. По горизонтальной прямой на карте это примерно посередине между селом Коварзино Кирилловского района и селом Кумзеро Харовского района (вспомним знаменитую деревню Тимонику, родину писателя В.И. Белова: до нее от Верхне-Раменья пешком ходили – всего 13 километров). Диалектологическая экспедиция 2017 года (10 студентов ВоГУ и руководитель Л.Ю. Зорина) дислоцировалась в селе Устье, но совершала выезды с целью наблюдений над томашскими (д. Королиха) и заднесельскими (село Заднее) разговорами.

В самом селе Устье, центре Усть-Кубинского района, для изучения диалекта его жителей сделано уже немало. Большой по объему словарь местных и устаревших слов в разговорах этой местности составлен и в настоящее время дорабатывается специалистами муниципальной библиотеки села. В составлении словарика принимали участие работники библиотеки, ее активные читатели разного возраста и прочие жители села.

Учитель-словесник Зинаида Алексеевна Морозова на протяжении многих лет составляла словарь диалектных слов, и он с течением времени заметно пополнялся ею. Один из вариантов этого словаря в рукописном виде хранится на кафедре русского языка Вологодского государственного университета. Другой, дополненный вариант словаря теперь уже издан работниками муниципальной библиотеки села Устье [Словарь говоров Устья]. В словаре 547 слов, они унаследованы, как считает автор, от глубокой старины и должны быть сохранены современниками.

Бывший директор муниципальной библиотеки села Устье Александра Павловна Варганова собрала и представила также в виде словаря местные слова родного для нее томашского говора [2, с. 27–41]. Будучи родом из деревни Бурдуково Томашского сельсовета, А.П. Варганова хорошо знает свой родной говор и дает диалектологам обстоятельные, квалифицированные комментарии. За время экспедиции 2017 года студентки Валерия Лебедева и Валерия Рычкова перевели в электронный вариант дополнения к этому словарю – «Диалектные слова родной Томаши».

В настоящее время в деревнях Усть-Кубинского района остается небольшое число коренных жителей (общеизвестно, что территория этого района почти сплошь «колонизирована» дачниками). Старшие местные жители в своей речи все еще сохраняют диалектные черты. Более того, диалектная основа ощущается в речи жителей районного центра, села Устье. В этом нет ничего удивительного, поскольку и в речи жителей областного центра, города Вологды, тоже обнаруживается, как говорят лингвисты, диалектный субстрат, или, что то же, – диалектная основа.

В записях речи жителей Усть-Кубинского района удастся подметить яркие, отличающие диалект от литературного языка черты, в том числе – и очень архаические. Диалекты особенно ценятся потому, что сохраняют в себе разновременные напластования и по ним можно изучать процессы, происходившие в истории русского языка. Проследим далее за особенностями усть-кубинских говоров по имеющимся в нашем распоряжении материалам.

На месте древнего гласного, обозначавшегося буквой «ять» в положении между мягкими согласными в говорах Усть-Кубинского района звучит гласный [и]: *артильей* (здесь и далее жирным шрифтом выделен ударный гласный). В предударном слоге перед мягким согласным также звучит [и]: *биленькё*. Гласный <а> между мягкими согласными реализуется в звуке [э]: *величели, взяли*. Говорам свойственно оканье: *доила, короу, горушку, Хорькёва и дают, трава*. Гласные [о] и [а] различаются во всех безударных позициях: *хорошо, обряжаще, зимовоцькю, было, ласково и дают, трава, написала*, то есть оканье в говоре архаическое, полного типа. Слово *работала* звучит в архаическом варианте *роботала*. В заударном положении в говоре проявляется ёканье: *ишоу́кнёт, имё, времё*.

Фонема <л> в говоре представлена звуком [л]-европейским, полумягким: *было, элак*. В слабой позиции она реализуется в *й*-неслоговом: *ишоу́кнёт*. В этом же звуке в слабой позиции реализуется фонема

<в>: *короу*, а это признак наличия в древности билабиального, двугубного звука [w], то есть черта древних новгородских говоров. В говорах сохраняются следы бывшего мягкого цоканья: *зимовоцькю, обряжаще*, что свидетельствует о былом влиянии финно-угорских языков. Говоры знают прогрессивную ассимиляцию согласных по мягкости: *биленькё, Ийкю, нянькю, толькё, Хорькёва*. Фонема ш'ш'-долгий реализуется в твердом долгом звуке (*ишоу́кнёт, настояшшему, ишио*), в сочетаниях *шт (ештё)* и *шч (крешчоные)*.

Существительные 3-го склонения испытывают в говорах воздействие существительных 1-го склонения и приобретают его окончания: *на лошаде* (ср. *на воде*), *идут артильей* (ср. *землей, сестрой*). Существительные на -*мя* переходят в разряд слов типа *село*: *на имё, всё времё*. Форма творительного падежа множественного числа совпадает с формой дательного падежа: *молотили рукам, молотилам, с фонарям*.

У имен прилагательных в родительном падеже единственного числа сохраняется архаическое окончание -*ыё*: *белыё муки не было, у птыё (дочери) живу*.

Глагол *быть* в 3 лице единственного числа настоящего времени в усть-кубинских говорах, в речи старожилов, употребляется в вариантах *есё, есю*: *Есю у тебя немного масла?* (У-К. Устье). По-видимому, слово *есть* в результате разрушения конечной группы согласных превратилось в *есь*, затем в конце слова развился гласный звук – *есе* или в условиях ёканья – *есё*, а уж потом появилось труднообъяснимое *есю*. К этим формам обычно присоединяется постпозитивная частица -*тко*: *Картошка-то у нас есётко ештё* (У-К. Устье). В *магазине-то свинина есютко* (У-К. Нов.). *У нас есютко такая медогонка* (У-К. Задн.). Частица, с одной стороны, усиливает определенность значения ('да, действительно есть'), а с другой стороны – придает звучанию речи некую плавность, связность.

В говорах Усть-Кубинского района наблюдается много других фонетико-грамматических диалектных черт. За время экспедиции в 2017 году относительно них студенты собрали обстоятельные ответы на задания специального весьма подробного вопросника. Сосредоточимся все же далее на фактах лексического порядка, более доступных, как представляется, для наблюдения и более интересных для читателей.

Самая многочисленная и интересная группа слов – это слова, вообще отсутствующие в русском литературном языке: *баской* 'красивый', *блзнить* 'мерещиться', *болозе* 'если, раз уж, поскольку', *едучий* 'недобрый, злой', *ерыкнуть* 'швырнуть, бросить', *ество* 'кушанье', *зыбка* 'колыбель, подвешенная к потолку', *зобенька* 'корзинка', *капаручи* 'грубые, грязные руки', *квелить* 'доводить до слёз, расстраивать', *коточиг* 'костяной нож, используемый при плетении из берёсты', *кросна* 'домашний ткацкий станок', *лонись* 'в прошлом году', *миздрить* 'напряженно вглядываться, всматриваться в темноте', *на верхосытку* 'в окончание трапезы, на десерт', *наянить* 'вести себя нахально, бесцеремонно', *наслуд* 'насморк', *славушница* 'девушка, достигшая брачного возраста', *смыг* 'сугроб', *уколоток* и *уколой* – 'выполосканное и ска-

танное жгутом белье', *шуга* – 'отходы обмолота ржи', *злак* 'таким образом, так' и мн. др.

В говорах представлены и слова, отличающиеся от соответствующих слов литературного языка своим значением, так называемые семантические диалектизмы. Словом *клон*, например, называется 'участок луга' (в литературном языке *клон* – 'точная генетическая копия другого организма'), *оболочка* – 'верхняя одежда' (в литературном языке *оболочка* – 'слой, обтягивающий, обволакивающий что-либо'), *оладья* – 'каша с золотистой пенкой, сваренная в русской печи; запеканка': *пшённая оладья*, *рисовая оладья* (в литературном языке *оладья* – 'мягкая лепёшка из пшеничной муки, изжаренная на масле, оладушка'). В усть-кубинских деревнях женщины готовят и *яблошную оладью*, то есть картофельную запеканку: *яблоками* в старину здесь называли клубни картофеля. К этому ряду слов относятся также слова *вершок* 'сметана', *зимовка* 'часть крестьянского дома, предназначенная для проживания зимой' и др.

В ряде случаев диалектные слова отличаются от слов литературного языка морфемным составом, т.е. своими приставками, суффиксами. Такие особенности присущи словообразовательным диалектизмам: *Ежевница* – 'ежевика': *Ежевницы будет много* (У-К. Авкс.); *куроций* – 'куриный': *курочья слепота* 'название растения' (У-К. Устье); *штаношница* – 'штанина'.

Выделяется еще и группа слов, отличающихся от соответствующих наименований в литературном языке своим фонемным составом. Так, слово *тёта* отличается от литературного *тётя* твёрдым звуком [т]. Слово *сварьба* отличается от литературного *свадьба* наличием звука [р'] (интересно, что в украинском языке звучит тоже не *свадьба*, а *свайба*). Слово *помню* в речи старожиллов употребляется преимущественно в варианте *помлю*. Подобные факты отражают различные процессы, происходившие в древности и впоследствии ставшие приметными именно этих конкретных слов.

В говорах встречаются целые гнезда слов с диалектными корнями: *шам* 'мусор', *шаминка* 'соринка', *шамить* 'сорить'. Или еще: *ёндать* – 'вертеться, крутиться, ёрзать': *Чего ёндаешь-то? Посиди спокойно!* (У-К. Устье); *ёнда* – 'непоседа, егоза': *Ну, ты не робёнок, а чистая ёнда! Уж ни минуты спокойно не посидишь!* (У-К. Устье). Факт наличия таких гнезд очень показателен: подтверждается реальное существование слов, а не случайное их употребление, демонстрируются живые словообразовательные связи в говоре.

По всем приведенным словам диалектологами записаны убедительные, достаточно полные примеры, ср: *Ества-то у нас уж были некудышные, но сварьба весело прошла* (У-К. Устье). *Ество* – 'кушанье, блюдо'. *Сегодня идти-то убрдно, дорогу снегом замело, еле дошла до вас – и тропки не видать* (У-К. Корол.). *Убрдно* – говорится 'об обилии глубокого, рыхлого снега, затрудняющего передвижение'.

Иногда значения слов в усть-кубинских говорах отличаются от их значений в других вологодских говорах. Так, почти повсеместно на вологодской территории слово *ез* обозначает запруду в реке, предназначенную для ловли рыбы. В усть-кубинском говоре

зафиксировано слово *ез* со значением 'огороженная часть пастбища': *Гони скотину-то в ез* (У-К. Богород.). По-видимому, в этой местности слово *ез* переосмысливается. Еще пример: слово *наслуд* в грязовецких, междуреченских, сокольских говорах обозначает 'воду, выступившую на поверхности льда, наледь', а в усть-кубинских говорах это 'обильные слизистые выделения из носа, насморк': *Опять наслуд появился, видно, где-то настыла, полный нос соплей* (У-К. Корол.).

Диалектная лексика в говорах Усть-Кубинского района тематически разнопланова. Представлены наименования особенностей ландшафта, метеорологических явлений, названия реальных растительного и животного мира, наименования особенностей трудовой деятельности человека, мифологических представлений и мн. др. Так, например, в народном сознании тщательно разработана и отражается в диалектных словах разносторонняя характеристика человека. *Беспелюха* – 'беспечный, беззаботный человек': *Этот беспелюха семью до сумы доведёт* (У-К. Корол.); *Что ты, беспелюха! Как жить-то будешь?* (У-К. Корол.). Продолжим ряд таких наименований человека: *большуха* 'женщина, которая ведёт хозяйство, хозяйка', *ботень* 'лентяй', *выряжёнки* 'ряженные', *выпороток* 'незаконнорожденный ребенок', *забайло* 'лгун', *кукобень* 'неумелый человек', *кулёма* 'небрежно одетый или чрезмерно укутанный человек', *лында* 'вор', *наящик* 'тиран, изувер', *ослопень* 'неповоротливый, полный, сильный человек', *плетя* 'кружевница', *пышкун* 'человек, который всё делает очень медленно', *самознай* 'высокомерный человек', *славутница* 'скромная, воспитанная девушка из состоятельной семьи', *сокера* 'человек, любящий спорить, задира', *телепень* 'крепкий, сильный мужчина', *укретьень* 'упрямый человек', *ухайда* 'отчаянный, дерзкий человек', *ухорван* 'драчун', *харахор* 'неуживчивый человек', *шилохвостка* 'непоседливая девочка' и т. д.

Невозможно обойти вниманием лексику, обозначающую мифологические персонажи: *баннушко* – 'в суеверных представлениях – злой дух, живущий в бане'; *кокованя* – 'мифическое существо, которое живёт в тёмных дальних углах, на чердаке, в доме'; *овиннушко* – 'в суеверных представлениях – злой дух, живущий в овине'. Этими персонажами в усть-кубинских деревнях обычно пугали детей.

Подобным образом можно было бы показать состав многих лексико-семантических групп слов. Практически все группы представлены своеобразными, колоритными словами. За неимением возможности сделать это в рамках данной статьи ограничимся приведенными материалами.

В говорах Усть-Кубинского района встречаются многозначные диалектные лексемы, что свидетельствует о стремлении жителей к обобщенному видению реалий окружающего мира. Так, слово *едучий* означает, во-первых, 'обладающий способностью колоть, колючий': *Эдакая едучая трава бывает с колючкам* (У-К. Устье), а во-вторых, в том же говоре проявляется значение 'придирчивый, недобрый, злой': *Не надо выходить за вдовца, он такой же едучий* (У-К. Устье).

Много интересного обнаруживается при рассмотрении лексики усть-кубинских говоров с точки зрения ее происхождения. Так, выявляются слова общеславянского происхождения: *баской* 'красивый' (а от него уже образованы формы *бассее*, *бастенький*), *баять* 'говорить', *бажить* 'желать' (а от него уже впоследствии образованы слова *бажиться*, *прибажиться*), *вица* 'прут, ветка', *долонь* 'ладонь', *лонись* 'прошлым летом', *чуять* 'слышать' и др. Это древние, известные многим славянским языкам слова. Такое утверждение можно сделать по результатам просмотра этимологических словарей [Фасмер; Шанский].

Восточнославянскими, уже более поздними по происхождению словами являются слова *беремя* 'охапка', *воложный* 'влажный', *волок* 'участок лесной дороги', *морок* 'туман', *наволок* 'заливной луг', *порозный* 'незанятый, свободный', *свороб* – 'зуд', *хоробрый* 'храбрый'; *пакши*, *пакли* 'грубые, грязные руки', *пожня* 'участок луга для сенокоса', *сумёт* 'сугроб', *ярка* 'молодая овца' и др. Такие слова включают в себе те или иные признаки, характерные лишь для восточнославянских языков.

Собственно русские по происхождению наименования – *квёлый* 'неактивный', *заплот* 'изгородь из горизонтально положенных досок', *рамень* 'граница леса у края пахотной земли' и мн. др.

В изучаемых говорах обнаруживаются древние заимствования из языков соседних, не славянских народов: *макса* 'печень рыбы, молоко', *ровга* 'не оттаявшая земля', *конда* 'твёрдый слой ствола сосны' и др. Так, судя по данным Этимологического словаря русского языка М. Фасмера, слово *макса*, известное также олонецким, архангельским, тверским говорам, заимствовано из финского языка, где *taksa* действительно означает 'печень' [Фасмер: т. 2, с. 562]. Слово *ровга* 'не оттаявшая ещё земля' заимствовано из карельского языка, где *rouda*, а в финском языке *routa* – 'твёрдая, замёрзшая почва' [Фасмер: т. 3, с. 488]. Слово *конда* 'твёрдый слой ствола сосны' происходит из финского *honka* 'зрелая сосна' [Фасмер: т. 2, с. 308]. По одной из этимологических версий, даже такое привычное для вологжан слово *баской* является древним заимствованием из скандинавских языков [Фасмер: т. 1, с. 129–130].

Целый ряд слов в усть-кубинских говорах отражает какое-либо древнее, архаическое состояние языка или процессы, которые происходили в далеком прошлом. Рассмотрим несколько примеров такого рода.

Робята – *ребята*. Слово используется в диалектной, архаической, существовавшей еще в XI веке огласовке с корнем *роб-*. Лишь много позднее в этом слове произойдет межслоговая ассимиляция гласных звуков и появится привычное для современников звучание *реб-* [Шанский, с. 386].

Тишком – тайно, украдкой. *Кто-то у нас тишком лопату от дому уволок* (У-К. Корол.). В русском литературном языке есть наречие *исподтишка*, которое образовано от сохранившегося в диалектах слова *тишок*, *тишком*: *из-под + тишка*.

Топерь – *теперь*. Слово используется в диалектной, архаической огласовке. Оно еще в древнем языке было образовано от местоимения *тотъ* прибавлением

числительного *първо* (в старославянском языке – *топърво*). В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, то есть в памятниках XIII–XIV веков, слово зафиксировано в варианте *топърво*. Впоследствии произошла межслоговая ассимиляция гласных, возникло произношение *теперь*, что и закрепилось в русском литературном языке [Фасмер: т. 4, с. 43–44].

Украшением народной речи в Усть-Кубинском крае являются многочисленные местные фразеологические обороты. В них соединяются прямое, прецедентное, бывшее когда-то реальным, и переносное, образное значения, аккумулируется яркая выразительность. Приведем далее несколько примеров такого рода.

Вносить миндору из избы – 'делать неприятности, размолвки, ссоры, касающиеся узкого круга людей, достоянием посторонних': *Богу-то неугодно, чтобы миндору из избы выносили* (У-К. Устье). *Миндора* – 'сор, мусор, хлам' [СВГ: вып. 4, с. 85]. В народе существовал запрет выносить, выметать мусор из избы: его следовало сжигать в печи. Ср. **выносить сор из избы** [СО, с. 689].

За быка свести – 'насильно, против воли девушки выдать её замуж': *Кого родители укажут, за того и пойдёшь. А не пойдёшь, так и за быка сведут. Какая там любовь!* (У-К. Устье). В образе быка, сильного и опасного животного, предстает образ нелюбимого, нетактичного, агрессивного мужчины.

Киса без лямок – 'безвыходное положение': *Ну, без отца им киса без лямок!* (У-К. Устье). *Киса* – 'заплечная котомка наподобие рюкзака, затягивающаяся шнурком, верёвкой' [СВГ: вып. 3, с. 58]. Носили *кису* за плечами, держалась она на лямках. Без лямок нести ее было бы крайне неудобно. И главное – *киса* вверху затягивалась, завязывалась шнурком, что и могло символизировать в сознании людей безвыходное положение.

Льзя да можно – 'надлежит, следует, можно': *Надо купить, болоте льзя да можно* (У-К. Корол.). *Льзя* – 'можно' [СВГ: вып. 4, с. 59]. Для усиления смысла во фразеологизме используется тавтология, применяются слова практически с одинаковым значением.

Пригоношки строить – 'отпускать язвительные шуточки': *Хватит мне пригоношки всякие строить!* (У-К. Устье). *Пригоношка* – 'смешная приговорка, шутка' [СВГ: вып. 8, с. 45].

Не мочь себе укороту найти – говорится 'о невозможности прийти в душевное равновесие, успокоиться': *Ой, так расстроилась – не могу себе укороту найти* (У-К. Корол.).

Следует отметить высокую культуру общения жителей в изучаемой местности. Так, по нашим наблюдениям, у населения выработаны определенные реакции на все случаи жизни. Эти реакции традиционны, строго регламентированы, практически ритуальны: люди знают, что и в какой ситуации следует сказать.

Так, в использовании благопожелательных формул, связанных с трудовыми процессами, проявляется стратегия доброты, утонченной вежливости. Тому, кто стирает или полощет белье в открытом водоеме, в этой местности говорят *Беленько!* Тому, кто стрижет

овцу, пожелают успеха репликами *Дай вам Бог не последний клок!*, *Шёрстка на шёрстку!*, *Сам пят!* (так желают, чтобы за год овечка дважды родила по два ягненка, а сама оказалась пятой). Тому, кто доит корову, пожелают *Струя в руку!*, *На густой вершок!*, *Вершок в палец!* (*вершок, вершки* – это ‘сливки, сметана’). Тому, кто режет скотину на мясо, говорят *Репам мясо!* Таких формул в говорах Усть-Кубинского района выявлено уже немало, но, если уж подмечена тенденция их использования, то целенаправленный поиск, смеем надеяться, может значительно пополнить их количество.

Под влиянием литературного языка, под давлением современных форм массовой культуры в говорах сейчас происходят необратимые изменения. Фонетические и грамматические особенности говоров стираются. Вообще уходят из обихода или становятся архаизмами слова, обозначавшие ранее реалии старинного быта и крестьянского мироустройства (*лубня* ‘лубяное лукошко’, *зобенька* ‘небольшая корзина’, *зыбка* ‘подвешенная к потолку детская люлька’, *колода* ‘деревянный снаряд для стирки, полоскания белья’ (участники экспедиции видели этот уникальный снаряд в музее «На чердаке у скопидома» в селе Заднее), *ступень* ‘лапоть без задника’ и др.).

Это явление оценивается неоднозначно. С одной стороны, хорошо, что литературным языком овладевает все большая часть граждан, с другой стороны, утрата говоров, потеря в связи с этим этнического своеобразия должны быть признаны отрицательным явлением, ибо, по словам А.Я. Яшина, людей «к этим словам привадила мать, милы они с самого детства», и люди ничего не должны потерять «из вверенного наследства» [10, с. 323].

Поэтому сам собой напрашивается следующий вывод: в настоящее время необходимо интенсифицировать изучение говоров Усть-Кубинского района Вологодской области. Для этого нужно в короткое время предпринять определенные шаги:

- с помощью современной аудио- и видеотехники записать как можно больше образцов народной речи, создать целую коллекцию таких записей;

- целенаправленно составлять словарь (словари) местных слов (пусть их будет несколько!);

- в экстренном порядке, пока не ушло из жизни крестьянское поколение, собрать материалы по Программе обследования говоров для Лексического атласа русских народных говоров;

- накапливать в специальных регистраторах и, по возможности, публиковать для широкого доступа культурологические и лингвистические сочинения учащихся, педагогов школ, а также прочих краеведов;

- оказывать всяческое содействие (транспортом, размещением, подбором информантов и др.) профессиональным экспедиционным группам из Института русского языка им. В.В. Виноградова и Вологодского государственного университета.

Только выполнив все намеченное, мы сможем впоследствии сказать, что для описания говоров родного Вологодского края сделали всё, что было в наших силах. Поэтому запланированный уже нами третий сезон диалектологических наблюдений за речью

жителей Усть-Кубинского района Вологодской области должен осуществиться.

Литература

1. Башенькин, А.Н. Вологодская область в древности и средневековье / А.Н. Башенькин // Вологда. Краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1997. – С. 5–35.
2. Варганова, А.П. Иду по жизни не спеша / А.П. Варганова. – Село Устье, 2010. – С. 27–41.
3. Захарова, К.Ф. Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – Москва, 1970.
4. Зорина, Л.Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки / Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 144 с.
5. Зорина, Л.Ю. Язык родного края / Л.Ю. Зорина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – № 3. Т. 1. – С. 45–49.
6. Паникаровская, Т.Г. К изучению говоров Кубено-Озерского района (Сообщение о диалектологической экспедиции Вологодского педагогического института) / Т.Г. Паникаровская // Говоры Вологодского края: аспекты изучения. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 258–275.
7. Чайкина, Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья / Ю.И. Чайкина // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда, 1975. – С. 3–187.
8. Яцкевич, Л.Г. Слово о родной деревне / Л.Г. Яцкевич (Калачёва). – Вологда, 2011. – 272 с.
9. Kubena – Официальный сайт администрации Усть-Кубинского района Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kubena35.ru/o-raione.html
10. Яшин, А.Я. Родное слово / А.Я. Яшин // Яшин А.Я. Избранные произведения. – Москва: Художественная литература, 1972. – Т. 1. Стихи.

Словари

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской. – Вып. 1–6; под ред. Л.Ю. Зориной. – Вып. 7–12. – Вологда: ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

Словарь говоров Устья – Словарь диалектных слов Усть-Кубинского района Вологодской области / сост. З.А. Морозкова. – 3-е изд. – Устье, 2017. – 54 с.

СО – Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 11. – Москва: Русский язык, 1975.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1994–2005. – Вып. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. – Москва; Ленинград: Наука, 1965–1989. – Вып. 1–24; гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – Санкт-Петербург: Наука, 1990–2010. – Вып. 25–46; гл. ред. С.А. Мызников. – Санкт-Петербург: Наука, 2014–2016. – Вып. 47–49.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Москва, 1986–1987. – Т. 1–4.

Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя / Н.М. Шанский. – Изд. 2. – Москва: Просвещение, 1971.

Сокращенные обозначения районов, сел и деревень

У-К. – Усть-Кубинский район; Сямж. – Сямженский район; Богород. – Богородское, Авкс. – Авксентьево, Задн. – Заднее, Корол. – Королиха, Нов. – Новое.

L.Yu. Zorina

ON STUDYING THE DIALECTS OF UST-KUBINSKY DISTRICT OF VOLOGDA REGION

The article is devoted to the characterization of previously completely unclaimed dialects of the Ust-Kubinsky district of the Vologda region. The phonetic-morphological features of dialects are listed, their vocabulary and phraseological composition are analyzed. Identified as a result of the expeditions of recent years, the features of these dialects indicate that these dialects, firstly, are typical for the central part of the Vologda group of the North Russian dialects and, secondly, are stable in time.

Vologda dialects, dialectological examination, Vologda region, Ust-Kubinsky district.

В.В. Карнова

Вологодский государственный университет

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ЧУДО В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ XIX–XXI ВВ.)

Данная статья преследует цель анализа языковых средств и способов выражения представлений о *чудесном* в русской волшебной сказке. Проблема изменений в структуре фольклорного концепта *чудо*, а также в составе языковых средств, его репрезентирующих, представляется нам актуальной потому, что фольклорная коммуникация как специфическая форма информационного обмена значительно изменяется в современном обществе. Обращаясь к региональным записям волшебных сказок, а также к новым дискурсивным практикам («экологические сказки» наивных авторов), считаем возможным описать особые условия бытования сказочного концепта *чудо*. Моделирование фреймово-слотовой структуры концепта позволяет расширить рамки описания исследуемого материала. Анализ лексем, объективирующих концепт в языке и сказочных текстах, способствует выявлению множества смыслов, относящихся к базовым характеристикам концепта.

Концепт, концептуализация, динамика концепта, волшебная сказка, экологическая сказка.

Динамика репрезентации базовых ментальных комплексов традиционных фольклорных жанров требует тщательного изучения, поскольку фольклорная коммуникация как специфическая форма информационного обмена в современном обществе меняет условия своего бытования. Фольклорные тексты, принадлежащие к жанру волшебной сказки¹, содержат в себе концепты, языковое наполнение которых подвергается различного рода изменениям, существование которых говорит о развитии концептосферы фольклора в целом. В центре нашего внимания оказывается концепт *чудо*.

Методика описания концептов осложняется тем, что концептуализация – постоянно продолжающийся процесс, как в обществе, так и в индивидуальном сознании [7, с. 88].

Изменчивость (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), гибкость и подвижность (Е.С. Кубрякова) концептов затрудняет процесс их описания.

Изменения концептов могут быть представлены по-разному. Это может быть *исчезновение* концепта или его *угасание*. Изменения могут быть описаны с помощью *концептуальной инверсии* (Н.Н. Белозерова и Л.Е. Чуфистова), которая мыслится как концептуальные преобразования в исторической перспективе. Близким по смыслу к явлению концептуальной инверсии является термин, предложенный Дж. Лакоффом, *рефрейминг*, предполагающий «процесс повторного мышления», порой концептуальный пересмотр одного и того же явления. *Концептуальные инверсии* видят важным обращение к культурно-историческому контексту, тогда как *рефрейминг* концентрируется на ценностном компоненте, поскольку процесс рекон-

цептуализации по Дж. Лакоффу означает, что «цель, определяемая каким-то образом в одной системе ценностей, переносится в другую, совершенно отличную систему» [11].

Исследователь Е.М. Абышева рассматривает концептуальные инверсии концепта *чудо* на материале русских и ирландских поговорок и сказок и приходит к выводу о том, что концепт *чудо* был подвергнут профанизации и дальнейшей сакрализации [1].

Существенный объем научных исследований *чуда* посвящен соотношению религиозного и обыденного *чудесного* (работы Ж.В. Корминой, Ю.В. Кореньевой, С.Е. Никитиной, О.В. Беловой), а также особого понимания *чуда* в мифологическом сознании (А.Ф. Лосев). Обобщая данные в этих областях, можно сделать вывод, что всякое сознание приемлет понятие *чуда*. Однако если религиозное *чудо* чаще воспринимается как знак Божественной воли, то обыденное восприятие *чуда* соотносит его с областью *чужого, неизвестного, нечистого*, для мифологического же сознания все – *чудо*.

Непосредственное исследование *чуда* в фольклоре представлено работами С.Ю. Неклюдова, С.Е. Никитиной, Е.Л. Березович. *Чудо* в текстах былин, например, не имеет христианского смысла. Само слово включает в себя значения ‘удивительности’, ‘необыкновенности’, ‘ирреальности’.

Волшебная сказка на протяжении многих лет представляла собой жанр фольклора, концептуальной доминантой которого является *чудо*. Однако *чудесное* начало получает различные трактовки в зависимости от взглядов исследователя. Хотя термины «волшебное» и «фантастическое» часто употребляются как синонимы, фольклористы стремятся их разграничить (Л. Парпулова, Н.В. Новиков), усматривая религиоз-

¹ Далее ВС.

но-мифологическую основу первого и стихийно-материалистическую основу второго как принцип для их разграничения.

Наше исследование не содержит строгого разделения этих двух понятий. *Чудесное* в нашей работе включает в себя эти два начала, поскольку они в равной степени влияют на создание чудесной сказочной атмосферы и активно участвуют в создании вариантов мотива *чудо*, однако думается, что более поздние записи ВС, а также новые дискурсивные практики могут содержать больше иллюстраций фантастического начала.

Фольклорный концепт отличается от других дискурсивно обусловленных вариантов общекультурного концепта стабильностью содержания. Однако, несмотря на присущую ему устойчивость, в фольклорном концепте присутствуют элементы динамизма, обусловленные жанрово и хронологически. Его изменения связаны с изменением общественного, а следовательно, и фольклорного сознания, ценностной системы общества.

Описание динамики концепта *чудо* на материале волшебной сказки может быть организовано по нескольким направлениям.

Во-первых, обширный материал для исследования языковых средств, репрезентирующих концепт, сконцентрирован в многочисленных сборниках сказок.

Пристальное внимание мы уделили региональному сборнику «Вологодские сказки конца XX – начала XXI века» [2]. Нами были проанализированы тексты записей волшебных сказок (всего 37). 37 сказкам из сборника «Вологодские сказки конца XIX – начала XX века»² соответствует 43 варианта сказок из сборника А.Н. Афанасьева [4] и 16 сказок из сборника братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых [6; 9].

Представляется, что описание фольклорного концепта *чудо* может быть предпринято с помощью сопоставления его с фреймом или сценарием, соответственно в свете использования по отношению к нему фреймово-слотовой структуры, хотя и полевая организация структуры концепта также возможна.

При моделировании фреймово-слотовой структуры концепта *чудо* можно выделить два вершинных узла моделируемого фрейма: вредительство и ликвидация вредительства. Все, что относится к плану *чудесного*, находится между этими композиционными отметками. Наличие элементов *чудесного* до функции № 8 (вредительство или недостача) можно констатировать в случае использования мотивов чудесного роста или рождения. Элементы *чудесного* после функции № 19 (беда или недостача ликвидируется) не привносят в сказочное пространство качественно новых своих проявлений: чудесные противники, помощники, предметы и т.д. зачастую остаются прежними, меняющийся характер может носить мотив чудесной задачи.

В связи с отнесением исследуемого концепта *чудо* к фрейму значительное внимание в работе уделено вербализации структурных особенностей исследуемых текстов, поскольку сама поэтика *чуда* ВС в том числе выражается структурно и композиционно.

Например, наблюдается новое языковое наполнение элемента отлучки. Традиционными формами отлучки являются: на работу, в лес, торговать, на войну, «по делам». В текстах записей сказок после А.Н. Афанасьева мотив отлучки представлен преимущественно «по делам»: *...мужа нету из командировки...* [Волог. ск. № 57]; *...ужасал в командировки...* [Волог. ск. № 64]; *...уехал куда-ты учиться...* [Волог. ск. № 65], *...его на собрание потребовали...* [Сок. № 42].

Среди структурных элементов особого внимания заслуживают начинательные, медиальные, финитные формулы сказочного повествования. В исследуемых текстах представлено минимальное количество начинательных формул. Помимо традиционного *жили-были, в некотором царстве* зачастую наблюдается использование формулировок, резюмирующих основное тематическое содержание сказки: *Ну што ж, сказка говоритца про плотника и часового мастера* [Волог. ск. № 62].

Инициальная формула *Я повел такую рець, никто меня штобы не перець, не любо – не слушайте, а врать не мешайте* [Волог. ск. № 58] объективирует в языке оппозицию правда – ложь, которая может быть использована при описании концепта *чудо*.

Иногда в состав завершающих повествование формул включается субъективная характеристика автором сказочного содержания («недолгая», «долгая», «интересная», «такие»): *(Долгая ведь эта сказка, ак ведь не знаю, дак забыла)* [Волог. ск. № 54].

Сказка № 69 завершается риторическим вопросом *Сказка, дак как не воскрес?*, утверждающим, что кажущееся невозможным становится реальным в рамках жанра ВС.

Исследование традиционных мотивов ВС в текстах сборника помогает в полной мере описать средства вербализации фольклорного концепта *чудо*.

Например, описание *чудесного помощника*, коня, значительно сокращается, теряется формульность в его описании. В описании используются современные реалии: *...ну и погнал, дак весь и асфальт сбил* [Волог. ск. № 58].

Мотив *чудесного исцеления* получает современное звучание и выражается с помощью конструкции *Скорую помощь быстро!* [Волог. ск. № 37].

Мотив *чудесной задачи* также подвержен изменениям. Оповещение о чудесной задаче все чаще приносит почтальон: *целовек и сумка на боку: «А вот, пожалуйста, получите от вашего Императорского Величества пакет, письмо такоё вам* [Волог. ск. № 58].

Сама суть чудесной задачи в целом зачастую остается без изменений, однако детали в ее формулировке меняются, приобретая современное звучание: *От нашева имени величества прошу приехать к нам на искурсию, посмотреть, – царевна сидит на сёмом етажё...* [Волог. ск. № 58].

В рамках данного исследования на материалах сборника «Вологодские сказки конца XIX – начала XX века» также осуществляется попытка изучения речевой характеристики персонажей ВС, участие которых в языковой объективации концепта *чудо* возможно описать с помощью грамматической категории модальности.

² Примеры из текста сборника даны как [Волог. ск. №].

Например, императивные формы используются в ситуациях, когда герой наделяется волшебным средством и его учат, как обращаться с ним. Например, *Ты ими (дубинки) ударь три раза по воротам что-нибудь выдумай, а про меня не говори* [Волог. ск. № 37].

Или формы повелительного наклонения используются в случае, когда помощник выдвигает условие, при котором помощь герою/героям будет оказана: *Съешь у меня яблочкё, дак и скажу, куды гуси-лебеди полетили* [Волог. ск. № 55].

Таким образом, тексты данного сборника демонстрируют несколько иное языковое наполнение элементов структуры ВС. Так, в текстовое пространство активно проникают реалии современного рассказчику общества: «командировка», «учеба», «собрание», «колхоз», «советская власть», «завод» и др.

Традиционные мотивы ВС также претерпевают некоторые изменения. Например, мотив чудесного превращения упрощается, является маркированным с точки зрения реакции удивления героя.

Текстовое пространство сказки становится все более наполнено обозначениями достижений техники: «шлюпка», «револьвер», «мины», «винтовоська», «диноклъ», «Азбука Морзе».

Одним из альтернативных путей для описания концепта *чудо*, а также динамических процессов в нем, в волшебной сказке является анализ новых дискурсивных практик, существование которых возможно в рамках направлений, описываемых с помощью возникающих терминов: неофольклор [3], постфольклор, постпостфольклор [10]. Существование исследуемого нами корпуса авторских наивных текстов (129 текстов вологодских авторов³) стало возможным благодаря проведению международного конкурса «Экологическая сказка» в 2013 по инициативе Вологодского регионального отделения Русского географического общества.

Согласно мнению С.Ю. Неклюдова, «наивная литература» – «это прозаические и поэтические опусы неумелых людей, подражающих образцам “высокой” словесности» [5, с. 8]. Среди традиционно выделяемых типов сказок (бытовая, волшебная, сказки о животных) экологической сказки нет, поэтому заведомо известно, что авторы текстов будут обращаться к особенностям какого-либо вида сказок. Наша задача – распознать среди них особенности сказки волшебной.

На уровне структуры авторские тексты демонстрируют обилие традиционных начинательных (инициальных), финитных формул.

Наблюдаются следующие *начинательные (инициальные) формулы*: *А дело было так: в некотором царстве, в вологодском государстве...* [Экол. ск. № 4].

Нередко встречаются нетрадиционные формы зачина, например стихотворная, указывающая на основное тематическое содержание сказки [Экол. ск. № 81].

На смену традиционным *финитным формулам* приходят новые способы языковой объективации вымышленного содержания сказки. Например, активно используется *мотив сна*, завершающий повествование:

Мама мне приснился удивительный сон, и теперь мне хочется знать как можно больше о насекомых [Экол. ск. № 126].

Сказки, завершающиеся *моралью или морализаторской сентенцией*, нетипичны для русского народа [8, с. 75]. Однако в исследуемых текстах наивных авторов мораль в качестве завершающего элемента повествования встречается очень часто: *Вот и ты друг, помни, что придя в лес, на поляну, на речку могут найтись такие хранители природы, которые также могут поступить и с тобой. БЕРЕГИ ПРИРОДУ!!!!* [Экол. ск. № 54]. Морализаторские сентенции также включают в себя глаголы долженствования: «должны», «надо».

В состав мотивов новых текстов входят многие из традиционных. Так, мотив *чудесного предмета* получает новое звучание, поскольку встречаются случаи самостоятельного получения/изготовления волшебного средства или предмета, что практически невозможно в традиционной ВС: *Давай мы их (драконов страшных) синтетическими моющими средствами обрызгаем! Они губительны для всего живого!; Ребята собрались за синтетическими моющими средствами, да где же столько их соберешь?! Стали они проводить химические реакции, но дело шло медленно. Пришлось привлечь катализаторы, и процесс ускорился* [Экол. ск. № 1].

Мотив *чудесного противника* видоизменяется. Обычно выступающий в роли противника Змей Горыныч оказывается помощником: *...погрузили на верного им Змея Горыныча* [Экол. ск. № 1]. Именование противников может варьироваться даже в пределах одного сказочного текста. Например, такая вариативность обусловлена стихотворной формой написания текста. Баба Яга именуется «злющей бабушкой Ягой», «Бабкой-Ежкой», «Ежкой».

О наделении *пространства* волшебными свойствами становится известно благодаря использованию лексем со следующими корневыми морфемами: *-чуд-* («чудесная страна»), *-сказ-* («сказочный лес»), *-волшеб-* («волшебный лес»), *-див-* («дивный город»), *-загад-* («загадочный лес»). Приписывание чудесных черт сказочному пространству осуществляется с помощью использования в его описании отрицательных членов оппозиции обычное – необычное, обычное – сказочное.

Реалии Вологодского края также находят свое отражение в текстовом пространстве конкурсных работ: *Сказка о вологодской золотой рыбке, или Как мой друг провел лето* [Экол. ск. № 91]; *...которого Кубенским озером кличут* [Экол. ск. № 102]; *Побежала речка к лесу вологодскому и видит...* [Экол. ск. № 112]; *Есть в Устюге большой дворец...* [Экол. ск. № 129].

Ожидаемым является введение в текст места, где живет главный «волшебник» страны, – Великий Устюг, особенно в текстах, созданных детьми. Однако вопреки ожиданиям автор, использующий данную географическую конкретизацию, принадлежит к возрастной категории старше 18 лет. Введение в текст именовании водоемов Вологодской области связано с одной из основных экологических проблем – загрязнение рек, озер и пр.

³ Примеры из конкурсных текстов даны как [Экол. ск. №].

Именования персонажей «экологических сказок» содержат множество традиционных имен: «Баба-Яга», «Змей Горыныч», «Кошей Бессмертный», «Дед Мороз», «ведьмы», «богатырь», «царь».

Активно в сказочное пространство вводится традиционный персонаж Иван-дурак. Вместо привычного слова «дурак» используется эвфемизм «недалекый», «глупый».

Или: *Жил умный, чистоплотный мальчик звали его Ваня. Был у него недостаток – лентяйничество* [Экол. ск. № 38]. В данном случае автор дополнительно квалифицирует лень как недостаток, тогда как в классической ВС происходит всего лишь констатация данного качества. Прилагательное «чистоплотный», видимо, появляется на фоне тематической ориентации текстов, контрастируя с традиционным образом Ивана (Ср. Аф. 179: *Сиди, дурак, на печи, да протирай нос-от!; ...и увидала там Ивана-дурака; платьишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом стоят*).

На уровне состава персонажей и инвентаря традиционных моделей их поведения можно проследить связь «экологических сказок» с некоторыми фольклорными жанрами: «Лесной Дух», «кикимора», «леший», «водяной», «озёрный царь», «Алеша Попович». Среди именований сказочных персонажей встречаются те, что соответствуют тематике конкурса: «Экос», «Злючка-Грязючка», «Хранительница Стихий», «Мать-природа». Сказания других народов и авторских сказок также служат источником пополнения состава персонажей в сказках наивных авторов. Именование нетрадиционных персонажей происходит с помощью лексем: «Гну-Синь», «гномы», «феи», «эльфы», «нимфы», «Злыдень», «Злой Колдун».

В языковой объективации концепта *чудо* в экологических сказках традиционно участвуют лексемы с корневыми морфемами *-чуд-, -волшеб-, -див-, -сказ-*. Множественные прилагательные с корневой морфемой *-чуд-* часто используются в значениях «очень хороший», «прекрасный», «отличный», «очаровательный»: *Они выбрали чудесную полянку, собрали необходимые вещи и отправились отдыхать* [Экол. ск. № 26]. Зачастую лексемами с корневой морфемой *-чуд-, -див-* обозначается реакция удивления на происходящее: *Идёт – по сторонам поглядывает, на мир дивится* [Экол. ск. № 123]; *И тут, о чудо! Она увидела маленькую дырочку. «Ура! Я смогу поплавать в море и стать прозрачной, как роса...»* [Экол. ск. № 65].

Концепт *чудо* (чудесное пространство) дополнительно обозначается следующими лексемами: «места странные», «звери рыщут неведомые», «...необычный каменный лес», «...специальный отвар из корня папоротника».

Таким образом, исследованные нами «экологические сказки» представляют собой корпус текстов, представляющих концепт *чудо*, представление о котором в целом свойственно русской ВС, но в весьма значительной мере трансформированное под влиянием других источников информации о *чудесном* (авторские тексты, компьютерные игры, фольклор других народов, другие фольклорные жанры русского фольклора). Все это доказывает тот факт, что новые формы существования ВС значительно расширяют состав объектов фольклористики, открытых для дальнейшего изучения.

Литература

1. Абышева, Е.М. Концептуальные инверсии: концепт «Чудо» (на материале русских и ирландских пословиц, поговорок, сказок): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абышева Евгения Михайловна. – Тюмень, 2008. – 350 с.
2. Вологодские сказки конца XX – начала XXI века / сост. Т.А. Кузьмина. – Воскресенское: Издательский дом – Принт, 2008. – 307 с.
3. Ложкова, Т.А. Фанатская кричалка и политический дискурс: к вопросу о специфике бытования современного молодежного фольклора / Т.А. Ложкова // Политическая лингвистика. – 2015. – №3 (53). – С. 216–219.
4. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва: Наука, 1984–1985.
5. Неклюдов, С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: Исследования и тексты / сост. С.Ю. Неклюдов. – Москва: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 4–14.
6. Песни и сказки Белозерского края / зап. Борис и Юрий Соколовы. – Москва: Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1915. – 665 с.
7. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
8. Рошияну, Н. Традиционные формулы сказки / Н. Рошияну. – Москва: Наука, 1974. – 217 с.
9. Сказки Белозерского края / зап. Б.М. и Ю.М. Соколовы. – Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1981. – 335 с.
10. Хренов, Н.А. Смена культурных циклов на рубеже XX–XXI веков: передвижение периферийных сфер в центр культуры / Н.А. Хренов // Традиционная культура. – 2006. – № 3(23). – С. 3–23.
11. Lakoff, G. A cognitive science looks at Daubert [Электронный ресурс] / G. Lakoff. – URL: // http://ockridgeinstitute.org/portal_javascripts, 2005.

V.V. Karpova

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTATION OF *MIRACLE* CONCEPT IN RUSSIAN FAIRY TALES (BASED ON VOLOGDA REGION TEXTS OF THE 19th – 21st CENTURIES)

This article aims to analyze linguistic means performing *miracle* concept in Russian fairy tales. The problem of changes in the structure of the folklore concept of *miracle* and in the list of the linguistic means of its representation seems to be relevant because communication in the form of folklore extremely changes in the modern society. Dealing with regional recordings of fairy tales and new discourse practices (i.e. ‘ecological tales’ of naive authors), the author describes some special conditions of *miracle* concept. The frame structure of the concept widens the data under our analyses. The analyses of lexemes, which express the concept under study in the Russian language and Russian fairy tales, helps to extend the basic concept characteristics by including additional meanings into the concept structure.

Concept, conceptualization, concept dynamics, fairy tale, ecological fairy tale.

К.В. Осипова

Уральский федеральный университет

КИСЕЛЬ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ОСНОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА

*Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект 17-18-01351
«Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики»*

В статье рассматриваются севернорусские названия киселя, а также традиции и ритуальные практики, связанные с особенностями приготовления и употребления блюда. Анализ культурно-языковых данных нацелен на выявление основных наименований киселя, их семантико-мотивационных особенностей, а также функций киселя в застолье, в народных календарных и семейных обрядах. Исследование охватывает территорию Русского Севера: Архангельская и Вологодская области, а также северо-восток Костромской области. Материал исследования извлекался из диалектных словарей, этнографических исследований, а также картотек Топонимической экспедиции Уральского федерального университета.

Этнолингвистика, диалектная лексика, русский язык, Русский Север, традиционная культура, обозначения пищи, семантическая реконструкция, фольклор, ритуальные практики.

Территория Русского Севера сохраняет многие русские архаические пищевые традиции и соответствующую группу лексики. В Архангельской и Вологодской областях, а также на северо-востоке Костромской области в ежедневный крестьянский рацион всегда входили жидкие мучнистые блюда – кисели, похлебки и каши, которые ценились за питательность и простоту приготовления. Традиционный мучной кисель отличался от похлебок и каш тем, что требовал предварительной ферментации мучного настоя и только потом – варки. В результате блюдо становилось кисловатым на вкус, вследствие чего в общенародном языке и получило название *кисель*, ср. также диал. *кислый кисель* ‘мучное студенистое кушанье; кисель из отрубей’ (арх.: вель.) [КСГРС; СРНГ: вып. 13, с. 234], *кисель овсяный* ‘кисель из овсяной муки или крупы’ (волог.: вашк., вологод.): «Опишем овсянку пестом, а из муки киселя овсяного и наварим» (волог.: вашк.) [СРГК: вып. 4, с. 212; Тенишев, т. 5, ч. 1, с. 512]. Употребляли кисель не как основное блюдо, но в качестве напитка или десерта, подаваемого после остальных угощений. Приготовление подобных кашеобразных блюд из заквашенной муки было знакомо многим восточным и западным славянам. Внутренняя форма слова *кисель* (ср. *кислый*) позволяет соотнести его с польск. *żur* ‘похлебка из заквашенной ржаной или овсяной муки’, которую принято рассматривать как заимствование из нем. *sauer* ‘кислый’ [10, с. 730–731]. Из польского языка это слово пришло в другие восточнославянские и западнославянские языки: укр. *жур*, *джур*, блр. *жур*, чеш. диал., луж. *žur* [10, с. 730–731].

Собранные в статье названия киселя в говорах Русского Севера отражают особенности традиционного приготовления блюда и его роль в застолье, а в совокупности с комплексом обрядовых фактов позволяют выявить его культурную символику. Следуя

принципам этнолингвистического анализа, разработанным Е.Л. Березович и ее учениками [см. 2; 3; 6; 7 и др.], комплекс традиционных представлений, связанных с киселем, реконструируется с опорой на семантико-мотивационные связи слова, его внутреннюю форму. Языковые значения рассматриваются в совокупности с функциями соответствующего знака в фольклорных текстах и народной культуре. Материал исследования извлекался как из опубликованных источников – диалектных словарей и этнографических исследований, так и картотек Топонимической экспедиции Уральского федерального университета.

Современное слово *кисель* ‘густой напиток, обычно с добавлением крахмала’, как и соответствующее блюдо, не было свойственно севернорусской кухне, поскольку картофель и картофельный крахмал появились здесь довольно поздно. С появлением крахмала основным признаком киселя стала его студенистая консистенция, тогда как традиционно кисель представлял собой заквашенное, кисловатое на вкус кушанье из муки. Вместе с заимствованием нового блюда пришла и современная технология приготовления, предполагающая варку густого напитка, обычно из ягод или молока. Различные по составу кисели часто дифференцировались через цветообозначения: *белый кисель* ‘кисель на молоке’ (арх.: прим., костром.: парф.), ‘кисель из овсяной муки’ (арх.: пин., костром.: кад.) [АОС: вып. 1, с. 157; Ефименко, т. 2, с. 68; ЛКТЭ], *красный кисель* ‘ягодный кисель’ (арх.: прим., костром.: кад., солиг., парф.), *черный кисель* ‘кисель из варенья’ (костром.: парф.): «Киселей наварят всяких: черный кисель на вареньях, на ягодах, белый кисель – манный или картофельный на молоке, а красный кисель – только у красной ягоды» (костром.: парф.); «Красный кисель – на ягодах, на бруснике, на клюкве» (арх.: прим.) [АОС: вып. 1, с. 157; ЛКТЭ].

Кисель, который варили из молока, называли *белый кисель* или *овиденник* ‘молочный кисель’ (волог.: тарн.) [СВГ: вып. 6, с. 14], поскольку молочный кисель не требовал заквашивания и варился быстро, «в этот же день», ср. *овидень* ‘за один день’ (волог.: к-г.) [СВГ: вып. 6, с. 14]. Как отмечает И.С. Лутовинова, в древнерусском языке название *белый кисель* могло использоваться для обозначения овсяного киселя, при этом «прилагательное *белый* не имеет здесь цветового значения, оно значит как бы отсутствие цвета, бесцветность» [8, с. 31].

До появления современного киселя на Русском Севере основным напитком подобного типа был **овсяный кисель**. Для его приготовления овсяные отруби или муку настаивали на воде до закисания, после чего процеживали и варили; готовый кисель ели теплым с маслом или холодным с молоком или сладкой водой: «Овса насушим, возьмем сходим на таком жернову надерем, потом кладем в посудину, мелко натяпам, процедим, одну воду полагаем, в воду засекам, водужкой сладкой захлябываем, вот и кисель получается сладкой» (волог.: выт.) [СРГК: вып. 2, с. 198]. Севернорусская практика приготовления овсяного киселя соотносится с аналогичной традицией, отмеченной у других народов Северной Европы: как отмечал О.Н. Трубачев, овсяные каши были характерным кушаньем этой территории и их древние славянские названия встречаются главным образом в северных славянских языках [10, с. 726]. По наблюдениям И.С. Лутовиновой, основанным на материалах древнерусских памятников и псковских говоров, именно овсяный кисель был наиболее древним вариантом киселя; уваривали мучной кисель довольно густо — чтобы можно было есть ложкой или резать на куски [8, с. 30].

В Архангельской обл. и некоторых районах Вологодской обл. жидкий раствор для варки овсяного киселя называли *кеж* (арх.: карг., няд., холм., волог.: выт.): «Мякину да отруби заквашивали, а кеж будет, закиснет — дак потом процедим, потом отстоится, сольём, втору воду нальём, нальём этого кежу и заваривам кисель» [СГРС: вып. 5, с. 114]. Слово *кеж* называло также напиток из холодной воды с овсяной мукой (олон., арх.: карг.), отстой из ягод, употребляемый для приготовления киселя (арх.: шенк.) [СРНГ: вып. 13, с. 175; СРГК: вып. 2, с. 338], и раствор из овсяной муки, используемый при выделке овчин (арх.: карг.) [СРГК: вып. 2, с. 338]. Единично встречаются фонетические варианты *чеж* ‘овсяная болтушка’: «Блины натворят овсяные, чеж остаётся. Воды добавят и ходит. Пили овсяный чеж, как кисель, как болтушка» (волог.: баб.) и *тежь* (слово восстановлено из контекста): «Поменьше тежи класть, и кисель негустой будет, помягче» (волог.: выт.) [СРГК: вып. 3, с. 280].

М. Фасмер соотносит форму *кеж* с сущ. *цежь* ‘жидкий, процеженный раствор овсяной муки’, образованную от гл. *цедить* [11, т. II, с. 221]. Эту же версию предлагает Этимологический словарь славянских языков, рассматривая лексемы *кеж*, *цеж* как производные с суф. *-j-* от основы глагола **cěditi* [12, вып. 3, с. 175]. Наблюдения С.М. Глушкиной показывают, что в северо-западных говорах широко представлены лек-

семы, сохраняющие исконный заднеязычный перед *e* (<*oi): *кеж*, *кевка*, *кеп* [5, с. 24–25]. Согласно приведенному ей суждению И. Калимы о судьбе севернорусского *кеж*, «из олонечких говоров русского языка слово *кеж* проникло в соседние западнофинские языки — карельский и олонечкий»: в карельском представлена форма *keiZa*, в олонечком — *keiZu* [6, с. 24]. Предложенную версию происхождения сущ. *кеж* поддерживает и Е.Л. Березович: «наличие *к* в форме *кеж* на месте *ц* объясняется непоследовательностью палатализации *к* перед *ě* < *oi в северо-западных великорусских говорах» [4, с. 328].

Лингвогеографические наблюдения показывают, что формы с начальным *к*- ограничены преимущественно юго-западными районами Архангельской области (Каргопольский, Холмогорский, Шенкурский районы) и прилегающим к ним Вытегорским районом Вологодской области, а также Карелии (Медвежьегорский, Пудожский районы) [СРГК: вып. 2, с. 338–339]. Можно предположить, что изоглосса формы *кеж* входит в северо-западный ареал, где палатализация *к* перед *ě* < *oi произошла непоследовательно. На прочих территориях, где переход *к* > *ц* регулярен, встречается именно форма *цеж*.

Севернорусское *кеж* наследует значения др.-рус. *цѣжь* ‘раствор для киселя’, ‘жидкий процеженный раствор овсяной муки’ [12, вып. 2, с. 175] и родственно диал. *цеж*, *циж* ‘жидкий процеженный раствор овсяной муки на кисель; пакисель, сулой, водяной отстой от замесу, от киселя’ [Даль: т. IV, с. 576], *цеж* ‘выпаренный из брусники и подслащенный патокою или медом сок, с которым едят толокно’ (арх.: шенк.) [Подвысоцкий: с. 186], ‘кушанье из толокна и размятых ягод, закваска для теста, жидкая часть похлебки; жижка’ [КСГРС], *цѣжа* ‘забелка’, приправа к шам из заболтки овсяной муки’ [Даль: т. IV, с. 576] и др. Все значения приведенных слов *кеж* и *цеж*, имеющие разную относительную хронологию, связаны с этимологической семантикой ‘процеженная жидкость’: так называли сцеженную жидкость с грубого мучного остатка или ягод. Исторические связи севернорусского слова *кеж* с древнерусским *цеж* и сохранение непалатализованного варианта говорят о том, что на территории Русского Севера в практически неизменном виде сохранилось и соответствующее блюдо древнего рациона русских.

В Костромской обл. настой из овсяной муки, используемый для приготовления киселя, называли *сулой* (костром.: буй., галич., ней., нерехт., солиг., чухл.) [Ганцовская; ЛКТЭ; СРНГ: вып. 41, с. 223]: «Сулой из овсяных хлопьев. Я затворила кисель овсяный. Процеживаешь в душлак. Белое, как молоко, — сулой» (костром.: парф.) [ЛКТЭ]. *Сулой* часто употребляли, не подвергая варке, как холодный напиток: «Сулой — когда нет квасу и браги, готовят сулой — из просеянной муки: горсть муки на ковш (пять стак[анов]) холодной воды, взболтают и пьют; сулой пьют больше вечером» (вель.) [Тенишев, т. 5, ч. 1, с. 56]; «Больно добро было, сулой-то пить на поже, когда жарко бывает» (волог.: сямж.) [СВГ: вып. 10, с. 156–157]. Иногда в *сулой* добавляли сладкую воду или ели с ним готовый кисель (волог., костром.) [ЛКТЭ; КСГРС].

Слово *сулой*, образованное от основы **li(ti)/*loi* с помощью приставки *су-*, отразило технологию приготовления киселя, для которого использовали настой, слитый с овсяной муки. Территория распространения слова *сулой* 'настой на овсяной муке; кисель из такого настоя' образует единый ареал, охватывающий Верхнее Поволжье, западные районы Костромской области, а также примыкающие к ней бывшие Кадниковский и Тотемский уезды Вологодской области. В этом же значении слово *сулой* отмечается в соседней Ярославской области (Рыбинский, Даниловский районы).

Костромские названия *посеянкино молоко* 'настой из овсяной крупы, хлопьев, употребляемого с киселем' (костром.: буй.) [Ганцовская], *высеки* (**высейки*) 'кисель из ячневой муки': «У него и дома высеки-то есть, это ясную муку просеют и мякинки и заваривают, мелку-то добавляют и кисель наварят» (костром.: вохом.) [ЛКТЭ] восходят к гл. *сеять*. Они также мотивированы технологией приготовления киселя, настой для которого готовили из остатков от просеивания муки, ср. *высейки* (костром. вохом., кадый., мант.) [ЛКТЭ], *высевки* 'отходы от просеивания муки или помола зерна, отруби' (арх.: шир. распр.): «Сеют муку-то, а кожуха-то остаются, дак высевки-то, овсяный кисель варили из высевков-то» (онеж.) [АОС: вып. 8, с. 183].

Вологодское и костромское название *брат* 'раствор овсяной муки для варки киселя' [СРНГ: вып. 3, с. 152], возможно, стоит сравнить с общенар. *обрат*, *обрата* (волог., вят., костром., новг., яросл.) 'обезжиренное сепаратором молоко' [СРНГ: вып. 22, с. 194, 196; ЛКТЭ]. Сопоставление киселя и молока не раз встречается в диалектных примерах и контекстах, поскольку раствор овсяной муки имел светлый молочный цвет, ср. упомянутое выше *посеянкино молоко* 'настой из овсяной крупы' (костром.: буй.) [Ганцовская]; «Молока не было, мама сулой делала из овсяной муки. Холодной кипячёной водой зальют овсяную муку, как молоко, белое сделается» (волог.: вож.) [СВГ: вып. 10, с. 156–157]. Овсяный раствор, наряду с молоком и сметаной, мог использоваться для «забеливания» щей.

Как блюдо, входящее в том числе в состав детского рациона, овсяный кисель получил название *лошадкин супчик*: «С детками говорили: поешь-ко лошадкина супчика» (костром.: окт.) [ЛКТЭ]. Обозначение *супчик* вписывается в ряд других наименований киселя, сопоставляющих его с жидкими похлебками, ср. *похлёбка*, *похлёбочка*: «Раньше кисель варили жидкий, похлёбкой звали, а густой – так это кисель» (арх.: онеж.) [СРГК: вып. 5, с. 120], *похлёбка* 'кисель из клюквы, более густой, чем похлёбка' (арх.: холм.) [СРНГ: вып. 30, с. 349], *хлёбень* (костром.: чухл.) [Ганцовская], *щи по-кисельному* 'похлёбка из кваса и ржаной муки' (волог.: кир.) [СВГ: вып. 12, с. 115]; *овсяный суп* 'постный суп из овсяной крупы' (костром.: вохом.) [ЛКТЭ].

Название овсяного киселя *щи стёганные* (волог.: кир.) [СВГ: вып. 10, с. 124], кажется, можно истолковывать как «блюдо, приготовленное из размолотого овса». Среди значений глагола *стегать* в русских говорах, в том числе и на северной территории, встречаются те, что связаны с обработкой, помолом зерна, ср.

стегать 'выбивать зерна из снопов, молотить' (твер., яросл.), 'бросать, кидать, швырять' (арх.: холм.) [СРНГ: вып. 41, с. 112], 'толочь, размельчать что-л.' (ленингр.) [СРГК: вып. 6, с. 325], а также 'с силой ударять, бросать чем-л., разбивая, нарушая целостность чего-л.' (волог.: сямж.) [СВГ: вып. 10, с. 124]. Связь значений 'бить, драть, раздирать' и 'молоть, молотить зерно' характерна и для гл. *драть*, семантически близкого гл. *стегать*, ср. *дрануха* 'молотая рожь, из которой варили жидкую мучную кашу' (волог.: бел.) [СГРС: вып. 3, с. 265], *драніна* 'овсяная мука с отрубями' (петерб.), *дранка* 'мука крупного помола' (север.) [СРНГ: вып. 8, с. 170], *разодра́ть* 'размолоть' (волог.: выт.) [СРГК: вып. 5, с. 428]. Именно такое «разодранное» зерно шло на приготовление киселя и мучных похлебок: «Сварят дрануху, загуста будет, ели, прихваливали» (волог.: бел.) [СГРС: вып. 3, с. 265], «Овсяный кисель когда варили, то овес раздерут, а потом размочат» (волог.: выт.) [СРГК: вып. 5, с. 428]. Основа со значением 'бить, драть' в обозначениях жидких похлебок встречается не единично. Так, диалектное, преимущественно южнорусское *кондёр* 'пшеничный суп (обычно заправленный салом или маслом с луком)': «От кондеру ноги задеру» [СРНГ: вып. 14, с. 246] О.Н. Трубачев сопоставлял с *драть* 'шелушить', выделяя приставку *ко-* и вставной элемент *н* (см. [10, с. 179]).

Кисель из **ржаной муки** готовили в основном в Архангельской области, где его называли *житной* или *белый кисель* (в противоположность *красному* киселю, который варили из ягods): «А белый кисель – это муку-то житную просеют, так жмыхи останутся, их в воде помочить, потом процедить, каша така будет – так и называется житный кисель» (арх.: шенк.) [АОС: вып. 14, с. 163]. Вологодское выражение *короткий кисель* 'кисель из ржаной муки' (гряз.) [СГРС: вып. 6, с. 59], возможно, объясняется быстротой приготовления ржаного киселя: в отличие от овсяного, ржаной и ячменный кисель часто готовили не заквашивая, но просто заваривая муку. Мотив быстрого приготовления ржаного киселя отразился и в названии *крутик*: «А крутик и кисель такой звали. Затворишь квашню, снимешь из утра пенки, кипятком заварят, так кисель и получается, с постным маслом едят» (волог.: вашк.) [СРГК: вып. 3, с. 36] – временное значение прил. *крутой* 'быстрый' проявляется и в таких обозначениях, как *крутоварка* 'суп, который готовится быстро, на скорую руку' (арх.: котл., волг.: в-уст.) [СГРС: т. 6, с. 196], а также *круто* 'быстро, проворно' (арх., волг.) [СРГК: вып. 3, с. 37; СРНГ: вып. 15, с. 329].

В традиционном рационе некоторые разновидности киселя занимали промежуточное положение между напитками и жидкими кашами. Так, многие названия ржаного и ячменного киселя образованы от сущ. *каша*: *водяная каша* 'горячий кисель из ржаной муки' (арх.: холм.) [СРНГ: вып. 13, с. 146–147], *прокаши* (арх.: пин.), *прока́шье* (арх.: шенк.) 'кисель из ячменной муки' [СРНГ: вып. 32, с. 154]; *растворна́ каша* 'сваренная жидкая похлёбка из ржаного квашеного теста в виде киселя' (карел.: беломор.) [Дуров: с. 356], *мученка* 'кисель из ячневой муки' (арх.: онеж., шенк.) [СРНГ: вып. 19, с. 41].

Загадочным кажется белозерское название ягодного киселя *уро́чин кисель*: «Кисель варили, урочин кисель, с ягод вари кисель» [РГБ: с. 455]. Приготовление киселей-жидких мучнистых каш с ягодами было свойственно и финно-уграм: так, например, название *ляс* 'кисель из сушеной, истолченной в порошок черемухи или черники' (арх., волог.) считается заимствованием из коми *l'az* 'то же', от ханты *lus* [11, т. II, с. 550].

На Русском Севере готовили **гороховый кисель**, который ели в постные дни с растительным маслом и нередко варили в голодное время: *горо́ховник* (костром.: буй., галич., солиг., чухл.) [Ганцовская; ЛКТЭ], *кисель* (волог.: баб.) [СРНГ: вып. 13, с. 227]. Его варили, взбалтывая, растирая (*хлопая*) мутовкой гороховую муку, что отразилось в названии *хлопанец*: «Хлопанец: воду кипятить, ставишь под кран, мучку подсыпашь и хлопашь» (костром.: шар.). В шутку, подразумевая действие на пищеварительную систему, гороховый кисель называли *кисель-пердун* (костром.: окт.). Употребляли его и в холодном виде: застывший кисель разрезали кубиками и поливали льняным маслом (галич.) [Ганцовская].

Основой для последующего семантического развития слов со значением 'кисель' стало представление о густой, вязкой, желеобразной консистенции напитка. В Костромской обл. *киселем* называли неудачно сваренное пиво (костром.: вохом., окт., пав.), поскольку в случае неправильной варки пиво становилось киселеобразным и не сливалось: «Не сойдет сусло – кисель сварил» (костром.: вохом.) [ЛКТЭ]. Чтобы пиво не получилось, пивовара дразнили *кисель на пожаре!* (костром.: вохом.) [ЛКТЭ]. Специфическая желеобразная консистенция обыгрывается и в выражении *лягуша́чий кисель* 'лягушачья икра' (волог.: баб.) [КСГРС]. Возможно, клейкой и густой консистенцией киселя объясняется запрет облизывать мутовки, которыми мешали кисель, чтобы не «слиплись» глаза или ум: женщинам и девицам, чтобы не ошибиться при вышивке на полотенцах узоров; а детям, чтоб не быть тупоумными при обучении грамоте (арх.: пин.) [Ефименко: ч. 1, с. 184].

Образ киселя встречается в метафорических обозначениях жидкой, вязкой грязи и мутной воды, ср. *кисель* 'жидкая грязь' (костром.: вохом., окт.), *кисель гороховый* 'о хлоплюющей грязи': «Идешь, хлопашь как киселем гороховым по грязи-то» (костром.: окт.) [ЛКТЭ], *кеж* 'грязная вода': «Кеж кежем течёт, ни белины выполоскать, ни чаю попить, вода худая, грязная...» (волог.: выт.) [СГРС: вып. 5, с. 114]. В данном случае срабатывает устойчивая метафора 'каша; мучная похлебка; гуща' → 'жидкая грязь', которую поддерживают такие примеры, как *тепня, тепенка* (волог., вят.) 'толокно на квасу, ягоды на квасу, месиво', 'липкая, вязкая грязь' [Даль: т. IV, с. 400]; *бурдомáга* 'название слабоалкогольного напитка домашнего изготовления' (арх., волог.), 'плохо приготовленная похлебка' (волог.), 'мутная грязная вода, болотная жижа' (волог.) [КСГРС]; *дежня* 'кушанье из творога, густо замешанного с толокном' (арх.: уст., волог.: в-важ., в-уст.), 'топкая грязь' (арх.: котл.) [СГРС: т. 3, с. 202].

Дальнее родство символизировал жидкий, неконцентрированный настой, который сливали с мучной

гущи при приготовлении киселя: *девятая вода с киселя слита* 'о дальних родственниках, «седьмая вода на киселе»' (волог.: в-важ.) [СГРС: т. 3, с. 193]. Этот пример вписывается в ряд метафорических выражений, представляющих концентрированные и жидкие напитки через систему родственных связей: так, образы отца и сына обыгрываются в названиях крепких и разбавленных спиртных напитков, ср. *отец* (арх.), *тятка* 'крепкий спиртной напиток' (волог.) [КСГРС], *женить* 'развести алкогольный напиток водой' (арх., волог.) [СГРС: т. 3, с. 356], *сын, сынок* 'квас, пиво или брага второго налива' (арх.) [Даль: вып. 4, с. 375], *пасынок* 'самогон второго разлива' (арх.) [КСГРС] и др. Основой для метафорического образа становилась и гуща, оставшаяся от слива мучного настоя: как не пригодная к употреблению, она символизировала скупость, ср. *кисельны вы́жимки* 'дразнят скупых' (арх.: карг.) [Куликовский: с. 37].

Выражения *за девять дорог киселя хлебать* 'далеко, на неопределенное расстояние' (арх.: в-т.) [СГРС: т. 4, с. 57] и *киселя хлебать* 'участвовать в убытках, в невыгодной сделке' (беломор.) [Дуров: с. 168] мотивированы непритязательностью и простотой киселя, который, хоть и подавался за трапезой как угощение, не составлял основного, сытного блюда для гостей, а потому поездка «киселя хлебать» расценивалась как невыгодная и не стоящая долгого пути. Тем не менее, кисель считался лакомством и воплощал представления о пищевом изобилии и сытной жизни, ср. *берега кисельные* 'богатое рыбными промыслами побережье, обильное рыбой побережье моря в губе' (карел. беломор.) [Дуров: с. 168], а также общенар. *молочные реки-кисельные берега* 'о сытой, привольной жизни'. Приготовление лакомого киселя, притягивающего множество желающих его попробовать, обыгрывается в выражении *как около кисельной кадцы* 'о суматохе' (волог.: кадн.) [СРНГ: вып. 13, с. 228].

Возможно, именно мотив лакомства, удовольствия объясняет вологодское *кисельничать* 'есть кисель' (сямж.), 'участвовать в праздничном собрании юношей и девушек за столом, во время которого ели кисель и целовались': «Ой, весело, девки, было, как кисельничать-то пойдем» (сок.) [СВГ: вып. 3, с. 58]. Угощение киселем, как и сладкой, вкусной пищей, было связано с представлениями о телесных наслаждениях, поцелуях, ср. *подсла́щивать водку* 'целоваться молодым на свадьбе под крик гостей «горько»' (волог.) [СРНГ: вып. 28, с. 184], *пить сы́чёное* <подслащенная медом вода> 'быть на сговоре, на помолвке, где молодые должны сыттить горькое вино по требованию гостей, т. е. целоваться' [Даль: вып. 4, с. 377], *сластить, сластиться* 'целоваться на свадьбе под крики «горько» (о женихе и невесте)' (костром.) [СРНГ: вып. 38, с. 236].

Застолье. Кисель, наряду с хлебом и щами, входил в число основных блюд крестьянского рациона: «У нас ведь не купно, дай не масляно, не пирожно, только хлеб да соль, кисель да щи» (волог.: выт.) [СРНГ: вып. 27, с. 42]. Кисель употреблялся и как повседневная, и как праздничная пища, которая имела постный и скоромный варианты. Овсяный кисель считался праздничным блюдом у поморов [Дуров: с. 243]. В постные праздничные дни в Архангельской

обл. варили *белый кисель* из овсяной муки с ягодами и маслом (арх.: пин.) [Ефименко: ч. 2, с. 68]; в Костромской области готовили овсяный и *красный*, ягодный кисель [ЛКТЭ]. В Вологодской губ. в скоромные дни крестьяне завершали трапезу молоком, а в постные – крестьяне побогаче ели кисель с суслом, победнее – ржаной кисель (волог.) [Тенишев: т. 7, ч. 2, с. 562, 574]. К празднику кисель варили в больших чанах, для нагревания опуская в них горячие камни: такой кисель называли *кисель на камнях* (волог. ник., сямж.) [КСГРС]: «Туда опускали камень, к нему ведь пригорит, пену-то робятишки обчищали, ее ведь любили. Это и ешь кисель на камнях. Его варили к большим праздникам, к Николину дню» (сямж.) [СВГ: вып. 3, с. 58].

Кисель был одним из любимых крестьянских блюд и символизировал всякое угощение: *Где кисель, тут и сел* ‘где наварен кисель, тут тебе и угощение’ (карел. беломор.) [Дуров: с. 168]. В сочетании с молоком, суслом или сладкой водой кисель считался лакомством. Обычно кисель подавали в конце трапезы как более легкую пищу, которая к тому же способствовала хорошему пищеварению, ср. *с киселя жопа веселá* (арх.: пин.) [АОС: вып. 14, с. 289]. Обычай завершать трапезу киселем обусловил его символическое использование в качестве разгонного блюда, которое подавалось в конце обеда, намекая гостям, что пора расходиться*. Названия киселя как последнего блюда образованы от глаголов с семантикой ‘выгонять, выталкивать, выпроваживать’, например:

гон-: *выгон*: «Этот кисель принесут, уж выгон, уходить» (арх.: пин.) [АОС: вып. 6–7, с. 168], *выгонщик*: «Наконец выгонщика приносят; как кисель положат на стол, не дожидая, что выгонят – выгонщик прошоу» (волог.: выт.), *выгоняй*: «Сидит компания кака – выгоняй несут, пора честь знать» (арх.: вель.), *выгоняло* (волог.: тарн.), *выгоняха* (арх.: плес.) [СГРС: т. 2, с. 217–218], *кисель-погонялка*: «Блюда не все сразу выставят, а меняют ходят, и все сидят, никто не выходит; как кисель погонялку принесут – значит, всё» (арх.: плес.) [СГРС 5: 148], *погонялка* (арх.: карг.) [1, с. 52], *розгона* (арх.: мез.) [АОС: вып. 13, с. 33], *кисель выгонятый* (костром.: парф.), *разгонщик* (волог.: у-куб.) [СВГ: вып. 9, с. 13]. «Разгонная» семантика у представленных слов могла появиться в том числе на фоне значения ‘кнут’, которое естественно сочетается с идеей разгона, выпроваживания, ср. *погонялка* ‘кнут’, ‘кисель’ (волог.: баб.): «Кисель гонит. Кисель – погонялка. “О, погонялку несут, надо со стола выходить!”», *кисель-погоняльщик* (волог.: баб.) [КСГРС];

шиб-: *вышибала* (арх.: карг.) [1, с. 52], *вышибало* (арх.: карг., волог.: баб.), *вышибаловка*, *вышибаловка пришла* (волог.: баб.): «Кисель подадут – “О вышибаловка пришла!”: кисель пришёл на стол, так значит уходи» [КСГРС];

би(ть): *выбивало* (волог.: баб.) [КСГРС];

выжва(ть): *кисель-выживатель* (костром.: ней.): «Кисель-выживатель – все вылезайте из-за стола, последнее блюдо» [ЛКТЭ].

Когда вербальный знак был неуместен и мог обидеть обедающих, хозяева подавали кисель и таким образом, не нарушая этических норм, сообщали гостям о завершении трапезы.

Народный календарь. Кисель, будучи праздничным блюдом, готовился к крупным церковным датам. Например, в Семенов день (1/14 сентября) в Костромской обл. варили «белый кисель на молоке, красный – с ягодами» (костром.: парф.). Часто кисель готовили в день Вознесения Господня: считалось, что вместе с паром от киселя Иисус Христос поднимается на небеса: «В Паску, видишь, Христос на землю спускается, а в Вознесенье день он поднимается. Утром рано этот кисель и варят и приговаривают: “Иисус Христос уж полетел на небеса на этом пару”» (костром.: пыщ.) [ЛКТЭ]; «На Вознесенье варили на камнях кисель, не крахмальной. И выносили его на улицу – Иисус Христос на этом парку поднимается на небеса» (волог.: ник.) [КСГРС]. Кисель обязательно варили на камнях, а пар от киселя символизировал весеннее тепло, которое Иисус спускает с небес. Кроме того, считалось, что пар от киселя, бесплотная, воздушная субстанция, способен поднять душу, Иисуса Христа на небеса: «Кисель варили в Вознесенье день, от киселя-то пар, и на этих парах поднимается Иисус Христос на небеса и тепло нам отпускает. Говорили, что с Вознесенье дня будет тепло» (волог.: ник.) [КСГРС]. Чтобы Иисусу Христу было легче подняться на небеса, горячий кисель выставляли на окно или выносили на улицу. Приготовление киселя в день Вознесения (на сороковой день после Пасхи) вписывается в традицию готовить кисель к поминальным дням, связанным с обычаями проводов души.

Сельскохозяйственные обряды. Кисель варили в день окончания жатвы: так, в Шарьинском р-не Костромской обл. овсяный кисель готовили из первого овсяного снопа, принесенного в дом [ЛКТЭ].

Семейные обряды. Свадьба. Кисель был элементом ритуалов, связанных с проводами невесты, ее прощанием с родительским домом. В свадебных причитаниях и песнях, обращенных сватам, невеста и ее подруги желали сватам *киселем задавиться*, ср. «Ему киселем подавиться, / Молоком охлебаться, / На печи заблудиться» (волог.) [СРНГ: вып. 25, с. 32]; «Тысяцкой, за столы сядеш кушати – пирогом заколотися, киселем захлебнутися» (арх.: онеж.) [АОС: 3]; «”Отставало” поют. Когда ей просватают, дак вот подруги, девки ли, старухи ли, бабушки поют: “Рос-просватали девку красную...” – поют песню. Вот тут сватов-то и ругают. Что вот тут тебе “киселем задавиться, молоком захлебнутися...” Там долгая [песня], назбирают каждое место, сватоф ругают, што уведят дефку» (арх. карг.) [БДКА: Лядины-Бутино].

В Костромской обл. на свадьбах было принято пить *сулой* (буй., чухл.) [Ганцовская]. Завершал свадебное угощение овсяный кисель с суслом или молоком, который называли *выгон* (арх.: пин.) [СРНГ: вып. 13, с. 154], *кисель-выгоняла* (костром.: парф.) [ЛКТЭ]. Здесь же кисель подавали в завершении главного свадебного застолья, после которого поздно вечером устраивали *красный стол*, где подавали в основном закуски и сладости: «Сначала щи, потом лапша и каша, потом кисели. А потом уже и закуски.

* О разгонной функции киселя и других блюд см. также [9].

Сначала был как бы полный обед, а потом ночью – красный стол. Тут уже всё-всё-всё. Все и сладости, и пироги; «После венчания накрывали обед: пироги, холодец, кисель. Кисель густой делали – ножиком его резали. Кисель – гостей из-за стола выгонять. После него накрывают красный стол. Там пиво, водка, закусок разных соберут» (парф.) [ЛКТЭ].

Поминальный обряд. Кисель был обязательным блюдом поминальной трапезы. В поминальные дни варили овсяный, реже – пшеничный кисель, который ели с супом или молоком (волог., костром.) [Потанин: с. 194; Тенишев: т. 1, с. 361]. Иногда для сладости в кисель добавляли мед, при этом не разливали по стаканам, а ели ложками из общего блюда [1, с. 52–53]. В Бабаевском районе Вологодской обл. существовала традиция на сороковой день устраивать *три застолья*, т.е. помянуть кутьей, блином и киселем: «В сорочину три застолья надо накормить – помянуть кутьей, опёканичком. Последняя ложка – поминают киселём» [КСГРС].

Как и на других трапезах, кисель на поминках подавали в завершении обеда. Поскольку кисель был последним блюдом, именно ту ложку, которой ели кисель (*поминальная ложка*), гости забирали с собой (костром.: чухл.) [Ганцовская]. В Олонецкой губернии на поминках сорокового дня после того, как подадут кисель, пели «вечную память» и провожали покойника на кладбище [1, с. 52]. Обязательность приготовления киселя к поминальной трапезе сделала его символом ухода на тот свет, что отразилось в костромском выражении *быть накануне киселя* ‘быть слабым, немощным, больным’: «Они и в то-то время были накануне киселя, а теперь уж и нет вовсе» (костром.: вохом.) [ЛКТЭ].

Киселем угощали покойников в поминальные дни. «В Череповецком районе Вологодской области со второго дня после похорон в течение сорока дней каждый день на стол клали хлеб, ставили тарелку киселя и вокруг тарелки клали 12 ложек, чтобы покойники ели. Каждый день ставили новый кисель; старый съедали дети» [1, с. 48–49]. В поминальные субботы в Белозерском уезде Вологодской губернии главным угощением был кисель в большом блюде [1, с. 48–49].

Родины. На родинах кисель употреблялся редко. Так, в Костромской области соседки приносили родильнице гороховый или овсяный кисель, *тесто* (‘род каши из ржаной муки и солода’), редьку и ржаной пирог [Тенишев: т. 1, с. 234, 283].

В диалектной лексике Русского Севера сохранились названия жидких блюд из заквашенной овсяной или ржаной муки, которые входили в состав традиционного рациона русских – *кеж, сулой, водяная каша* и пр. Слово *кисель* в современном значении практически не употреблялось: скорее всего, оно пришло на рассматриваемую территорию позже, вместе с заимствованием технологии приготовления киселя на основе крахмала. Кисель считался лакомым, но не очень сытным блюдом; его ели в посты и межгovenья, подавали как повседневное и праздничное блюдо. Несмотря на то что кисель редко служил главным угощением, его завершающая, разгонная роль в застолье и

обрядовых трапезах была настолько устойчивой, что получила лексическое выражение (*кисель-выгонщик, разгонщик, выживатель* и пр.). Основная функция киселя проявлялась в ситуациях проводов и прощания: это было последнее угощение, которым выпроваживали гостей, образ киселя встречался в свадебных песнях и причитаниях, в которых невеста прощается с родным домом, киселем провожали покойника на поминальной трапезе.

Литература

1. Алексеевский, М.Д. Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре Русского Севера XIX–XX в. (на материале похорон.-помин. обрядов и причитаний): дис. ... канд. филол. наук / Алексеевский М.Д. – Москва, 2005. – 193 с.
2. Березович, Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е.Л. Березович. – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – 488 с.
3. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – Москва: Индрик, 2007. – 600 с.
4. Березович, Е.Л. Русское диалектное *кижи* ‘черви в рыбе’ / Е.Л. Березович // Материалы и исследования по русской диалектологии. I(VII): к 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. – Москва: Наука, 2002. – С. 325–332.
5. Глушкина, С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) / С.М. Глушкина // Псковские говоры. Сборник статей / отв. ред. Б.Л. Богородский (Памяти Б.А. Ларина. Труды Второй Псковской диалектологической конференции 1964 года). – Псков, 1968. – Вып. II. – С. 20–42.
6. Кривошапова, Ю.А. Русская этимологическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук / Кривошапова Ю.А. – Екатеринбург, 2007. – 252 с.
7. Леонтьева, Т.В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции: дис. ... д-ра филол. наук / Леонтьева Т.В. – Екатеринбург, 2015. – 427 с.
8. Лутовинова, И.С. Слово о пище русской / И.С. Лутовинова. – Санкт-Петербург: Авалон, Азбука-классика, 2005. – 288 с.
9. Пьянкова, К.В. О каше-разгонихе и киселе-выгонщике / К.В. Пьянкова // Живая старина. – 2008. – № 2. – С. 23–25.
10. Трубаев, О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура: в 2 т. / О.Н. Трубаев. – Москва, 2004. – Т. 1. – 800 с.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Москва, 1964–1973. – Т. 1–4.
12. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубаева (вып. 1–31), А.Ф. Журавлева (вып. 32–). – Москва, 1975–. – Вып. 1–.

Источники

- АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. – Москва: Изд-во МГУ, 1980–2015–. – Вып. 1–.
- БДКА – Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции РГГУ (лаборатория фольклора РГГУ, Москва).
- Ганцовская, Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи (с эпицентром акающих говоров). – Рукопись.
- Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Москва, 1955. – Т. 1–4.
- Дуров, И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И.М. Дуров. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011.

Ефименко, П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии / П.С. Ефименко. – Москва, 1877. – Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта.

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Куликовский, Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г.И. Куликовский. – Санкт-Петербург, 1898.

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Подвысоцкий, А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А.И. Подвысоцкий. – Санкт-Петербург, 1885.

Потанин, Гр. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотмы (Продолжение) / Гр. Потанин // Живая старина. – 1899. – Год 9. – Вып. II. – С. 167–235.

РГБ – Мызников, С.А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря / С.А. Мызников. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 496 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1983–2007. – Вып. 1–12.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Санкт-Петербург, 1994–2005. – Вып. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина (вып. 1–22), Ф.П. Сороколетова (вып. 23–42), С.А. Мызникова (вып. 43–46–). – Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–. – Вып. 1–.

Тенишев, т. 1 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Санкт-Петербург, 2004. – Т. 1: Костромская и Тверская губернии.

Тенишев, т. 5, ч. 1 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Санкт-Петербург, 2007. – Т. 5. Вологодская губерния. – Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды.

Тенишев, т. 7, ч. 2 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Санкт-Петербург, 2009. – Т. 7. Новгородская губерния. – Ч. 2. Череповецкий уезд.

Сокращения в названиях районов

баб. – Бабаевский район Вологодской области
бел. – Белозерский район Вологодской области
беломор. – Беломорский район Карелии
буй. – Буйский район Костромской области
вашк. – Вашкинский район Вологодской области
вель. – Вельский район Архангельской области
вож. – Вожегодский район Вологодской области
вологод. – Вологодский район Вологодской области
вохом. – Вохомский район Костромской области
в-уст. – Великоустюгский район Вологодской области
выт. – Вытегорский район Вологодской области
галич. – Галичский район Костромской области
гряз. – Грязовецкий район Вологодской области
кад. – Кадуйский район Вологодской области
кадый. – Кадыйский район Костромской области
кадн. – Кадниковский район Костромской области
карг. – Каргопольский район Архангельской области
к-г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
кир. – Кирилловский район Вологодской области
котл. – Котласский район Архангельской области
мант. – Мантуровский район Костромской области
мез. – Мезенский район Архангельской области
ней. – Нейский район Костромской области
нерехт. – Нерехтский район Костромской области
ник. – Никольский район Вологодской области
нянд. – Няндомский район Архангельской области
окт. – Октябрьский район Костромской области
онеж. – Онежский район Архангельской области
пав. – Павинский район Костромской области
парф. – Парфеньевский район Костромской области
пин. – Пинежский район Архангельской области
плес. – Плещеевский район Архангельской области
прим. – Приморский район Архангельской области
сок. – Сокольский район Вологодской области
солиг. – Солигаличский район Костромской области
сямж. – Сямженский район Вологодской области
тарн. – Тарногский район Вологодской области
тотем. – Тотемский район Вологодской области
холм. – Холмогорский район Архангельской области
чухл. – Чухломский район Костромской области
шар. – Шарьинский район Костромской области
шенк. – Шенкурский район Архангельской области

K.V. Osipova

KISSEL IN THE RUSSIAN NORTH: BASIC SEMANTICS AND ETHNOCULTURAL SYMBOLS

The article considers the Russian North names of kissel, as well as traditions and rituals, which refer to the peculiarities of its cooking and eating. The analysis of cultural and linguistic data reveals main names of kissel, their semantic and motivational characteristics, as well as the functions of kissel in feasts, folk calendar and family rites. The material includes dialect data from the Arkhangelsk and Vologda regions, as well as from the northeastern part of the Kostroma region. The article includes lexical material from published lexicographic sources and lexicographic files of the Ural Federal University Toponymic Expedition.

Ethnolinguistics, dialect vocabulary, Russian language, Russian North, traditional culture, names of food, semantic reconstruction, folklore, rituals.

Н.А. Тихов
Радиостанция «Эхо Вологды»

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА Г. ВОЛОГДЫ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье рассматриваются проблемы вологодской музыкальной журналистики. Автор размышляет о статусе этого вида журналистики в современной системе СМИ, выявляет его отличительные особенности, тенденции развития и языковые черты на материале публикаций в вологодских печатных СМИ XIX – начала XXI века («Вологодские губернские ведомости», «Красный Север», «Хронометр», «Наша Вологда» и др.). Особенности вологодской музыкальной журналистики автор рассматривает в широком социокультурном контексте провинциальной музыкальной культуры.

Музыкальная журналистика, язык СМИ.

Введение

Тематическая стратификация журналистики, несмотря на ее изменчивость, изучена в настоящее время достаточно хорошо. Но, вместе с тем, проблемы статуса музыкальной журналистики, ее отличительных свойств, тенденций развития и языковых особенностей остаются на периферии исследовательского интереса. Это определяет актуальность нашей работы, в которой данный комплекс вопросов рассматривается на материале региональных печатных СМИ.

До сих пор среди ученых нет устойчивого мнения о том, что такое музыкальная журналистика и что представляет собой ее объект. Среди исследователей, которые обращались к музыкальной журналистике, мы можем обратить особое внимание на труды Т.А. Курышевой – автора многих научных статей по теории СМИ и учебного пособия «Музыкальная журналистика и музыкальная критика» [1] для будущих журналистов. Следуя за научной мыслью Т.А. Курышевой, мы определяем, что музыкальная журналистика – это одна из разновидностей специализированной журналистики, принадлежит к художественной журналистике. Она включает в себя совокупность любых журналистских материалов, связанных с музыкальной культурой. Иными словами, предметом музыкальной журналистики не обязательно является «творческий объект», будь то музыкальное исполнение или само музыкальное произведение. Журналисты могут писать, например, о новом музыкальном оборудовании, появившемся в продаже. При этом в материале могут быть описаны новшества данной продаваемой модели, ее плюсы и минусы. Т.А. Курышева дает следующее определение исследуемому феномену: «Музыкально-критическая журналистика – направленная на музыкальное творчество профессиональная оценочная деятельность, реализуемая в специальных текстах (письменных или устных); а также все труды, созданные в этом жанре» [1]. Определяя принадлежность

текста к категории «музыкальная журналистика», важно ответить на вопрос: «О чем этот материал?». Например, репортаж об украденной скрипке не будет относиться к музыкальной журналистике, так как для журналиста здесь важнее донести до аудитории информацию о случившемся преступлении, чем о специфических особенностях музыкального инструмента. Если же журналистский материал рассказывает читателям об уникальности скрипок Страдивари, то, по нашему мнению, он имеет прямое отношение к музыкальной журналистике.

В вузовских учебных пособиях для студентов отделений журналистики зачастую музыкальную журналистику не выделяют как особую разновидность журналистики, в отличие, например, от спортивной. Вместе с тем, в области музыкальной журналистики обнаруживается очевидная специфика как объекта описания, так и набора средств и способов его характеристики. Объект музыкальной журналистики – такая сфера человеческой деятельности, как музыка, – строго определен и, вместе с тем, чрезвычайно разнообразен. Музыка – это целый пласт культурной жизни общества, со своими особенностями, атрибутами, представителями. Поэтому написание журналистского текста с «музыкальной» темой требует от автора не только журналистского опыта, но и знаний из области музыковедения, наличия личного опыта взаимодействия в музыкальной сфере, а также определенных личностных качеств.

Необходимость обращения к опыту печатной музыкальной журналистики г. Вологды определяется в том числе и недостаточной изученностью данной сферы в нашем регионе: в результате библиографического поиска не было выявлено ни одного исследования по истории вологодской музыкальной журналистики.

Музыкальная журналистика, как и журналистика в целом, меняется в процессе социокультурных и технических изменений в обществе. Все большую попу-

лярность завоевывают электронные СМИ, неформальные (неофициальные) источники информации, происходит трансформация жанров, появляются новые особенности представления информации. Изменяется и музыкальная культура. Появляются новые музыкальные жанры и способы исполнения произведений. Поэтому одним из самостоятельных аспектов нашего исследования становится сравнение текстов музыкальной журналистики различных эпох (XIX, XX и XXI веков) с целью обнаружения специфики журналистских текстов, посвященных музыкальной культуре региона в каждую из эпох. В определении социально-культурной обстановки XIX и XX веков нам помогли работы музыковеда Э.А. Кирилловой [7] и доктора искусствоведения М.Г. Долгушиной [8].

Для того чтобы проследить тенденции развития музыкальной журналистики г. Вологды, мы обратились к следующим периодическим изданиям: «Вологодские губернские ведомости» [2] (рассмотрен период зарождения музыкальной журналистики, единственное периодическое издание в Вологодской губернии в первой половине XIX века), «Красный Север» [3] (рассмотрен период развития музыкальной культуры в городе в 1960–1970 гг. XX века). Среди изданий XXI века были рассмотрены газеты «Красный Север» (старейшее периодическое издание Вологды, преемник журналистских традиций издания XX века), «Хронометр» [5] (образец «желтой прессы»), «Местная газета Вологодской области» [6] (бесплатно распространяемое издание на территории области), «Наша Вологда» [4] (пример бесплатно распространяемого городского издания).

Музыкальная журналистика на страницах газеты «Вологодские губернские ведомости» в 40–50-х годах XIX века

Музыкальная журналистика в Вологде зарождается одновременно с первым печатным периодическим изданием региона «Вологодские губернские ведомости» [2] (далее – ВГВ). Газета издавалась с 1838 по 1917 годы и долгое время оставалась единственным периодическим изданием в регионе. В 40–50-х годах музыкальная жизнь в городе была весьма умеренной. Обучение музыкальным специальностям велось в мужской гимназии, женском пансионе и женском училище. Воспитанники семинарии изучали духовную музыку. Субъектами музыкальной культуры в публикациях выступают гастролирующие артисты (известный скрипач Н.Я. Афанасьев, две пианистки – сестры В.В. и Н.В. Погожевы), хор архиерейских певчих по воскресеньям и табельным дням, городское «Общество благородных любителей музыки», местные исполнители (госпожа Гедц, театральная актриса). Мест, где проходили концертные мероприятия, было немного: Вологодский театр (построен в 1849 г.), зал Благородного клуба, зал Дворянского собрания, дома местной аристократии. В XIX веке в Вологде в музыкальной культуре большую роль играли высокообразованные представители общества, представители дворянских домов. Это семьи Межаковых, Брянчаниновых. Владение музыкальным инструментом – признак благородного происхождения, высокой культу-

ры. Впрочем, и аудитория газеты Вологодские губернские ведомости была соответствующей: не все умели читать и имели возможность ходить на платные концерты. Отметим высокую образованность и компетентность авторов публикаций этого времени. Тексты о музыкальных событиях размещались в неофициальной части газеты в разделах «Смесь», «Местные известия», «Вологодский театр». Они часто не имели заголовков. Если имели, то это заголовки по структуре – простые, по цели – информирующие, дублируют тему: «О музыкальных занятиях в вологодской гимназии» (ВГВ. 1860. № 31), «Музыкальный вечер в гимназии» (ВГВ. 1859. № 49), «Известие о духовно-музыкальном концерте» (ВГВ. 1859. № 49). Кто были авторами публикаций, мы не знаем, так как подписи авторов под материалами также отсутствовали. Под несколькими текстами журналист прячется за буквой «З.» (ВГВ. 1860. № 31, 1859. № 49).

В жанровом отношении большинство материалов представляет собой музыкальный комментарий-отзыв на состоявшиеся музыкальные концерты. На первый план выходит эмоциональная составляющая автора. Журналист выражает свои чувства, оперируя отвлеченными существительными «наслаждение», «удовольствие», «впечатление», «ожидание» и т.д. (ВГВ. 1859. № 19). Во многих материалах присутствует описательность происходящего: «...и когда все предложенные по программе пьесы были выполнены, тот же оркестр юных дилетантов огласил залу звуками вальса: начались танцы, – те, дышащие жизнью и восторгом, особенно грациозные полнотою удовольствия танцы...» (ВГВ. 1859. № 49. С. 413). Среди эмоциональной оценочности журналиста в текстах имеются и фактологические данные. Журналист способен дать о субъектах музыкальных действий биографическую справку (Концерты Погожевых. ВГВ. 1851. № 5), перечислить прозвучавшие музыкальные произведения (см. там же). Специальной музыкальной образованности журналиста требует использование в тексте прецедентных имен и профессиональной музыкальной терминологии: «...разыгрывая трудное *cariccio* Бетховена и сонату Мендельсона...» (ВГВ. 1851. № 5. С. 55). Приведем пример музыкальной лексики из публикации о концерте скрипача Афанасьева (ВГВ. 1851. № 1): «пассаж», «гриф», «октава», «децима», «аккорд», «тон», «ноты», «арпеджио», «стакатто», «фляжальеты», «*pizzicato*».

Музыкальная журналистика не ограничивалась лишь анонсами и комментариями событий. Явления в музыкальной культуре, например обучение музыке, также освещались на страницах газеты (О музыкальных занятиях в вологодской гимназии. ВГВ. 1860. № 31).

Жанр анонс также встречается на страницах издания (Известие о духовно-музыкальном концерте. ВГВ. 1859. № 49). Особенности являются выраженной адресованностью журналистского текста («Спешим известить любителей вокальной музыки»), ярко-выраженной оценочностью и предвзятостью автора («Давно знакомое нам искусство почтеннейшего отца Димитрия дает нам право рассчитывать на полный успех задуманного им мероприятия...») (ВГВ. 1859. № 49. С. 414), использование манипулятивных конст-

рукций с целью косвенной рекламы мероприятия («Мы уверены, что все любители пения, в виду прекрасной цели, с которою устроен концерт, с удовольствием поспешат пожертвовать рублем, чтобы в стройном исполнении прослушать три концерта нашего духовного исполнителя Бортнянского...») (ВГВ. 1859. № 49. С. 414). Такое присутствие авторского «Я» в тексте можно объяснить ограниченностью аудитории ВГВ, а также доверительностью на грани дружбы между автором и читателем, разговорной диалогичностью: «Что сказать об исполнении этого богатого материала?» (Концерты Погожевых. ВГВ. 1851. № 5. С. 55) Отметим, что музыкальный анонс может содержать не только информацию о месте, времени концерта и исполнителе. Автор способен привести полную музыкальную программу мероприятия с указанием названий музыкальных произведений, в какой они аранжировке, с аккомпанементом или без, и их авторов (Известие о духовно-музыкальном концерте. ВГВ. 1959. № 49).

Музыкальная журналистика на страницах газеты «Красный Север» в 60–70-х годах XX века

В качестве исследуемых материалов XX века периода 1960-х и 1970-х годов было рассмотрено около 80 выпусков газеты «Красный Север» [3] (далее – КС) 1965, 1967, 1969, 1970 годов выпуска. Среди обнаружившихся тенденций – редкость публикаций о музыкальной жизни (публикация встречается примерно в одном выпуске из 10). Материалы спортивной журналистики встречались чаще, но музыкальная жизнь в городе была – это видно из афиши мероприятий, опубликованной в газете. Публикации этого периода в отличие от материалов ВГВ 1950-х годов имеют заголовки и подписи авторов. Тексты о музыкальной культуре Вологды находятся на последней странице издания, чаще в нижней ее части; по объему – короткие. Идеальный подтекст в публикациях – показать преданность советского человека своему делу. Музыкальная критика практически отсутствует.

Музыкальную культуру Вологды периода 60-х и 70-х годов XX века можно условно разделить на 3 составляющих:

1. Профессиональное музыкальное искусство. Оно было представлено гастролирующими артистами и музыкантами областной филармонии (была открыта в 1944 г., в 1965 г. получила отреставрированный зал бывшего Дворянского собрания).

2. Музыкальное просвещение. Оно представлено лекторийным отделом филармонии (открыт в 1950 г.) и «рядом общественных центров при музыкальном, музыкально-педагогическом училищах, хоровом обществе, Детских музыкальных школах (2 школы), университетами культуры (открыты в 1958 г.), в первую очередь городским университетом при Дворце культуры железнодорожников» [7].

3. Самодеятельное народное творчество, которое представлено любителями пения, танца, художественного слова, игры на музыкальных инструментах.

Как отмечает музыковед Э.А. Кириллова, в последнее тридцатилетие XX века аудиторию особо ин-

тересовала инструментальная музыка. Популярностью пользовались ансамбли русских народных инструментов (филармонический «Лад»), камерный оркестр М. Бонфельда. В 70-х годах свое развитие получила и вологодская эстрада (филармонические группы «Северяне», «5+5»). В 1970-х и 1980-х в Вологде проходят смотры художественной самодеятельности, как правило, посвященные юбилеям политических событий СССР (в апреле 1970 года состоялся смотр, посвященный столетию со дня рождения В.И. Ленина; в 1972–1973 годах проходили смотры в честь 50-летия образования СССР). На попроще музыкальной культуры выделялись хоры русской народной песни (хор Дворца культуры железнодорожников), народная академическая капелла (создана в 1965 году), смешанный хор музыкального училища, камерный хор педагогического университета.

В 1970-е годы к самодеятельному народному творчеству обращаются люди, далекие по своей профессии от музыкальной культуры: рабочие, служащие, инженеры, врачи, учителя. В материале «Двинницкие вечера» (КС. 1970. № 56) автор В. Каменев, рассказывая о двинницком самодеятельном коллективе гармонистов, значительную часть материала посвящает описанию его участников с краткими биографическими справками. Так, читатель узнает о тружениках двинницкого совхоза. Идеология советской власти, выраженная в лозунгах «Трудом дело Ленина крепи!», «Даем сверх плана!», не могла не отразиться на характере журналистских текстов. Автором подчеркивается социальная роль артистов в обществе: «А в ансамбль объединились одни из лучших производственников» (КС. 1970. № 56. С. 4). А одной из причин создания музыкального коллектива в тексте стала господствующая в советскую эпоху идеология состязательности: «Вдохновило гармонистов и сознание того, что они собираются ради благородного и важного дела – соревнования народного музыкально-го творчества» (КС. 1970. № 56. С. 4).

Заголовки материалов этого периода были краткие, простые, отражали основную мысль текстов: «Из Красавина в столицу» (о поездке в Москву участников художественной самодеятельности Красавинского клуба), «Дети поют» (об отчетном концерте детской музыкально-хоровой студии), «Хор ветеранов» (справочная заметка о хоре ветеранов труда ДКЖ), «Вологодские артисты землякам» (о поездках артистов музыкального лектория с концертами по стране) и так далее.

В жанровом отношении нам не встретилось ни одного анонса. В «Красном Севере» этот жанр, видимо, заменяет афиша мероприятий. Комментарий-отзыв в некоторых случаях приобретает черты краткого репортажа. Журналисты используют в тексте описательные конструкции в настоящем времени, применяя метод «наблюдение»: «И вот уже снова, будто осенними запоздалыми цветами расцвела сцена, будто легкая осенняя паутинка плавает в воздухе. Это танцевальная группа в разноцветных праздничных нарядах в сопровождении хора и оркестра исполняет “Вологодские кружева”» (Изящно, как кружево. КС. 1969. № 236. С. 4); «Концертный зал филармонии. Отчетный концерт детской музыкально-хоровой сту-

дии города Вологды. Ребячи голоса, восхищая красотой звучания, то льются свободно и сильно, то, повинуясь рукам дирижера, затихают в выразительном пианиссимо» (Дети поют. КС. 1970. № 132. С. 4). В текстах публикаций Л. Ростова и А. Ланцева используется музыкальный понятийный аппарат: «полифоническое звучание», «музыкальная интонация», «сюита», а также перечисляются звучащие музыкальные произведения.

Среди используемых жанров встретился жанр справочной заметки (Филармония – четверть века. КС. 1969. № 234; Хор ветеранов. КС. 1970. № 55). Здесь журналист предоставляет историческую информацию и статистические данные о музыкальных исполнителях или объектах музыкальной культуры города. Поэтому такие журналистские тексты вряд ли можно отнести к музыкальной журналистике.

Некоторые из исследуемых материалов проиллюстрированы фотографиями. Названия у фотографий отсутствуют, но автор фото указывается. В редких случаях называются имена изображенных артистов («Изящно, как кружево»). Чаще всего фотографии дают нам возможность увидеть лица музыкантов в обстановке занятия музыкой (или на концерте). Это подтверждает наличие репортажного начала в публикациях.

Авторами рассматриваемых материалов о музыкальной жизни Вологды являются В. Каменев, А. Ланцов, З. Николенко, Л. Ростова, И. Длугач, В. Рудаков. Ввиду отсутствия в газете постоянной рубрики с материалами о музыкальной культуре Вологды, а также тенденции к постоянному освещению музыкальных событий и их музыкально-критическому обозрению, мы не можем выделить какого-либо одного или нескольких журналистов, чья специализация в написании текстов о музыкальной культуре региона была бы очевидна. Как уже было отмечено, на первый план в публикациях выходят личность советского человека с его благородным делом и открытой душой, успехи политической организации населения СССР и гордость за советских граждан-земляков, иллюстрированные успехами местных коллективов (Из Красавина в столицу. КС. 1969. № 81; Вологодские артисты – землякам. КС. 1970. № 127) и благими начинаниями агитбригад (С концертом к соседям. КС. 1967. № 127).

Музыкальная жизнь Вологды в начале XXI века.

Обзор вологодских печатных средств массовой информации

Описать всех представителей и перечислить все составляющие музыкальной культуры в Вологде наших дней довольно непросто. Музыкальную жизнь города, как и в советский период, можно разделить на несколько составляющих:

1. Образовательная деятельность. В наши дни ее ведут пять детских музыкальных школ, детский музыкальный театр, культурно-досуговые организации, например такие как Городской дворец культуры и Дворец творчества детей и молодежи, на базе которых обучаются и занимаются концертной деятельностью различные коллективы и исполнители. Богата своими творческими коллективами Вологодская областная

государственная филармония имени В.А. Гаврилина, в которой сосуществуют следующие коллективы: Камерный оркестр под управлением Александра Лоскутова, Мужской хор под управлением Альберта Мишина, ансамбль русской песни «Солнцеворот», ансамбль «Гостя», ансамбль песни и танца «Русский север», Губернаторский оркестр русских народных инструментов. Музыкальной грамоте учат на музыкальных специальностях факультета иностранных языков, культуры и искусств ВоГУ, в музыкально-педагогическом колледже, в Вологодском областном музыкальном колледже.

2. Концертная деятельность: музыкальные курсы, фестивали (открытый фестиваль поэзии и музыки имени Николая Рубцова «Рубцовская осень», Международный Гаврилинский музыкальный фестиваль, фестиваль классической музыки «Кружева», областной фестиваль детского и юношеского творчества «Любовь моя – Вологодчина», ежегодный международный фестиваль «Блюз на веранде» и т.д.), концерты местных и гастролирующих музыкантов. Крупные крытые музыкальные площадки Вологды – ДК ПЗ, Дворец спорта «Вологда», Выставочный комплекс «Русский Дом». Различные праздничные концерты проводятся на открытых площадках города: празднование Дня города Вологды, Дня Победы, Дня семьи, любви и верности, Международного женского дня, Дня защитника отечества, Дня российского флага, Дня России, Дня знаний, Нового года и других праздников.

С целью выявления количества и качества публикаций о музыкальной жизни города в Вологодских СМИ был проведен краткий обзор некоторых периодических изданий. Городская новостная газета – одна из самых распространенных форм городского печатного издания, рассчитанная, как правило, на массовую аудиторию. Этот тип СМИ представляет своеобразное зеркало, отражая все многообразие городской жизни. В них должна публиковаться и информация о культурных событиях города, в частности – из музыкальной сферы.

Рассмотрим газеты «Красный Север», «Хронометр», «Местная газета Вологодской области», «Наша Вологда» на предмет наличия в них материалов с «музыкальной темой». В областной газете «Красный Север» [3] за апрель 2015 года было опубликовано 6 материалов, тематикой которых является музыкальная жизнь города Вологды. Их заголовки: «В фестивале “Салют, Победа” примут участие две тысячи человек» [3, № 37], «Галина Перевозникова: “С раннего детства музыка была моей потребностью”» [4, № 37], «Журналисты и музыканты готовятся к концерту в День Победы» [3, № 40], «Сын старейшего журналиста “Красного Севера” выступит на музыкальном фестивале Победы» [3, № 37], «Первым делом – микрофоны, ну а очерки – потом...» [3, № 43], «“Корреспондентскую застольную” и “Темную Ночь” споют журналисты в День Победы» [3, № 46].

Целая серия материалов «Красного Севера» посвящена подготовке журналистов и музыкантов к концерту 9 мая. Подкрепленные фотографиями материалы в необычной форме анонсируют крупное музыкальное мероприятие Вологды. В целом, можно

сделать вывод, что авторы издания не обходят стороной музыкальную жизнь города Вологды и освещают некоторые события, используя жанры расширенной и краткой заметки, интервью.

В городской газете «Наша Вологда», которая является бесплатным изданием, материалов, сообщающих о музыкальных событиях за период март–май 2015 года (№ 8 – №19), не так много, как в «Красном Севере». Их заголовки: «Вологодская группа выступила на Донбассе» [4, № 8], «Журналисты споют на площади революции» [4, № 11]. Следовательно, музыкальная жизнь города практически не отражается в данном издании, так как в нем преобладают материалы, затрагивающие политическую, экономическую и социальную сферы жизни общества, а не культурную.

В «Хронометре» (г. Вологда) не удалось обнаружить материалов, относящихся к культурной жизни Вологды. В настоящий момент издание носит характер «желтой прессы», а материалы в нем подготавливаются на основе интернет-источников. Об этом свидетельствуют и заголовки кратких заметок, опубликованных на полосе с тематикой шоу-бизнес: «Полина Гагарина не такая», «Прохор Шаляпин папой не стал» [5, № 20], «Юлия Савичева показала бюст», «Дочки Маликова закурили» [5, № 19] и другие. Хотя еще в конце XX века в этой газете можно было наблюдать присутствие музыкальной журналистики. Издание публиковало интервью со звездами российской эстрады, приехавшими на гастроли в Вологду: «Клан Пугачевых повадился в Вологду», «Киркоров – наше все!», «Пенкин упелся».

Материалы «Местной газеты Вологодской области» [6] (за период № 1 февраль 2015 г. – № 7 март 2015 г.) также не отражают музыкальную жизнь Вологды, так как в ней не было опубликовано ни одной статьи с этой тематикой. Сравнив 4 новостных печатных издания, можно сделать вывод о том, что только в газете «Красный Север» наблюдаются «зачатки» музыкальной журналистики – той, которая затрагивает темы музыкальной культуры города.

Заключение

Развиваясь, музыкальная журналистика не могла не отражать на себе общие принципы развития журналистики, развития, которое зависело от технической, экономической, культурной и политической эволюции общества. В середине XIX века форма и содержание материалов о музыкальных явлениях диктовались образованной культурной аудиторией единственного издания того времени. Журналист не был сильно ограничен ни временем написания материала, ни его размером, так как издание выходило раз в неделю и напоминало книгу. Именно в эту эпоху, как ни странно, в журналистских текстах присутствует музыкальная критика, основанная на авторской оценке сугубо профессиональных музыкальных качеств артистов и характеристике музыкальных произведений с применением музыкального понятийного аппарата.

Временем, когда духовное и высокое тяготеет к простому и бытовому, можно назвать, судя по публикациям в «Красном Севере», 60–70 годы XX века. Журналисты газеты мало уделяли внимания самой музыке, но зато подробно останавливались на героях публикаций – советских гражданах. Показать лицо советского человека в разных ипостасях, подчеркнуть его таланты и незаурядность, которые он демонстрирует, строя социалистическое общество, – основная цель исследуемых публикаций.

В начале XXI века наша региональная музыкальная журналистика становится тематической разновидностью культурной журналистики. Появляются новые жанры представления информации, новые способы ее подачи, но методы, которыми пользуются авторы для написания материалов, остаются универсальными: они применимы к любой отрасли печатной журналистики (биографическая справка, репортажное начало с его описательностью, стандартизованные вопросы к интервью). Штампы, вроде «зал аплодировал стоя» заполняют материалы, подменяя собой профессиональную музыкальную оценку исполнения. Если в XIX веке анонс музыкального мероприятия в «Вологодских губернских ведомостях» мог повлиять на читателя, заинтересовать его идти на концерт, уверить в том, что артист талантливый, то в наше время журналистского авторитета, на наш субъективный взгляд, для этого не хватает. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что музыкальная журналистика имеет право на существование, среди журналистского творчества. Ее изучение, проведение научных исследований будут способствовать объективному отражению состояния культурно-просветительской журналистики в начале XXI века, а также позволят сформировать обширную рекомендательную базу для музыкальных журналистов, содержащую примеры реализации целей и задач музыкальной журналистики в текстах печатных СМИ.

Литература

1. Курышева, Т.А. Музыкальная журналистика и музыкальная критика: учебное пособие для вузов [Электронный ресурс] / Т.А. Курышева. – Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007. – 294 с. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/tatyana_aleksandrovna_kurisheva/muzikalnaya_zhurnalistika_i_muzikalnaya_kritika_uchebnoe_posobie/read (дата обращения 15.09. 2016).
2. Газета «Вологодские губернские ведомости»: периодическое печатное издание Вологодской губернии.
3. Газета «Красный Север»: периодическое печатное издание Вологодской области.
4. Газета «Наша Вологда»: периодическое печатное издание г. Вологды.
5. Газета «Хронометр»: периодическое печатное издание г. Вологды.
6. Газета «Местная газета Вологодской области»: периодическое печатное издание г. Вологды.
7. Кириллова, Э. Музыкальная жизнь Вологды 1940–1960 годов: статья [Электронный ресурс] / Э. Кириллова. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/3vo/log/da/index.htm> (дата обращения 15.09. 2016).
8. Долгушина, М. Музыкальная жизнь Вологды в 40–50-х годах XIX века: статья [Электронный ресурс] / М. Долгушина. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/3vo/log/da/index.htm> (дата обращения 15.09. 2016).

VOLOGDA MUSIC JOURNALISM: TRENDS OF ITS DEVELOPMENT AND LANGUAGE

This article is devoted to the problems of music journalism in the Vologda print media. The author aims to define Vologda music journalism trends. Moreover, he tries to analyze frequency of music publications in mass media during different historic periods and to mark some peculiarities of informing about music events in the publications in Vologda. The main source of the research is the content of such newspapers as “Vologodskie Gubernskie Vedomosti” (the 19th century), “Krasnyj Sever” (the 20th century), and the mass media of the 21st century – “Khronometr”, “Nasha Vologda”, “Mestnie Izvestiya Vologodskoi oblasti”, “Krasnyj Sever”. The author comes to the conclusion that the sociocultural context influences the texts of Vologda music journalism. The general trend of Vologda music journalism development is that the frequency of publications on this topic declines, the critic ideas gradually disappear, besides, using of music terms is simplified.

Music journalism, language of media.

УДК 378.1

В.В. Масляков, Т.Н. Толочкова, А.Н. Толочкова
Саратовский медицинский университет «Реавиз»

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Социологический анализ профессиональной мотивации 112 студентов лечебного и стоматологического факультетов медицинского вуза показал, что основной целью получения высшего образования у большей части опрошенных является стремление получить профессию, специальность и в перспективе быть уверенным в дальнейшем трудоустройстве. Весомым аргументом при выборе медицинского вуза студенты назвали престижность профессии врача. Третья часть молодых людей пришла к своему решению стать врачом самостоятельно. На профессиональное самоопределение студентов из Северо-Кавказского региона значительное влияние оказали семейные традиции и советы родителей, что свидетельствует о значимой роли этнических стереотипов в поведении личности. Ориентация студентов стоматологического факультета на получение престижной, высокооплачиваемой работы объяснима значительным количеством (по сравнению с лечебным факультетом) представителей мужского пола старше 25 лет, имеющих собственную семью.

Профессиональная мотивация, студенты, медицинский вуз.

Профессиональное самоопределение представляет собой основную форму реализации личностью своего потенциала, приобретение определенного социального статуса, последовательность и комбинацию ролей, которые предстоит выполнять в течение всей жизни [8, с. 45].

Принятие решения о выборе профессии, по мнению исследователей, осуществляется многими молодыми людьми без учета отдаленных последствий, т.е. не опосредовано отдаленными жизненными целями и является решением, затрагивающим лишь ближайшую жизненную перспективу [1, с. 51; 2, с. 23; 4, с. 116]. Такой профессиональный старт может иметь негативные последствия для личности: разочарование, снижение удовлетворенности трудом, отказ от выбранной специальности и появление групп профессиональных маргиналов. Негативные последствия проявляются не только в личностных, но и в различных общественных сферах. По данным Министерства труда РФ, к концу прошлого года в России было 47,8 тыс. ставок терапевтов и лишь 39,9 тыс. работающих участковых специалистов, т.е. 73% от числа ставок. При наличии 31,4 тыс. ставок педиатров прием вели 25,8 тыс. детских врачей. Для врачей общей практики эти цифры составляли 13 тыс. и 9,3 тыс. соответственно. Директор фонда «Здоровье» Эдуард Гаврилов оценивает общий дефицит терапевтов, врачей общей практики и педиатров в 22,2 тыс. человек. По мнению известного доктора профессора Л. Рошала, причина дефицита медицинских кадров – нежелание молодых специалистов работать по специальности. Несмотря на стабильно высокий конкурс в меди-

цинские вузы, в поликлиники и больницы идут работать лишь 50% молодых специалистов, отмечает эксперт. Остальные уходят в частные клиники или вообще забывают о полученной профессии.

В данной ситуации актуальность приобретает изучение и анализ мотивации профессионального выбора молодых людей, т.к. это позволяет понять механизм, который управляет поведением человека и определяет его устойчивость в социуме. Мотив, в данном случае как осознанное побуждение, направленное на достижение конкретной деятельности, определяет успешность социально-психологической адаптации студентов к условиям обучения в вузе, эффективность профессиональной подготовки будущих специалистов [3, с. 21; 5, с. 65; 7, с. 20].

С целью изучения мотивационных факторов, обусловивших поступление в медицинский вуз и определения доминирующей иерархии был проведен социологический опрос студентов филиала медицинского университета «Реавиз» в г. Саратове.

Выборку составили 112 студентов лечебного и стоматологического факультетов. Использовался письменный вид опроса – анкетирование. Анкета включала вопросы «социально-демографического» блока (возраст, пол, постоянное место жительства, наличие среднего медицинского образования и т.д.) и вопросы «мотивационного компонента», которые позволили выявить ведущую мотивацию поступления в вуз наших респондентов, определить роль отдельных факторов (таких, как этническая принадлежность, возраст, наличие опыта работы среди широкого спектра детерминант социальных мотивов.

Распределение респондентов по возрасту выглядит следующим образом: 37% от 18 до 25 лет, остальные – старше 25 лет (данная возрастная группа студентов обучается по индивидуальному плану и практически все они имеют среднее медицинское образование). Представителей мужского пола на 10% меньше, чем представительниц женского (большинство мужчин обучаются на стоматологическом факультете). 28% наших респондентов – жители Саратова и области, основная масса прибыла из различных регионов Российской Федерации (Тюмень, Сургут, Челябинск, Петрозаводск, Кострома, Волгоградская обл., Республики Северного Кавказа).

По данным опроса, основной целью поступления в высшее учебное заведение у студентов лечебного факультета является желание «получить профессию, специальность» – 38%, затем следует ответ – «повысить уровень знаний» – 23%, далее в порядке снижения значимости – «устроиться на работу» – 18%, «иметь достойный уровень жизни, зарабатывать деньги» – 16%, «другое» – 5%. Рейтинг значимости целей получения высшего образования у студентов стоматологического факультета выглядит следующим образом: «получить хорошую, престижную работу» – 42%, «повысить уровень своих знаний, быть образованным» – 20%, «зарабатывать деньги, иметь достойный уровень жизни» – 20%, «получить хорошее образование» – 18%. Приоритетная цель стоматологов в получении образования как возможность иметь в перспективе «престижную работу» объяснима, на наш взгляд, тем, что на этом факультете преимущественно обучаются мужчины, причем старше 25 лет, для которых собственная семья – ближайшая перспектива, либо они ее уже создали.

Иерархия ответов на вопрос о причине выбора медицинского университета для получения высшего образования выглядит в порядке убывания следующим образом: «мечта стать врачом» – 60% лечебный факультет, 48% – стоматологи; «престижность профессии врача» – 30% лечебный факультет; вторая по значимости причина у стоматологов – «желание иметь высокий заработок» – 34%; на третьем месте у студентов лечебного факультета – романтическое желание «спасать жизнь людей» – 10%, стоматологи указали в своих ответах «престижность профессии врача» – 18%.

Полученные ответы свидетельствуют о том, что выбор профессии студентами лечебного факультета определен мотивацией, которую психологи относят к категории «внутренней» или интринсивной, прогнозирующей оптимальную учебную деятельность [6, с. 59; 9].

Ответы на вопрос о том, что способствовало формированию вашего решения стать врачом, позволили уточнить мотивационную направленность наших студентов в выборе профессии врача. Практически третья часть респондентов отметили, что «решение принимали самостоятельно» (32% – лечебный факультет, 35% – стоматологический факультет). Важным социальным фактором, оказавшим влияние на профессиональный выбор студентов, приехавших из Северо-Кавказского региона, стали «советы родителей» и «семейные традиции» – 18%. Для студентов, постоян-

но проживающих в центральной России, указанный фактор оказался «малозначительным» – в среднем на него указали не более 7%. Около четверти опрошенных отмечают влияние «предшествующего опыта работы в медицинских учреждениях», что вполне объяснимо, учитывая количество наших студентов, совмещающих учебу с работой.

Определенный альтруизм студентов лечебного факультета обусловил, на наш взгляд, выбор профессии врача «желанием помогать своим болеющим родственникам» – 17%, среди стоматологов таковых оказалось 2%.

Самыми непопулярными среди прочих были ответы «сам часто болею и хочу себе помочь» (1–2%), «связанные с медициной трагические примеры из личного опыта», «примеры из литературы, кинофильмов» не впечатлили наших студентов и не оказали (судя по ответам) влияния на их профессиональный выбор.

Ответы, полученные на вопрос о будущей специализации в медицине, были прогнозируемы, во всяком случае, выбор студентов-стоматологов: 32% позиционируют себя в перспективе хирургами (традиционно мужская профессия), респонденты лечебного факультета приоритет отдали терапии – 27%. Далее ответы распределились следующим образом: 24% стоматологов выбрали терапию, остальные – «не определились». Вполне возможно, что кто-либо из «неопределившихся» будет реализовывать себя в ортопедической стоматологии, пластической (челюстно-лицевой) хирургии и т.д.

Лечебный факультет: 18% выбрали хирургию, 15% – «акушерство-гинекология». 12% – «анестезиология-реаниматология», один респондент выбрал «психиатрию», желающих стать патологоанатомами среди наших студентов не обнаружилось, трудиться в косметологии предполагают три студента, остальные «пока не определились».

Выводы. Анализ результатов одномоментного анонимного анкетирования студентов, поступивших в медицинский университет, показал, что основной целью получения высшего образования у большей части опрошенных является стремление получить профессию, специальность с перспективой дальнейшего трудоустройства. Практически каждый пятый респондент ставит задачу повысить уровень своих знаний, при этом ориентация студентов стоматологического факультета на получение престижной, высокооплачиваемой работы объяснима значительным количеством (по сравнению с лечебным факультетом) представителей мужского пола старше 25 лет, имеющих собственную семью.

Весомым аргументом при выборе медицинского вуза студенты назвали престижность профессии врача. Третья часть молодых людей пришла к своему решению стать врачом самостоятельно. На профессиональное самоопределение студентов из Северо-Кавказского региона значительное влияние оказали семейные традиции и советы родителей, что свидетельствует о значимой роли этнических стереотипов в поведении личности.

Самые востребованные специальности у наших студентов: хирургия и терапия. Очевидно, данное об-

стоятельство можно объяснить тем, что хирург и терапевт, пройдя соответствующее поствузовское обучение, в дальнейшем могут стать узкими специалистами.

Стать высококвалифицированными специалистами в любой сфере, а в медицине в особенности, возможно только при условии формирования и поддержания высокого уровня учебной мотивации студентов.

Литература

1. Белова, Д.Е. Профессиональное самоопределение и карьера молодежи в современном российском обществе / Д.Е. Белова // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе: материалы Международной научной конференции, 18–20 сентября 2003 г. – Балашов, 2003. – С. 51–53.
2. Галимова, А.И. Мотивация студентов при поступлении в медицинский вуз / А.И. Галимова // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 7. – С. 22–23.
3. Ефимова, И.Н. Социологический анализ рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 года при выборе вуза / И.Н. Ефимова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 4 (1). – С. 19–23.
4. Завалишина, Д.Н. Способы идентификации с профессией / Д.Н. Завалишина // Психология субъекта профессиональной деятельности. – Москва, 2011. – С. 104–128.
5. Крутий, И.А. Цели и мотивы поступления в вузы / И.А. Крутий, К.С. Фурсов // Мониторинг общественного мнения. – 2005. – № 4 (76).
6. Кусякина, С.Н. Мотивация поступления в вуз у старшеклассников и студентов / С.Н. Кусякина // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 1. – С. 58–65.
7. Потемкина, Т.Е. Мотивация абитуриентов 2015 года при поступлении в Нижегородскую государственную медицинскую академию / Т.Е. Потемкина, Л.В. Ловцова, Н.А. Яркова, О.М. Московцева, С.А. Волкова // Медицинский альманах. – 2015. – № 3 (38). – С. 19–22.
8. Пряжников, Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряжников. – Москва, 1996.
9. www.finanz.ru/novosti/lichr [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ceur.ru/news/biznes/item248195/>

V.V. Maslyakov, T.N. Tolochkova, A.N. Tolochkova

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL MOTIVATION OF MEDICAL SCHOOL STUDENTS

On the basis of the sociological poll of 112 students of medical and stomatological faculties, it is shown that for the majority of respondents, their aspiration to obtain a profession, specialty and further employment is the main objective of receiving the higher education. The students called the prestige of the profession of a doctor as an important argument for choosing a medical career. A third of young people decided to become a doctor independently. The answers of students from the North Caucasus region reveal the influence of family traditions and their parents' advice on their professional self-determination, which demonstrates the significant role of ethnic stereotypes in the personal behavior. The students of the stomatological faculty also prefer to receive a prestigious, highly paid work, because in comparison with the medical faculty, more male participants over 25 years old have their own family.

Professional motivation, students, medical school.

О.Л. Халвицкая

Средняя образовательная школа № 13 г. Вологды

Н.Б. Розова

Вологодский государственный университет

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ

В статье рассматривается проблема формирования у учащихся предметных и методологических знаний и умений, развития опыта учебно-исследовательской деятельности через особую организацию урочной и внеурочной исследовательской деятельности. Авторами предлагается модель организации исследовательской деятельности школьников в процессе обучения физике.

Исследовательская деятельность школьников, универсальные учебные действия, деятельностный подход в обучении.

Развитие общества на современном этапе характеризуется всё возрастающей динамичностью, проникновением на новые уровни познания природы, изменением социального устройства и возникновением качественно новых видов деятельности в ранее неизвестных областях. Поэтому огромное значение приобретают такие качества личности как стремление и способность активно исследовать новизну и сложность меняющегося мира, а также создавать, изобретать новые оригинальные стратегии поведения и деятельности.

Многими исследователями доказано, что владение школьниками исследовательскими навыками приводит к повышению познавательной активности и учебной мотивации. В федеральном государственном образовательном стандарте зафиксирована обязательность освоения обучающимися исследовательской компетенции. Согласно ФГОС ООО [1] и СОО [2] в перечень того, чем должен овладеть выпускник основной и старшей школы при обучении физике, входят следующие компоненты: самостоятельно задумывать, планировать, выполнять учебное исследование, обсуждать экспериментальные научные факты, сопоставлять и сравнивать их с известными фактами, разбивать коммуникативные умения. Кроме того, ученик должен научиться приемам поиска и формулировки выдвинутых гипотез и теоретических фактов, находить адекватную предложенной задаче физическую модель, оценивать границы погрешности измеренной величины, применять для расчетов математический аппарат. В выпускных классах школьник должен уметь применить все эти умения для выполнения проектной или исследовательской работы.

В рамках ограниченного учебного плана одновременное качественное выполнение требований Стандартов в предметной и метапредметной областях вызывает определенные методические затруднения. Для разрешения этих затруднений мы предлагаем рассмотреть модель комплексного решения проблемы формирования у учащихся предметных и методологи-

ческих знаний и умений, развития у учащихся опыта учебно-исследовательской деятельности через особую организацию урочной и внеурочной исследовательской деятельности.

Истоки поиска способов активизации деятельности учащихся через деятельность, в том числе и исследовательского характера, мы находим в трудах ученых, начиная с Сократа. Песталоцци создал систему обучения, основанную на наблюдении, обобщении наблюдения, выработке на основе наблюдений новых понятий. К.Д. Ушинский создал дидактическую систему, направленную на развитие умственных сил учащихся. В силу общности существа эвристического, опытно-эвристического методов и лабораторных уроков Б.Е. Райков ввел объединяющий термин «исследовательский метод» [4].

Советский и российский психолог А.В. Леонтович [7] дает исторический обзор развития исследовательской деятельности школьников в процессе обучения.

Он пишет, что в начале XX века в практике советской школы исследовательский метод являлся основным методом обучения. Тогда же были сформулированы тезисы, описывающие его сущность – он способствует формированию умственного труда и соответствует законам интеллектуального и психического развития ребенка. Достаточного методологического обоснования на тот момент не существовало, что привело к одностороннему развитию дидактики и в конечном итоге заставило советскую школу отказаться от исследовательского метода в пользу иллюстративно-демонстративного.

Элементы исследовательского подхода в обучении учащихся наибольшее освещение получили в 60-е годы XX века. Связано это с положением Л.С. Выготского о том, что обучение ведет за собой развитие, следовательно, вновь появились поиски активизации мыслительной деятельности учащихся. Были раскрыты психологические основы проблемного обучения, появились результаты психологических экспериментов.

Далее А.В. Леонтович отмечает, что в 60-е годы в СССР существовала система юношеских научных (научно-технических) обществ и малых академий наук, которая обеспечивала финансирование системы исследовательской деятельности учащихся, привлекала для работы со школьниками высококвалифицированные научные кадры, обеспечивала горизонтальные связи между учреждениями, занимающимися исследовательской деятельностью. В 1970–1980-х годах в СССР организационная структура исследовательской деятельности, наряду с вышеуказанной, имела три главные подсистемы: специализированные учреждения внешкольной работы (станции юных натуралистов, станции юных туристов, станции юных техников и т.д.); специально созданные отделы научного и технического творчества при Дворцах и домах пионеров; кружки при «продвинутой» школах, в которых работали талантливые учителя. Государство финансировало издание таких журналов, как «Юный техник», «Юный натуралист» и т.д.

В начале 1990-х годов исследовательская деятельность учащихся как система перестала существовать из-за отсутствия финансирования, однако отдельные учреждения, наработавшие за предыдущий период значительный организационный и программно-методический потенциал, сохранились и продолжили свою работу. В середине 1990-х годов волна организации школьных научных обществ прокатилась практически по всем общеобразовательным школам, началось структурное преобразование системы исследовательской деятельности и ее ресурсного обеспечения. С начала двухтысячных годов исследовательская деятельность школьников как отдельный феномен стала активно изучаться педагогами.

В настоящее время понимание смысла и назначения исследовательской деятельности в образовании претерпевает кардинальные изменения: исследовательская деятельность выступает как средство развития личности учащихся, а не только как способ профессиональной ориентации молодежи в области науки и техники.

При проектировании исследовательской деятельности учащихся в качестве основы берется модель и методология исследования, разработанная и принятая в сфере науки. Эта модель характеризуется наличием нескольких стандартных этапов, присутствующих в любом научном исследовании независимо от выбранной исследователем предметной области. Однако учебное исследование школьника, по мнению А.В. Леонтовича [7], имеет ряд отличий от научного исследования (табл.).

Прежде чем организовать полноценное исследование, необходимо научить школьников отдельным операциям, о чем уже говорилось выше. Поэтому ученики 7–9 классов должны получить возможность обучиться отдельным исследовательским умениям. Исследовательское умение на самом деле можно определить как совокупность специфических для исследования знаний и навыков, позволяющие мотивированно выполнить учебную исследовательскую деятельность или ее отдельные этапы. Структура исследовательских умений описана у академика РАО И.Г. Асмолова [3]. Общие для учебной и исследова-

тельской деятельности операции осваиваются одновременно, что позволяет менять сценарные планы уроков и экономить время.

Таким образом, говоря далее об исследовательской деятельности школьника, мы будем понимать под ней учебно-исследовательскую деятельность, в которой при соблюдении требований научности часть операций и действий может быть опущена. Сходства между учебной и исследовательской деятельностью по компонентному составу оказывается достаточно для того, чтобы оптимально включить исследовательскую деятельность в учебный процесс.

Основным условием организации исследовательских заданий любого типа является прохождение учащимися всех или большинства этапов процесса исследования. В учебниках по физике, созданных по новым стандартам, прослеживается цепочка «наблюдение–гипотеза–эксперимент–вывод», но опоры только на учебник недостаточно. Необходима система заданий, в которых учащиеся в процессе деятельности неоднократно проходили бы эту логическую цепочку [5].

Как указывает А.И. Савенков [8], незачем открывать абсолютно все законы естествознания на уроках заново. Наилучший результат дадут сочетания методов репродуктивного обучения и исследовательских методов. Помехой для применения исследовательского метода может оказаться слабое развитие творческого мышления. Отсюда вытекает необходимость включения в обучение заданий творческого характера, а также применение приемов ТРИЗ-педагогике.

Важным условием для проведения учебного исследования является грамотное руководство. Поэтому должна обязательно осуществляться подготовка педагогических кадров в области руководства учебно-исследовательской деятельностью школьников.

В основу организации исследовательской деятельности школьников положим следующие принципы [5].

Во-первых, принцип научности. Он выражается в следовании логике раскрытия структуры научных знаний, логике науки, построении содержания учебного материала на базе ведущих физических теорий.

Во-вторых, принцип контекстности. В учебном исследовании или проекте невозможно всегда произвести полный набор действий на любом материале, вне зависимости от изучаемого контекста. При обучении следует выбирать такие методы, которые обеспечат максимальный уровень самостоятельности и познавательной активности школьника.

В-третьих, принцип сознательности и познавательной активности. Он заключается в том, что учащиеся должны осознавать высокую ценность исследовательского метода, принимать исследовательскую задачу, поставленную на уроке.

В-четвертых, принцип систематичности и последовательности. Выше мы уже указывали, что для выполнения исследования у учащихся должна быть сформирована операциональная основа. Учитель поэтому планирует не отдельный урок, а систему уроков, предполагающую поэтапное включение учеников в исследовательскую деятельность и увеличение доли самостоятельности при выполнении исследования.

ОТЛИЧИЕ УЧЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

	Учебное исследование	Научное исследование
Главная цель	Приобретение учащимся функционального навыка исследования как универсального способа освоения действительности; повышение мотивации к учебной деятельности; активизация личностной позиции учащегося	Производство новых знаний в общекультурном значении
Полученный результат	Субъективно новое знание. Личностный рост субъекта	Объективно новое знание
Роль исследования	Исследование – средство ориентации в окружающей действительности	Исследование – производство нового знания

В-пятых, принцип наглядности обучения и развития теоретического мышления учащихся. Он отражает необходимость учитывать при обучении психовозрастные особенности учащихся. Начиная обучение физике в 7 классе, следует преимущественно применять индуктивные методы, обучение наблюдению, планированию эксперимента и т.д. Теоретические методы вводятся постепенно.

В-шестых, принцип прочности обучения и развития познавательных сил учащихся. Учитель ставит перед учащимися два типа учебных задач – освоение предметного содержания и освоение способов деятельности. При этом знание, полученное в процессе исследования, усваивается прочнее.

В-седьмых, принцип сотрудничества учащихся и педагога в исследовательской деятельности. Учитель является организатором и управляющим учебного исследования. С развитием исследовательских умений позиция учителя меняется «исследователь–ведущий–организатор–эксперт». Ученики постепенно перенимают позицию учителя.

В-восьмых, принцип рационального сочетания коллективных и индивидуальных способов обучения. Наиболее эффективной и на уроке, и на внеурочных занятиях, будет организация групповой работы над исследованием, с дифференцированными для разных групп заданиями. Работа в группах чередуется с

фронтальной работой, результаты работы групп обязательно обсуждаются.

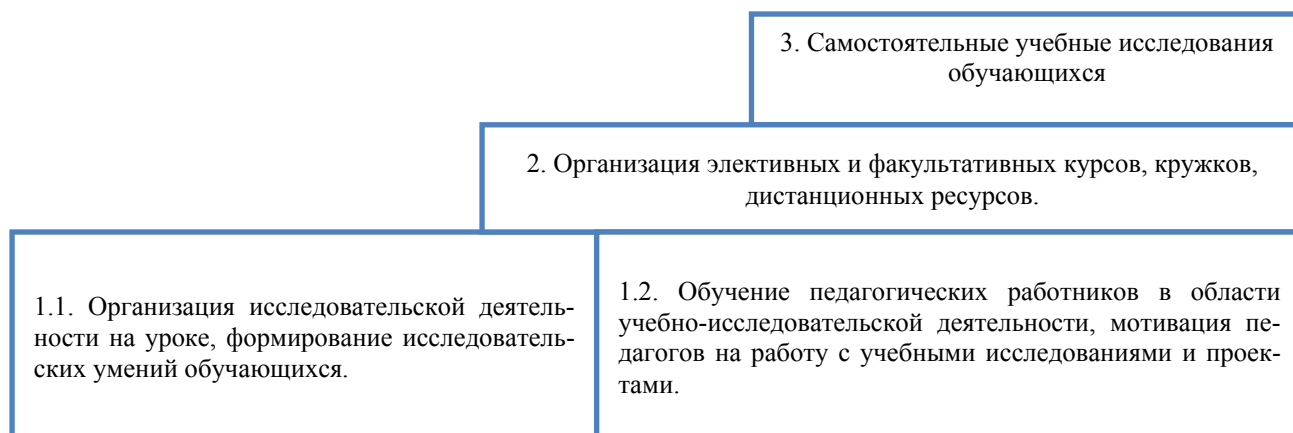
В-девятых, принцип сочетания исследовательской работы на уроке и во внеурочных формах обучения. На уроке формируются основные исследовательские умения. Во внеурочной деятельности процесс обучения подчиняется собственному темпу работы школьника. Самый высокий уровень – самостоятельная исследовательская работа в рамках школьного научного общества учащихся, полноценно выстраиваемая по нормам и в логике научной деятельности.

Кроме того, указываются принципы цикличности – следование логике научного познания «факты–модель–следствия–эксперимент»; целостности учебного процесса при организации исследовательской деятельности – показывает взаимосвязь обучающей, развивающей функций обучения; и междисциплинарной интеграции – проектируя исследовательскую деятельность по физике, следует учитывать, какие способы и приемы исследовательской деятельности (исследовательские умения) уже изучены, освоены в рамках других дисциплин.

Опираясь на вышесказанное, а также на описанные у О. Лебедевой [6] принципы организации исследовательской деятельности мы предлагаем строить обучение школьников исследовательским умениям на основе следующей модели организации учебного процесса в общеобразовательной школе (схема).

Схема

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

1.1. На уроке, как на дидактической единице учебного процесса, мы организуем деятельность по освоению всеми школьниками операционального состава учебно-исследовательской деятельности, закрепляя предметные и методологические знания, формируя необходимые исследовательские умения и навыки. С помощью системы заданий развиваем критическое и творческое мышление учащихся, расширяем кругозор [9].

1.2. Одновременно создаем условия, позволяющие включить в руководство исследовательской деятельностью школьников коллег-педагогов: освоение педагогами опыта проектной и научно-исследовательской деятельности через организацию работы творческих групп; организация лекционно-практических занятий, направленных на формирование представлений о содержании исследовательской деятельности школьников, способах вовлечения учеников в этапы исследовательской деятельности; демонстрация приемов педагогической техники из области ТРИЗ-педагогике, повышающих мотивацию педагогов на систематическое использование методических приемов, нацеленных на формирование исследовательских умений.

Все вышеперечисленное позволит более качественно формировать у учащихся универсальные учебные действия.

2. Для учащихся, заинтересовавшихся физикой, организуем элективные, факультативные и внеурочные курсы, направленные на обучение проведению учебного исследования в рамках учебного плана школы и согласно запросу участников образовательного процесса.

3. При выборе школьником темы для исследования, организуем руководство его поисковой деятельностью, обеспечивая определенную степень самостоятельности.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9 кл.) [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/938> (дата обращения 12.06.2016).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/2365> (дата обращения 12.06.2016).
3. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / под ред. А.Г. Асмолова. – Москва: Просвещение, 2017. – 159 с.
4. Райков, Б.Е. Общая методика естествознания / Б.Е. Райков. – Москва: 1947.
5. Ивашкина, Д.А. Деятельностный подход на уроках физики: организация учебного исследования / Д.А. Ивашкина. – Москва: ИЛЕКСА, 2014. – 304 с.
6. Лебедева, О.В. Принципы организации исследовательской деятельности в учебном процессе по физике в средней школе [Электронный ресурс] / О.В. Лебедева // Наука и школа. – 2012. – № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/printipy-organizatsii-issledovatel'skoy-deyatelnosti-v-uchebnom-protsesse-po-fizike-v-sredney-shkole> (дата обращения: 12.03.2017).
7. Леонтович, А.В. Пособие по разработке методической карты по организации исследовательской работы школьников [Электронный ресурс] / А.В. Леонтович, при участии О.В. Калачихиной, А.С. Обухова. – Режим доступа: http://www.abitu.ru/researcher/training/f_1emr82/a_1emx4g/ (дата обращения 02.11.2016).
8. Савенков, А.И. Исследовательское обучение и проектирование в современном образовании [Электронный ресурс] / А.И. Савенков. – Режим доступа: http://www.researcher.ru/methodics/teor/a_1xitfn.html (дата обращения 16.11.2016).
9. Розова Н.Б. Организация учебно-исследовательской деятельности обучающихся в условиях профильной школы / Н.Б. Розова, О.Л. Халвицкая // Вузская наука – региону: материалы XIV Всероссийской научной конференции. – Вологда. – С. 330–333.

O.L. Halvitskaya, N.B. Rozova

THE MODEL OF RESEARCH ACTIVITIES OF SCHOOLCHILDREN IN TEACHING PHYSICS

The article deals with the problem of forming knowledge and skills of school subject and methodology, developing the experience of school research activities through a special organization of in-class and after-class research activity. The authors suggest a model for organizing the research activity of schoolchildren in the process of teaching physics.

Research activity of schoolchildren, multipurpose teaching activities, activity approach in education.

УДК 82

И.Е. Колесова

*Вологодская областная универсальная научная библиотека
им. И.В. Бабушкина*

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МОИ ПЕНАТЫ. РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ»

2017 год стал для Вологодской области годом литературных юбилеев: Константин Батюшков и Василий Белов, Варлам Шаламов и Игорь Северянин, Ольга Фокина и Борис Чулков. Каждый из них внес в свое время заметный вклад в русскую литературу.

Достойное место в ряду юбиларов занимает современник и любимый поэт Пушкина – Константин Николаевич Батюшков – член литературного кружка «Арзамас», почетный член Вольного общества любителей российской словесности, а также поэт, прозаик, литературный и художественный критик, переводчик, который родился в Вологде в мае 1787 года, 230 лет назад.

29 и 30 мая 2017 года в Вологде прошли юбилейные мероприятия, посвященные этой знаменательной дате. Их организаторами выступили Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина и Вологодская региональная общественная организация «Батюшковское общество».

Первый день начался с возложения цветов к памятнику на могиле поэта в Спасо-Прилуцком Димитриевом мужском монастыре, где была отслужена заупокойная лития. Присутствующие почтили память поэта чтением его стихов и возложили к могиле венок с надписью «К.Н. Батюшкову от благодарных земляков».

В этот же день в Вологодской областной научной библиотеке в рамках юбилейных мероприятий открылась Всероссийская научная конференция «Мои Пенаты. Русская провинция и ее роль в истории культуры», которая собрала людей разных возрастов и разного рода занятий, объединенных интересом не только к личности и творчеству Константина Николаевича Батюшкова, но и к реалиям эпохи, окружавшим его. Ученые, краеведы, школьные учителя приехали в Вологду из разных регионов России.

Во второй день конференция продолжила свою работу на выезде. Участники посетили места Вологодской области, связанные с именем К.Н. Батюшкова. Очередное заседание состоялось в Устюжне, также участники и гости конференции приняли участие в интерактивной экскурсионной программе в музее-усадьбе Батюшковых и А.И. Куприна, который находится в селе Даниловское.

Доклады, представленные на конференции, отличались большим разнообразием как по тематике, так и по подходу к рассматриваемым проблемам, объединяясь в несколько смысловых блоков.

Открыла конференцию директор Вологодской областной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина Т.Н. Буханцева, которая приветствовала собравшихся и поздравила их со знаменательной датой. Затем главный библиотекарь отдела просветительских программ Н.В. Швецова сделала развернутый доклад «Батюшков и Вологда», посвященный тесной связи великого поэта с нашим городом.

Далее были представлены доклады, посвященные исследованию поэзии К.Н. Батюшкова с литературоведческой и философской точек зрения: выступление известного ученого, специалиста по творчеству Батюшкова доктора филологических наук профессора В.А. Кошелева из Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, посвященное рассмотрению очень значимых для батюшковской поэзии мотивов смерти и бессмертия, и доклад доктора филологических наук профессора Казанского государственного университета А.Н. Пашкурова, который рассматривал поэзию Батюшкова в контексте предромантической философии.

Отдельный смысловой блок составили выступления, связанные с изучением батюшковской эпохи и предметного мира, окружавшего поэта. В него вошли доклады, посвященные батюшковским материалам в собраниях Всероссийского музея А.С. Пушкина и Литературного музея Пушкинского Дома, подготовленные приглашенными на конференцию «Батюшковским обществом» заведующим отделом «Музей Г.Р. Державина и русской словесности его времени» Всероссийского музея А.С. Пушкина кандидатом филологических наук Н.П. Морозовой и ее коллегой – научным сотрудником Литературного музея Института русской литературы («Пушкинский Дом») РАН Л.Е. Мисайлиди (г. Санкт-Петербург). Также в этот блок вошли доклады об исследованиях особенностей исторического провинциального портрета XVIII века, проведенных М.Е. Даен (г. Вологда), об истории существования церкви в селе Даниловское, подготовленный директором музея-усадьбы Батюшковых и А.И. Куприна С.Ю. Беловой (с. Даниловское), исследования вологодских и череповецких краеведов О.В. Шигаревской и Н.В. Фоминых, а также сообщение директора Дома-музея А.Ф. Можайского М.А. Стуковой (г. Вологда) о работающей в нем выставке, посвященной усадебной культуре. Тематически к этому же

блоку можно отнести и доклады, представленные на конференции в стендовой форме: сообщение об Обществе попечителей о тюрьмах и роли в его работе православного духовенства, автором которого является кандидат исторических наук О.Б. Молодов (г. Вологда), и доклад об усадебном туризме преподавателя Вологодского государственного университета М.Л. Колесовой.

Также в процессе работы конференции рассматривались проблемы сохранения наследия К.Н. Батюшкова на современном этапе развития общества. Этот смысловой блок стал самым объемным и включал в себя доклады, посвященные проблемам сохранения, изучения и пропаганды наследия К.Н. Батюшкова, подготовленные членами ВРОО «Батюшковского общества» А.Н. Волковым, В.Л. Леонтьевым, М.А. Базановой, В.Д. Чусовой и М.А. Волковой (г. Череповец) и вологодскими краеведами И.В. Чекаловой и В.П. Лебедевым.

Достойным завершением конференции стали доклады методического характера, связанные с изучением поэзии Батюшкова в школе, представленные череповецким и вологодским учителями К.А. Елистратовой и А.П. Беловой.

По итогам конференции был подготовлен «Сборник материалов», который опубликован на средства гранта президентского фонда «Перспектива», выделенного на реализацию проекта «Краеведческая программа “Отечески Пенаты”» (на базе образовательных учреждений Череповецкого муниципального района Вологодской области). Он предназначен для широкого круга читателей, интересующихся творчеством К.Н. Батюшкова и особенностями его эпохи. Ознакомиться со статьями, напечатанными в сборнике, можно на сайте Вологодской областной универсальной научной библиотеки по адресу <https://www.booksite.ru/forum/knigi/penaty.pdf>.

УДК 008

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «DIMENSIONS OF AGEING / АСПЕКТЫ СТАРЕНИЯ» (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО УНИВЕРСИТЕТА ОСЛО, 27 СЕНТЯБРЯ 2017 г.)

27 сентября 2017 г. в Представительстве Университета Осло в Санкт-Петербурге (Калужский переулок, дом 3) состоялся междисциплинарный семинар, посвященный проблемам старения. Его тематика привлекла внимание специалистов из разных стран и отраслей гуманитарных и естественных наук – медицины, социологии, психологии, филологии, кинематографического искусства и т. д. Такой подход позволил рассмотреть интересные аспекты антропологии и дать возможность изучать их в общем контексте историко-культурной проблематики.

Семинар был организован при непосредственном участии норвежских университетов Осло, Бергена, Тромсё и Тронхейма. На открытии выступили председатель правления Представительства, декан гуманитарного факультета Университета Осло г-н Арне Бугге Амудсен, ректор Бергенского университета г-н Даг Руке Ульсен, генеральный консул Генерального консульства Норвегии в Санкт-Петербурге г-н Даг Малмер Халворсен. Участие и заинтересованность таких высоких гостей в заявленной проблематике придали семинару не только официальный статус важного международного события, но и позволили включить в дискуссию представителей гуманитарной науки Норвегии, которые в данном направлении находятся на передовых позициях.

Доклады и их обсуждение продолжались в течение всего дня с небольшими перерывами. Среди участников, кроме зарубежных коллег, были представители россий-

ских университетов из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Нижнего Новгорода, Калининграда.

Тематика докладов была различна и в основном сосредоточена на культурогенезе старения, которая вызвала большой интерес у ученых и слушателей. Так, г-жа Анн Тересе Лотерингтон (Тромсё) выступила с сообщением «Творчество и деменция. Экспериментальное художественное вмешательство для полноценной жизни»; д-р А.Ю. Мейгал (Петрозаводск) осветил психофизиологические аспекты старения у пациентов с болезнью Паркинсона, д-р Л.Н. Захарова (Нижний Новгород) затронула вопрос о психологическом мире старения, а доцент С.В. Горанская (Петрозаводск) в соавторстве с членом-корреспондентом РАН В.Н. Анисимовым (Петрозаводск) с большим вдохновением прочитала доклад на тему «Преимущества старости: уроки прошлого, ресурсы настоящего, вызовы будущего (по сборнику афоризмов “Не дожидетесь!”)».

После перерыва заседания продолжились выступления Яна Свенневига (Осло) – «Поиск и подбор лексики у билингвов с деменцией», Ю.А. Сафоновой (Москва) – «Старость и ее представление в русской языковой картине мира», Мерете Ли (Тронхейм) – «Взгляд на старение в контексте использования технологий для ухода за пожилыми людьми», А.О. Бударинной (Калининград) – «Особенности обучения иностранному языку людей пожилого возраста: мифы и реальность».

Дневное заседание было также весьма интересным и открыло новые перспективы в обсуждении проблемы старения на примере художественных текстов, интерпретации произведений устного народного творчества и включении данной проблематики в систему антропологических констант современного общества. Прозвучали доклады таких ученых, как Маргери Вибе Скаген (Берген) «Ревери как поздний жанр», О.Е. Кармаковой (Москва) «Взгляд на старость в русском деревенском социуме (традиционном и современном)», Хельге Йордхейм «Старение в контексте новых жизненных циклов», О.В. Никитина (Москва) «Поэтика “старости” в “Олонецких сказках” А.А. Шахматова (лингвокультурологический аспект)», Свейна Атли Сколевога (Берген) «Кнут Гамсун, долгая жизнь и антинарративизм», Н.В. Геташвили (Москва) «“Осень нашей весны”, или “третий возраст” в русском искусстве XX века», С.Б. Шамова (Москва) «Гармония и диссонансы возраста: перелистывая партитуру Ильи Саца для постановки пьесы Кнута Гамсуна “У жизни в лапах”», Т.П. Лёнгрен (Тромсё) «Подводя итог несканному: фру Гиле на киноэкране».

Профессор О.В. Никитин завершил свое выступление рассказом о самой колоритной старухе в русских сказках – Бабе-яге, художественный образ которой получил выражение и в народной лубочной культуре. О.В. Никитин напомнил участникам семинара слова знаменитого фольклориста В.Я. Проппа, который выделял три значения образа Бабы-яги: *дарительница* (она дарит герою сказочного коня либо волшебный предмет); *похитительница детей*; Баба-

яга-*воительница*, сражаясь с которой «не на жизнь, а на смерть», герой сказки переходит к иному уровню зрелости. Его доклад вызвал оживление в зале, ведь похожие литературные персонажи есть в национальном фольклоре и других европейских стран. Затем, после выступления, состоялась интересная дискуссия.

В заключительной части семинара был представлен доклад профессора Оксфорда Джорджа Руссо (Великобритания), в котором он рассказал о работе над книгой «Плащ Рахманинова: ностальгия».

Вечером состоялся официальный прием в Представительстве и дружеский ужин.

На протяжении работы семинара всех участников опекали заботливые петербургские коллеги, и прежде всего М.А. Федотова и Ксения Зарецкая. Они делали все возможное, чтобы участникам научного форума было комфортно и по-домашнему уютно.

Семинар был во многом успешен благодаря четкой организации работы Норвежского представительства в Санкт-Петербурге, его председателя г-на Арне Бугге Амундсена, который мастерски и с творческим огоньком вел заседания, а также неутомимой подвижнической деятельности г-жи Т.П. Лёнгрен (Университет Тромсё), всегда приходившей на помощь и молниеносно решавшей любые «производственные» вопросы.

Участники мультидисциплинарного семинара отметили важность проведения таких мероприятий в будущем и привлечения специалистов широкого профиля для наиболее объективного освещения антропологической проблематики.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е.Н. Ильина

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

«НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ»: ОТЧЕТ О РАБОТЕ ПО ГРАНТУ ВОЛОГОДСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Еще в середине XIX века известный российский филолог Измаил Иванович Срезневский, размышляя о «географическом разнообразии народов» и перспективах картографирования языковых различий, положил начало такому направлению в современной науке, как лингвистическая география. В течение полутора столетий ее существования российские ученые, картографируя лингвистическую информацию, сопровождали ее подробными аналитическими комментариями и объемными приложениями, иллюстрирующими закономерности использования языковых единиц в речевой практике жителей различных регионов. Развитие информационных технологий на рубеже XX–XXI веков обеспечило возможность фиксации регионально маркированных речевых произведений в форме поликодовых (аудиовизуальных) текстов, данные которых могут иметь весьма широкую, разноаспектную интерпретацию, способствовать развитию таких научных направлений, как когнитивная диалектология, этнолингвокультурология, региональная лингвоперсоналогия и др. В связи с этим многие российские центры региональных исследований публикуют поликодовые тексты подобного рода, как, например, фольклорно-диалектологический альманах «Слово», издаваемый кафедрой русской филологии Амурского государственного университета (Благовещенск) или серия «Народная речь Вологодского края», с 2011 года издаваемая вологодскими диалектологами. Большинство изданий этой серии имело организационно-финансовую поддержку Вологодского регионального отделения Русского географического общества. Это одна из старейших в России общественных организаций, деятельность которой направлена на глубокое и всестороннее изучение географии, истории и культуры России. Созданное в 1845 году по указу императора Николая I, Русское географическое общество объединяет людей, заинтересованных в изучении природного и культурного наследия страны: государственных деятелей, путешественников, ученых. Активное участие в создании Общества принимали российские филологи: создатель «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль, известный писатель Владимир Федорович Одоевский и многие другие. Вологодское региональное отделение Русского географического общества, образованное в 1954 году заслуженным деятелем науки,

доктором географических наук Юрием Дмитриевичем Дмитриевским, уже много лет исследует словесную культуру родного края, обращая особое внимание на специфику названий его географических объектов, особенности диалектного членения русского языка на территории Вологодской области, а также на проблемы сохранения традиционной речевой культуры региона.

Издания серии «Народная речь Вологодского края» представляют речевые портреты наших современников – жителей различных административных районов Вологодской области, используя для этого аудиовизуальные материалы диалектологических экспедиций разных лет, письменные тексты мемуарного характера, публикации региональных СМИ и др. Если первая работа данной серии¹ была практически полностью посвящена речевому портретированию, то последующие издания сопровождают галерею речевых портретов лингвистическим описанием говоров определенной местности², а также характеристикой новых дискурсивных практик существования традиционной народной культуры³.

Продолжением работы в этом направлении стал проект 2017 года «Народная речь Вологодского края: опыт функционально-типологического исследования», в рамках которого диалектологи Вологодской области подготовили коллективную монографию, а также серию научных статей, изданных в российских и зарубежных рецензируемых изданиях, приняли участие в работе нескольких всероссийских и международных конференций, а также организовали и провели Всероссийскую школу-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов (совместно с учеными Института лингвистических исследований РАН) в г. Санкт-Петербурге.

¹ Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии / С.А. Ганичева, П.Н. Задумина, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина, С.В. Шильниковская; науч. ред. Е.Н. Ильина. Вологда: Легия, 2011.

² Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области: монография / С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова; науч. ред. Е.Н. Ильина. Вологда: 2012.

³ Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим: монография / Е.П. Андреева, С.А. Громыко, Ю.Н. Драчева, А.В. Загуменнов, Л.Ю. Зорина, Н.Н. Зубова, Е.Н. Иванова, Е.Н. Ильина, И.Е. Колесова, Н.В. Комлева, Т.Г. Овсянникова, Т.В. Парменова, Л.Г. Яцкевич; науч. ред.: Ю.Н. Драчева, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина. Вологда: Легия, 2015.

К числу ключевых проблем проекта 2017 года можно отнести, в первую очередь, изучение гендерных особенностей региональной языковой личности на материале записей звучащей речи, а также письменных документов XVII–XXI вв. Этой проблеме посвящена очередная монография серии⁴, доклады и публикации С.А. Ганичевой, А.В. Загуменнова, Н.Н. Зубовой, Е.Н. Ильиной, Н.Г. Мельниковой, а также кандидатская диссертация Н.Н. Зубовой⁵, защита которой состоялась в мае 2017 года в Вологодском государственном университете.

Продолжилось обращение к новым дискурсивным практикам существования традиционной речевой культуры и к проблеме культурной трансмиссии, находящей свое отражение в коммуникативном пространстве региона. Исследователи обратили внимание на сферу т.н. «народного православия» (Е.А. Кирилова), проблемы бытования традиционных фольклорных жанров (В.В. Карпова), реализацию «лингвистического кода региона» в системе СМИ (Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина), а также в учебно-методическом дискурсе (Т.Г. Комиссарова).

Из поля зрения участников проекта не исчезла и традиционная проблематика филологической регионалистики:

вопросы морфемики и словообразования вологодских говоров (И.Е. Колесова, Е.А. Кирилова), лингвистической географии (С.А. Ганичева), когнитивной лингвистики (С.А. Ганичева), лингводидактики (Е.Н. Ильина, О.Н. Крылова). В 2017 году продолжилась также научно-методическая деятельность участников проекта: состоялось обсуждение проблем региональной языковой личности в рамках научно-просветительского проекта «Беседы о русском языке» на базе Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина, а также была организована работа Всероссийской школы-семинара молодых лексикографов, лексикографов и лингвогеографов на базе Института лингвистических исследований РАН.

Коллектив научно-исследовательского проекта «Народная речь Вологодского края» благодарит Вологодское региональное отделение Русского географического общества за организационную и финансовую поддержку своей деятельности и надеется на продолжение сотрудничества, результатом которого будет сохранение, изучение и популяризация словесной культуры Вологодского края.

⁴ Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография / Н.А. Волкова, С.А. Ганичева, А.В. Загуменнов, Е.Н. Ильина, Н.Г. Мельникова. Вологда; Череповец: Изд-во ЧГУ, 2017.

⁵ Зубова, Н.Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания: дис. ... канд. филол. наук. Вологда: ВоГУ, 2017.

О.Н. Адаменко

кандидат исторических наук

Общество с ограниченной ответственностью «Старый город», г. Вологда

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЧЕРКАСОВА М.С. СЕВЕРНАЯ РУСЬ:
ИСТОРИЯ СУРОВОГО КРАЯ XIII–XVII ВВ. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2017. 255 с.
(НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ)**

На протяжении последнего десятилетия возросла публикационная активность вологодских историков – издаются многочисленные научные статьи, монографии, сборники исторических документов, научно-популярные книги. Накопленные исследователями материалы позволяют представить общественности результаты своих трудов, поставить новые вопросы в изучении археологии, истории и культуры Вологодского края. Одним из активных авторов является Марина Сергеевна Черкасова – доктор исторических наук, профессор, неутомимый исследователь истории Русского Севера, развития монастырских корпораций и средневековых городов, народной культуры и повседневности. Переход исследовательницы к новому формату своих книг – научно-популярному, заслуживает внимания широкого круга читателей. Доступным языком описана личность человека эпохи Средневековья, его взгляд на богатство и бедность, права собственности, социум. Мастерство историка выражается здесь в умении показать именно Человека и его повседневную жизнь в официальной истории великих князей и царей, известной каждому по школьному курсу.

Издание книги «Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв.» основано на обширной базе исторических источников и богатой историографической традиции. Большая часть фактологического материала изложена исследовательницей ранее в научных статьях и монографиях, комментариях к издаваемым письменным источникам. Формат позволил автору раскрыть аспекты своей работы, не всегда соответствующие научным изданиям. М.С. Черкасова подробно излагает ход своих мыслей, подчеркивая взаимосвязи между историческими фактами, приводит междисциплинарные свидетельства (топонимика, антропонимия, культурология) своих научных выводов, высказывает предположения о давно не разрешимых исторических проблемах, рассматривая их с учетом различных точек зрения.

Книга содержит четыре раздела: I. Земля и власть; II. Земля и люди в городе и деревне; III. Человек во времени; IV. Культура и общество; а также библиографический список и иллюстрации. Каждый раздел включает серию очерков, высвечивающих отдельные периоды вологодской истории. В книге учтены результаты многолетних исследований местных историков, археологов, краеведов. Во введении к книге автор уточняет территориальные и хронологические границы очерков, научные подходы, выбранные для максимального раскрытия ментальности человека эпохи Средневековья.

Первый раздел состоит из четырех очерков и охватывает широкий период истории с XIII до начала XVII в. Очерк «Северная окраина Древней Руси» обобщает письменные и археологические материалы раннего Средневековья на территории края. Так называемый «ордынский след» XIII–XV вв. автор прослеживает в комплексе разносторонних источников, аргументированно доказывая взаимозаменяемость таких понятий, как улусец, волостка, станок, бытование в крае ордынских по происхождению повинностей и должностей. Через призму татарского владычества в крае (урбонимы Числиха, Кайсаров ручей) рассматривается и ранняя история города Вологды, первое достоверное упоминание о котором относится к 1264 г. Этот очерк составлен как междисциплинарное исследование на стыке истории и лингвистики. Автор привлекает и литературные источники – исторические песни и сказания, агиографические памятники. В самом информационно насыщенном очерке «Административно-территориальные структуры в XV–XVII вв.» исследовательница описала политические и территориальные изменения, эволюцию системы управления в Белозерье, Кубено-Заозерском, Устюжском (Великий Устюг) и Вологодском краях. Тщательно изучена двойственная структура управления в г. Вологде и уезде в XV–XVI вв., что отразилось и на церковных институтах. О сложных перипетиях вологодской истории идет речь в очерке «Опричнина и Смута». Автором выстроена хронология событий, показана трансформация землевладения в середине XVI в., взаимодействие территорий и роль местного самоуправления в преодолении последствий драматичных событий начала XVII в.

Второй раздел посвящен человеку и социальным отношениям в городской и сельской средах в XVII в. Очерк «Демография» знакомит читателя с возможностями массовых источников для определения общей численности и социальной структуры населения, изучения миграционных потоков в рамках Вологодского уезда и шире по Русскому Северу. Затем следует очерк, посвященный различным аспектам семейно-брачных отношений: возраст вступления в брак, выбор сезона для свадьбы, «порядные» (брачные) записи с перечислением приданого, выход замуж за пределы родной волости, разводы, повторные браки, забота о детях в духовных грамотах (завещаниях).

Третий раздел книги «Человек во времени» написан в антропологическом ключе, с акцентом на жизненный путь конкретного человека, в том числе из «безмолвствующего большинства», на фоне макроистории. Здесь впервые в исторической литературе под-

робно освещен жизненный путь первого и последнего вологодского удельного князя Андрея Васильевича Меньшого (1452–1481). Развитие отношений внутри крестьянской семьи, с классической и для сегодняшнего дня проблемой спора родственников о наследстве, рассмотрено автором по комплексу документов крестьянского семейства Рычковых второй половины XVII в. из северной Усть-Вымской земли. Яркая личность и судьба одного из богатейших, но при этом неграмотных людей Вологды – гостя (купца) Гаврилы Мартыновича Фетиева (ок. 1630–1683) – рассмотрена в отдельном очерке. Автором показано активное участие купца в общегородской жизни, при строительстве новых храмов, его деловое поведение в таможенной и торговой сферах, соляном промысле, купля-продажа городских дворов и лавок (*всем городом Вологодой завладел*), содержание его духовной грамоты – редкого документа для купеческой среды того времени. Выявлена и неблагоприятная сторона личности Фетиева – его бесчинства и произвол в таможенной службе, грабежи на ярмарке (*словесно бесчестит и матерно лает и бьет и бороды дерет*). Предпринимательская деятельность купца проиллюстрирована текстами деловых документов XVII в. Быт Фетиева отражает образ жизни богатого вологжанина, окруженного иноземными вещами, мехами, драгоценностями и даже заморскими певчими птицами. Каждая из персоналий этого раздела книги рассмотрена автором в сфере их личных притязаний и конфликтов, мировоззрения в целом. Очерк наполнен живыми голосами вологжан XVII в.

Четвертый раздел книги «Культура и общество» состоит из очерков о благотворительности и милосердии государства, городской и сельской общины, монастырей и церквей, а также частных лиц. Социально значимым моментом книги является обращение к традиционным ценностям XVI–XVII вв., актуальным и в наше время, – милосердию к больным и пожилым людям, семьям без кормильца и малолетним сиротам, благотворительной помощи разбогатевших вологжан обездоленным людям. Культура народных, церковных и семейных праздников с их пирами-братчинами, скоморохами, обычаями даров-подношений представителям вотчинной администрации, конфликтами (*подерюшками*) позволяет по-новому взглянуть на повседневность и образ жизни людей русского средневековья.

Актуальным считаем и обращение автором внимания на роль книжности и грамотности в традиционном обществе. Интересны наблюдения над составом книжных собраний монастырей и приходских церквей, выявленными примерами подчеркнутой гра-

мотности или безграмотности ряда вологжан. Привлечение материалов более широкого территориально диапазона – по центральным уездам страны – обогащает изложение, делая его более ярким и динамичным. Однако не всегда дано объяснение средневековой терминологии, сложной для неподготовленного читателя.

Очерки снабжены картографическим материалом, позволяющим визуально представить описываемую территорию, иллюстративным материалом – фотографиями храмов, копиями документов XVI в. Несомненно, данный перечень можно было значительно расширить, включив в него панорамы городов и фотографии других церквей, о которых идет речь в книге, музейные экспонаты, страницы книжных памятников XVI–XVII вв. На наш взгляд, при изложении такой широкой проблематики, заявленной автором, уместно было бы включить в библиографический список полный перечень монографий и статей автора, чтобы помочь читателю сориентироваться в источниках о каком-либо особо интересующем его аспекте вологодской истории.

Полагаем, что книга особо будет востребована школьниками, а также студентами исторических факультетов, она раскрывает перспективы исследования Русского Севера и возможности письменных источников, доступным языком объясняя сложные исторические события и сущность научных понятий. В последние годы наблюдается возросший интерес вологжан к истории края, что проявляется в популярности таких интернет-ресурсов, как группа «Старая Вологда», в активном посещении горожанами презентаций краеведческих книг в областной библиотеке, в собственных исследовательских практиках составления семейной генеалогии в архиве. Чтобы неподготовленному человеку сориентироваться в информационном потоке, включающем сегодня и псевдоисторическую литературу, особенно важен выход книг профессиональных историков, умеющих качественно анализировать достоверные исторические источники и доступным языком излагать их суть широкому кругу читателей. Для изданных очерков М.С. Черкасовой характерна содержательность, информационная насыщенность, высокая степень обобщения разрозненных исторических материалов, детальный критический анализ поднимаемых проблем. В завершение пожелаем автору успешного развития научно-популярного направления своих изданий на основе богатейших материалов ее научных исследований, а читателям – увлекательного путешествия в отраженный в книге мир русского средневековья.

Л.В. Егорова

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английского языка ВоГУ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СИДОРОВА О.Г. ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕБНИКИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗД-ВО УРАЛ. УН-ТА, 2016. 172 с.
(Б-ка журнала QUAESTIO ROSSICA)**

Монография Ольги Григорьевны Сидоровой может порадовать многих: филологов, культурологов, историков, специалистов в области межкультурной коммуникации. В центре исследования – первые учебники английского языка, написанные российскими авторами для российских студентов во второй половине XVIII – начале XIX века. Автор не скрывает, что когда впервые брала их в руки, переживала сложную гамму чувств. «Как им, ученикам того времени, удавалось выучить язык по этим учебникам?» – одно из главных недоумений при начале знакомства. Отличие учебников той эпохи от привычных нам разительно: «...принципиально иная подача материала, огромный объем малопонятной с современной точки зрения теории, полное отсутствие многих привычных элементов (таких, например, как контрольные вопросы, упражнения, иллюстрации и др.). Они подчеркнуты серьезны и кажутся скучными, на первый взгляд (впрочем, и на второй)...» [1, с. 12]. Постепенное проникновение позволило усмотреть логику в кажущемся нагромождении материала, ощутить метаязыковые, подчас весьма эмоциональные комментарии авторов текстов, испытать не просто удовольствие, но восхищение.

Помимо введения и заключения в книге четыре главы. Первая глава позволяет погрузиться в контекст распространения английского языка в России. Изучению языков способствовала политика европеизации, проводимая Петром I. В ноябре 1698 года Петр подписал указ об отправке россиян «в разные государства учиться всяким наукам», и, по некоторым оценкам, за время его правления несколько тысяч русских отправились в Европу. В 1702 году вышел манифест о приглашении «искусных» иностранцев на русскую службу на льготных условиях. Прямой метод освоения иностранных языков был единственно возможным при отсутствии учебных заведений, программ, учебников.

Изучались языки и частным образом. Примерно с середины XVIII века в дворянские дома начали приглашать гувернеров и гувернанток. Преобладали носители французского и немецкого языков, но были и англичане. «Первые мисс Эмми: английский няни, гувернантки и компаньонки в дореформенной России» – так называет статью Э. Кросс [2].

«Словарь русского языка XVIII века» фиксирует вариативность слова «английский» и его производных: *аглинский, аглицкий, английский, англишский; агличане, англичане, англанцы; англичанский...* [1, с. 21]. Даже в первые десятилетия XIX века многие

англицизмы оставались на стадии «проникновения»: их произношение и написание варьировались, например *клуб/клуб, але/эль, лади/леди*. Не устоялись и формы передачи личных имен: «Шакеспear» и «Невтон» постепенно уходили, но произвол в транскрипции оставался. П. Вяземский в 1864 году запечатлел: «Байрón иль Бейрон, как угодно, / Пожалуй, Бйрон иль Бирон, / На нашем языке свободно, / У нас любой перекрещен» [1, с. 23–24].

Англомания постепенно набирала силу. Само слово «англоман» было зафиксировано в 1803 году в «Новом словотолкователе» Н. Яновского: «Кто удивляется и подражает с излишеством, смеха достойным, всему тому, что делается в Англии» [1, с. 24]. Вначале термин был «резко отрицательным... отрицательно-насмешливым» [1, с. 24]. Наряду с теми, чей интерес ограничивался приверженностью к внешним атрибутам английского образа жизни и моде, были и истинные знатоки английской культуры и языка. Известными англоманами были влиятельные Воронцовы. Племянник графа Михаила Илларионовича Воронцова, дипломата и канцлера, граф Семен Романович Воронцов в 1785 году стал российским послом в Англии, где провел около сорока восьми лет, с одним небольшим перерывом (ездил в Россию в 1802 году). Его сын Михаил Семенович, видный военный и государственный деятель России («полумилорд, полукупец» у Пушкина), свободно владел английским, французским и русским (удивительно, но знание русского языка – «факт достаточно редкий для человека его круга и воспитания» [1, с. 28]). Дочь графа Екатерина Семеновна вышла замуж за одиннадцатого графа Пемброка и стала хозяйкой знаменитой усадьбы Уилтон Хаус, где и сегодня живут ее потомки.

Предсказуемо, что учебники английского языка писали люди не этого круга, но представители демократической интеллигенции.

Вторая глава рассказывает о Морском кадетском корпусе, ставшем своеобразным центром создания отечественных учебников по английскому языку. Известно, что британцы в течение всего XVIII века вносили существенный вклад в развитие российского флота: британские кораблестроители и офицеры служили в России, будущие корабли проходили обучение на судах и верфях Британии. Именно в учебном заведении по подготовке кадров для флота России (судостроителей, офицеров) начали преподавать английский язык на регулярной основе.

Школа математических и навигацких наук была создана в 1701 году в Москве в Сухаревой башне.

1 октября 1715 года школа (уже Морская академия) переведена из Москвы в Санкт-Петербург. За ходом обучения «морской гвардии» следил сам Петр. Он и определил науки, которым следует «учить детей». В навигацкой школе состав учеников был пестрым. В Морской академии учились только дети российского дворянства. Школа меняла названия (Морской шляхетный корпус, Морской кадетский корпус) и места пребывания. В передовое учебное заведение корпус превратился за 40 лет руководства (1764–1802) И.Л. Голенищева-Кутузова. С 1764 по 1773 годы инспектором корпуса служил писатель, переводчик, лексикограф, библиофил Г.А. Полетика, который «желал по всем предметам ввести печатные руководства» и «поощрял литературные занятия учителей» [1, с. 40–41].

В первые годы существования корпуса иностранным языкам, судя по фамилии, учили иностранцы. Постепенно языки начали преподавать русские учителя. Они и стали авторами первых в России учебников. Собранный О.Г. Сидоровой материал реконструирует их жизненные и творческие пути.

Михаил Пермский (1741–1770) происходил из духовенства, получил образование в Александро-Невской духовной семинарии в Санкт-Петербурге. В 1758 году был направлен дьячком в церковь при русском посольстве в Англии, но скоро понял, что это не его призвание. 22 сентября (3 октября) 1760 года ему выдали паспорт для возвращения в Россию. Зачислен студентом в Московский университет, где одновременно преподавал английский. Кроме того, он публикует переводы с английского и других языков в журналах (среди переводов – художественные произведения и журнальные статьи, в частности Р. Стила, Дж. Аддисона). По окончании университета в 1765 году Пермский зачислен учителем английского языка в Морской шляхетный кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Уже через год в типографии корпуса вышел его труд. В названии зафиксировано, что это перевод: «Практическая английская грамматика, переведенная с английского на русский Морского шляхетного кадетского Корпуса переводчиком Михайлом Пермским». Оригинал неизвестен. Ряд теоретических глав является переводом глав пособия Томаса Дилворта (впервые пособие издано в 1761 году, к 1773 вышло более 30 переизданий).

Учебник состоит из 15 глав. О.Г. Сидоровой рассмотрено много интересного и поучительного, но мне бы хотелось остановиться на одном моменте – вопросно-ответной форме, характерной и для отечественного, и для западно-европейского научно-учебного дискурса, начиная с античности. Воспроизведу небольшой отрывок из главы I («О грамматике вообще»):

– Вопрос: *Что есть грамматика?*

– Ответ: Грамматика есть наука о буквах, или знание писать и говорить правильно.

– Вопр.: *Что ты разумеешь через английскую грамматику?*

– Ответ: Знание писать и говорить английским языком исправно и правильно.

– Вопр.: *Как грамматика разделяется?*

– Ответ: Грамматика разделяется на четыре части: на Орфографию или правописание, Просодию или ударение, Аналогию или произведение слов, и Синтаксис или сочетание слов [1, с. 47].

Сравнение с началом первой главы (*Of Grammar in general*) из третьей части (*A Practical English Grammar*) учебника Т. Дилворта позволяет заметить несомненное сходство:

– Q.: What is Grammar?

– A.: A Grammar is the Science of Letters, or the Art of Writing and Speaking properly and syntactically.

– Q.: What do you mean by English Grammar?

– A.: The Art of Writing and Speaking the English Tongue properly and syntactically.

– Q.: How is Grammar divided?

– A.: Grammar is divided into Four Parts: Orthography, Prosody, Analogy and Syntax [1, с. 48].

Трудно не согласиться с О.Г. Сидоровой и с теми исследователями, кто рассматривает учебник М. Пермского как краткую компиляцию.

Принципиально иной была ситуация с учебниками Прохора Ивановича Жданова, коллеги Пермского по Морскому корпусу. У него мы наблюдаем оригинальный авторский подход к предъявлению материала. Сведений биографического плана о Жданове сохранилось немного. Мы не знаем года его рождения. Д.В. Руднев указывает, что «он происходил из поповичей» [1, с. 55]. По данным Э. Кросса, в 1760-е годы он служил в Лондоне в качестве церковнослужителя низшей категории, пономаря или дьячка, в 1766 году обратился к послу графу Мусину-Пушкину с прошением перевести его в студенты при Коллегии иностранных дел, ибо не имел «никакой склонности посвятить себя духовному чину» [1, с. 56]. В 1770 П. Жданов был определен в Морской кадетский корпус для преподавания английского языка, чем он и занимался более 30 лет вплоть до самой смерти в 1801 году. В 1796 «за рачительное исполнение должности» ему был присвоен чин премьер-майора – высший чин восьмого класса в Табели о рангах.

Прохор Жданов написал и издал два пособия по английскому языку: первое – в 1772 году (второе издание – в 1776, третье – 1801), второе – в 1776. Он перевел на русский учебник Т. Дилворта 1751 года: «Новый предводитель англинского языка Томаса Дилуэрта» (переиздания – 1793, 1803).

Жданов является автором первого в истории англо-русского словаря: второй раздел его пособия 1772 года составлен по тематическому принципу и содержит около 4 тысяч слов. В 1784 издан «Новый словарь»: 30 тысяч слов представлены в алфавитном порядке.

Кроме того, Жданов состоял членом первой профессиональной организации переводчиков в России, учрежденной Екатериной II, – Собрания, старающегося о переводе иностранных книг. Он переводил английские пьесы на русский. В течение нескольких лет (1774–1777) руководил в Морском корпусе любительским театром, в 1790-е – певческим хором.

Обратившись к его изложению теоретико-грамматического материала, мы видим, что в издании «Английской грамматики» 1772 года Жданов отказался от традиционной катехизисной формы в пользу представленной параграфами:

§ 1. Грамматика есть наука показывающая свойственные мыслей изображения словами...

§ 2. Грамматика разделяется на четыре части, а именно

- на Орфографию или правописание.
- Этимологию или произведение слов.
- Синтаксис или сочинение слов.
- Просодию или ударение слов [1, с. 61].

Как отмечает О.Г. Сидорова, «отсутствие в учебнике вопросов сокращает, то есть упрощает подачу материала для ученика и <...> заметно сокращает объем книги» [1, с. 62].

В сильно переработанном издании 1801 года автор следует той же модели, но выверяет формулировки:

§ I. Грамматика учит правильно употреблять как в разговорах так и в письме язык Английский.

§ II. Грамматика разделяется на четыре части:

- 1 – Правописание, Orthógraphy.
- 2 – Словопроизведение, Etymólogy.
- 3 – Словосочинение, Syntax.
- 4 – Словоударение, Prósody [1, с. 72].

О.Г. Сидорова обращает внимание на то, что «само определение грамматики из невятного и расплывчатого превращается в конкретное и понятное». Ее составные части (по представлениям XVIII века), в отличие от раннего учебника, названы русскими терминами, что способствует лучшему пониманию системы» [1, с. 72]. Детальное сравнение ранней и поздней версий свидетельствует об изменении подходов к подаче материала и целостной переработке учебника. Тридцатилетний опыт преподавания сказался на отточенности формулировок, практическом характере примечаний и проч. Потенциальную сферу применения учебника автор расширил от «благородного юношества» до «всех Россиян, обучающихся Английскому языку» [1, с. 76].

Третий раздел второй части посвящен Прохору Игнатьевичу Суворину (1750–1815). Он, сын священника, в 1758 поступил в тверскую семинарию, в 14 лет блестяще ее закончил. Буквально через месяц был отправлен в Англию для продолжения обучения в Оксфордском университете. В июне 1775 вместе с В.Н. Никитиным получил степень магистра – «почетъ необыкновенную там для иностранцев, по которой имели право пользоваться выгодами того учебного сообщества и преимуществами природного англичанина» [1, с. 78]. В том же году они вернулись в Россию и были направлены в Морской кадетский корпус. В течение двадцати лет (1775–1795) Суворин преподавал математику, латинский и английский языки, а также мифологию, затем стал помощником инспектора корпуса, инспектором. Выйдя в отставку в 1795 году, в 1798 он вернулся на службу – стал профессором английского языка вновь образованного Черно-

морского штурманского училища в Николаеве. Там он не только преподавал, но «из усердия к службе принял управление типографии того училища и отпращивал всякую корректуру четыре с половиной года» [1, с. 79]. В 1802 году вышел его учебник «Разговоры английские и российские, разделенные на 130 уроков, для употребления юношеству и всем начинающим учиться сему языку». В 1804 году он вторично вышел в отставку и жил в Николаеве до 1810 года, когда высочайшим указом был назначен ординарным профессором высшей математики в Московский университет.

Четвертый раздел второй части рассматривает проблему «“Свое” и/или “чужое”, или Насколько компилятивны первые русские учебники английского языка». Здесь рассмотрен учебник Т. Дилворта «New Guide to the English Tongue» (1740; тридцать переизданий за последующие 20 лет), который явился прообразом первых русских учебников. По мнению О.Г. Сидоровой, М. Пермский и П. Жданов, несомненно, пользовались материалами учебника, но их труды – не плагиат, а основательная переработка и адаптация к условиям российской школы. Самым разительным отличием Сидорова считает «их общую тональность, педагогическую и культурологическую направленность» [1, с. 85]. Дилворт «предельно назидателен и серьезен – тексты для тренировки навыков чтения даже односложных слов представляют собой религиозные сентенции, среди дополнительных материалов – только назидательные и верноподданнические отрывки, ни одно из изданий не обходится без текстов молитв» [1, с. 85]. Российские учебники воспринимаются как светские.

В третьей главе рассмотрены ранние учебники московских авторов. Они на четверть века моложе. Первым из москвичей стал Василий Степанович Кряжев (1771–1832). Оставшись сиротой, он в 1776 году был определен в Коммерческое училище при Московском воспитательном доме. Туда же вернулся работать – преподавать языки. Кроме того, он стал известным издателем, публицистом, переводчиком. В 1791 году издал «Руководство к английскому языку», в 1792 – хрестоматию «Избранные сочинения из лучших английских писателей прозою и стихами для упражнения в чтении и переводе», в 1795 – «Английскую грамматику с прибавлением употребительнейших разговоров...». (Позднее он издает комплексы пособий по французскому и немецкому языкам.)

Появление хрестоматии было закономерным и необходимым. О.Г. Сидорова отмечает принципиальное отличие ранних русских учебников от их более поздних аналогов: отсутствие вопросов для контроля понимания материала и упражнений для тренировки. Ученики практиковались именно при чтении текстов, их разборе и переводе на русский. На английском читали балладу О. Голдсмита, «Гамлетов монолог» и «Катонов монолог», стихотворение А. Поупа, «разные отрывки... из периодических сочинений the Rambler... the Spectator» и т.п. [1, с. 99].

В начале XIX века методика преподавания иностранных языков совершенствовалась, и В.С. Кряжев как опытный педагог откликнулся на нововведения – включил упражнения для закрепления пройденного материала.

Второе славное московское имя: Илья Егорович Грузинов (1781–1813). Родился в семье священника. В 1801 году окончил медицинский факультет Московского университета. В 1804 защитил диссертацию в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Командирован за границу для продолжения образования в Европе. После возвращения в 1809 назначен адъюнктом кафедры анатомии, физиологии и судебной медицины Московского университета, через два года – профессором кафедры. Учебник для русских студентов он решил написать еще во время пребывания в Кембридже, и в 1812 году «Английская грамматика» издана. В планах было несколько частей учебника, но замысел осуществлен лишь частично. Одно из его нововведений – оригинальная система транскрипции, основанная на новейших принципах, предложенных носителями языка.

Четвертая глава рецензируемой книги посвящена англо-русским разговорникам. Они предназначались «для обучения иностранному языку посредством заучивания фраз (а также отдельных слов, словосочетаний и фрагментов связного текста), часто расположенных в форме диалога или монолога» [1, с. 119]. В контексте исследования О.Г. Сидоровой – разговорники в учебниках П.И. Жданова, «Разговоры» в учебниках В.С. Кряжева, «Вегелиновы разговоры» (1789, восемь переизданий до 1829 года; самая известная серия разговорников, получившая название по имени автора – Вегелина (Jean Philippe Wegeline), французского преподавателя Московского университета).

При чтении этих разговоров за каждой репликой ощущаешь иные времена, иные нравы: «Малый, за свети свечу», «Пожалуй, достаньте или подайте мне штаны, шлафрок, чулки...», «Шелковые или гарусные?», «Нитяные», «Причеши голову. Причеши парик», «Гребни нечистые» [1, с. 126]. Налицо воспитательная и социокультурная функции разговоров: уче-

никам преподносились модели поведения, правила этикета; через язык они знакомились с достижениями культуры, тенденциями моды и т.п. Любопытен сам строй мыслей эпохи: «Я о чем-то задумался. – Может быть, вы задумались о своей полюбовнице? <...> Может быть, вы задумались о своем должнике? Может быть, засадить его в долговую тюрьму?» [1, с. 127].

«Разговоры» могли использоваться не только для изучения английского, но и русского языка, как это происходило с учебником П. Жданова из собрания Бодлеанской библиотеки.

Я спросила автора о том, как готовилась книга. Ответ предсказуем: по крупицам. Учебники требовали поиска – в Москве, Санкт-Петербурге, Оксфорде. Все это заняло восемь лет – счастливых, как отметила Ольга Григорьевна. Сделанные ею фотографии воспроизводят облик обложек, титульных листов. В отличие от отечественных, английские библиотеки позволяют фотографировать первые учебники, как и другие ценные книги. Автор щедро делится всей найденной информацией; отмечает, например, что Тейлоровский институт русистики (Оксфорд) выложил в свободный доступ в сети Интернет полный текст учебника П. Жданова 1801 года и его «Англо-русский словарь» [1, с. 11].

Искренняя признательность О.Г. Сидоровой за подаренную библиотеке университета книгу.

Литература

1. Сидорова, О.Г. Первые российские учебники английского языка / О.Г. Сидорова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 172 с.
2. Cross, A.G. Early Miss Emmies: English nannies, governesses, and companions in pre-Emancipation Russia / A.G. Cross // New Zealand Slavonic Journal. – 1981. – № 1. – Pp. 222–243.

Р.Л. Красильников

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории, истории культур и этнологии ВоГУ*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ФАУСТОВ С. ГУМАНИТАРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ.

[Б. м.]: Издательские решения, 2016. 85 с.

Одним из значимых (возможно, не только на локальном, но и на российском уровне) литературных событий 2016 года стал проект «Том писателей», разработанный Вологодским отделением Союза российских писателей. В его рамках были опубликованы (в электронном и печатном виде) 12 книг, в том числе прозаиков Анастасии Астафьевой, Ольги Кузнецовой, Натальи Мелехиной, Андрея Пермякова, поэтов Андрея Таюшева, Наталии Боевой, Елены Поповой, Сергея Пахомова, Павла Тимофеева, Антона Черного, Наты Сучковой. Самим по себе созданием сборников на издательских платформах в Интернете уже, конечно, никого не удивит, но серия, выполненная в едином стиле, заставляет задуматься о ее концептуальности и общих принципах. Таковым, например, является установка на разнообразие, которая не могла бы полностью реализоваться без «своего» критика, в роли которого выступил Сергей Фаустов.

Кандидат технических наук, доцент Вологодского государственного университета, изобретатель, он уже давно стал неотъемлемой частью местной писательской среды, в том числе благодаря книге «Харизма вологодской литературы» (1997). Его новая книга называется «Гуманитарные эксперименты».

Как известно, Ф. Бэкон сравнивал метод со светильником, освещающим путнику дорогу в темноте. Возможно, поэтому на обложку книги С. Фаустова помещена фотография фонаря. Он висит на фоне бревенчатой избы, по всей видимости, отсылающей к образу Русского Севера – ареала, в котором и применительно к которому (в первую очередь) работает критик.

Безусловно, обращает на себя внимание название книги. По ходу чтения задумываешься, экспериментирует ли автор с критикой или экспериментальным путем анализирует и интерпретирует источники? В конце концов убеждаешься, что ответы на оба вопроса утвердительные. С одной стороны, С. Фаустов рассуждает о сущности и трансформации современной литературной критики, с другой – в ряде глав применяет к художественным текстам оригинальные методы изучения, в том числе и количественные.

Однако не измерение становится ключевым приемом в исследовании. Преимущественно на первый план выходит качественный анализ, герменевтическая интерпретация смыслов. Но с одним важным дополнением – эта процедура производится наряду с осмыслением современного состояния литературы в целом. И в этом безусловная ценность книги.

Заслуживают внимания размышления С. Фаустова о теперешней «скорости восприятия быстроты

жизни», которую он даже определяет как смысл жизни. Данный тезис рождается после констатации того, что многие составляющие творческого процесса сегодня «исчерпаны»: мода, музыка, живопись, кино, фотоискусство, танец, юмор, этика, спорт. Не со всеми высказываниями критика можно согласиться, но понятно, для чего он так категоричен – для утверждения термина «брахистохрона» (обозначающего кратчайшее время для совершения действия) как «метафорического императива» современности.

Книга кандидата технических наук закономерно пронизана естественнонаучными концепциями. Еще он пишет о «времени разбрасывания камней», о «высокой температуре хаоса», которая соответствует текущему творческому процессу, о «фликкер-шуме» («шуме жизни»), который не останется без внимания у вдумчивого исследователя.

Но наряду с этим новым для гуманитариев знанием есть и интереснейшие экскурсы в область музыки, воспоминания о встречах с зарубежными и отечественными деятелями науки и культуры, обращение к англоязычным источникам. Практически все сопоставления в книге оригинальны и неожиданны. Она расширяет кругозор и сдвигает «тоннельный взгляд» литературоведа, привыкшего к традиционным разбоям.

Особо следует выделить краткую, но емкую характеристику современного, в том числе поэтического, искусства: «самоутверждающая манифестация субъективности, спонтанное рождение нового экспрессионизма, пренебрежение массовой культурой, принявшей новые формы дезинтеграции, например, по географическому признаку, увлеченность различного рода конкурсами» (с. 20). Примечательно следующее утверждение: «сегодня отдельная личность в поэзии важнее школы», – хотя оно несколько противоречит идее «вологодской школы» (с. 20), которая если не декларируется, то угадывается в книгах С. Фаустова.

Не могут не заинтересовать рассуждения критика о «плохом» и «хорошем» искусстве. Критерием здесь, подтвержденным количественным исследованием, становится готовность к многократному восприятию произведения: «плохое» искусство при повторении раздражает, «хорошее» хочется рассматривать снова и снова. Отсюда вытекает и выявленное автором большое число рецензий на качественные тексты на поэтическом портале.

Сетевой характер литературы пронизывает и саму книгу С. Фаустова. Как уже говорилось, она создана на платформе Ridero, которая, по всей видимости,

становится новым оригинальным «местом» издательства вроде Москвы или Нью-Йорка. Автор постоянно ссылается на интернет-ресурсы, которые выглядят теперь как основные источники информации и основное «поле» творчества, в частности словесного.

Возможно, «господство» сети приводит к некоторым неточностям в исследовании. Возникают сомнения относительно связи образа ворона именно с поэзией Э. По, а не с фольклором. Вряд ли стоит уверенно утверждать в аннотации то, что эссе «связаны с реальностью так тесно, как никогда».

В целом заметна фрагментарность книги, слабость ее метасюжета. Это скорее не эксперименты, а

гипотезы, которые лишь намечены, но не утверждены и не развернуты. С. Фаустов говорит: «Когда-нибудь кто-нибудь напишет об этом» (с. 66). А если никто и никогда не напишет? Хотелось бы, чтобы критик следовал «завету» А. Твардовского – максимально полно сказать о том, что «знает лучше всех на свете».

Но нельзя не признать, что книга С. Фаустова чрезвычайно важна для российской и тем более региональной литературы. Ее главной заслугой, на наш взгляд, является честный и непредвзятый поиск языка, с помощью которого можно попытаться описать такой сложный феномен, как современное творчество.

Н.В. Швецова

*главный библиотекарь отдела просветительских программ
Вологодской областной универсальной научной библиотеки
им. И.В. Бабушкина*

Певец любви, отважный воин,
По дарованиям достоин славы он,
По сердцу счастья достоин...

В.А. Жуковский о К.Н. Батюшкове

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВЫХ ИЗДАНИЙ К ЮБИЛЕЮ КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА

Сразу три новых издания, посвященных 230-летию со дня рождения Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855), были представлены читателям 21 сентября 2017 г. в Вологодской областной научной библиотеке.

Все книги были подготовлены и напечатаны в этом году на средства президентского гранта фонда «Перспектива» в рамках реализации проекта «Краеведческая программа “Отечески Пенаты”». Это красочный буклет «К.Н. Батюшков в судьбе России», литературно-краеведческий и художественный альманах «Над Шексной», авторы которого – члены череповецкого литературного объединения, и, наконец, сборник «“Мои Пенаты”. Русская провинция и ее роль в истории культуры», в который вошли материалы Всероссийской научной конференции, посвященной юбилею Батюшкова и проходившей в мае этого года в Вологде.

Буклет «Батюшков в судьбе России» был представлен председателем Вологодской региональной общественной организации «Батюшковское общество» г. Череповца Анатолием Николаевичем Волковым и его заместителем, директором МОУ «Мяксинская школа» Виктором Леонидовичем Леонтьевым.

На страницах красочного буклета, изданного «Батюшковским обществом», собран интересный материал, рассказывающий о жизненном и творческом пути поэта, о его месте и роли в истории отечественной литературы и культуры, приведены высказывания

о поэте, сделанные литераторами разных эпох, которые высоко ценили его поэтический дар.

Популяризация творчества и увековечение памяти, сохранение «гения места» – деревни Хантаново, проведение мероприятий, посвященных поэзии Батюшкова – вот только немного из того, что в течение семнадцати лет делают члены ВООО «Батюшковское общество». И прежде всего это значительные усилия по сохранению Хантанова и его окрестностей – благоустройство и озеленение парка, установление архитектурных сооружений («Беседка муз»), создание литературного музея и проведение литературно-театрализованных праздников.

Также общество занимается издательской и просветительской деятельностью. Так, за все время его существования из печати вышли шесть интереснейших сборников, среди которых были буклеты, сборники научных трудов и художественные произведения. Важное место на страницах буклета уделено просветительской деятельности: организации и проведению ежегодного литературно-краеведческого праздника «Мои Пенаты». Много ценных сведений содержится и на страницах, рассказывающих о редких батюшковских материалах в собраниях Всероссийского музея А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге и памятниках поэту, установленных в разных городах России и Украины.

Обращаясь к студентам Вологодского педагогического колледжа, Анатолий Николаевич сказал: «Для

нас и наших современников Батюшков ценен прежде всего тем, что является единственным поэтом Золотого века русской поэзии, который представляет Вологодскую землю. Пример тому – знаменитое стихотворение «Мои пенаты». Он был истинным патриотом своей родины. Как нам сейчас не хватает этого осознания, патриотического чувства! ...Нам не хватает живого слова Батюшкова. Оно должно звучать по радио, на телевидении, в спектаклях и литературных композициях, чтобы мы могли слушать и понимать стихотворный посыл поэта, разделять мысли, которые не потеряли актуальности до сих пор».

Продолжая тему, директор Мяксинской школы Виктор Леонтьев заметил, что для жителей Хантанова в течение долгих лет слова «Батюшков» и «батюшко» были одинаковыми по значению. И хотя о владельцах имения – Батюшковых – долгое время не говорили, все равно память о них осталась в народе. Сегодня важно, что увековечением этой памяти занимается молодежь.

Альманах «Над Шексной» поразили своей насыщенностью и качественным литературным содержанием. На его обложке изображена знаменитая хантановская «Беседка муз». Все материалы, вошедшие в альманах, были подробно освещены поэтессой, председателем Череповецкого литературного объединения Еленой Васильевной Максимовой.

Содержание книги разделено на несколько важных частей. В первой части опубликованы воспоминания и статьи о К.Н. Батюшкове; материалы о его боевом пути и реликвиях, связанных с его именем. Раздел «Поэзия» предлагает читателям стихи череповецких авторов – Натальи Абросимовой, Елены Максимовой, Нины Кожинной, Николая Войтенко и дру-

гих. Третий раздел – «Песенный Череповец» – публикует не только слова песен, но и ноты к ним.

Ученый секретарь областной библиотеки Ирина Евгеньевна Колесова представила сборник научных статей «Мои Пенаты», в который вошли статьи, написанные на основе докладов на Всероссийской конференции к 230-летию со дня рождения поэта. Участниками этого мероприятия в мае текущего года стали ведущие отечественные ученые – литературоведы, искусствоведы и историки; сотрудники библиотек, архивов и музеев из разных городов нашей страны, в том числе Вологды, Череповца, Устюжны. Среди них были гости Вологды – литературоведы из Нижнего Новгорода, Казани, Санкт-Петербурга В.А. Кошелев, А.Н. Пашкуров, Н.П. Морозова и Л.Е. Мисайлиди; исследователи из Вологды, Череповца, Можайского и Даниловского – И.В. Чекалова, М.Е. Даен, В.П. Лебедев, М.Л. Колесова, И.В. Чусова, А.Н. Волков, М.А. Волкова, М.А. Базанова, М.А. Стукова, С.Ю. Белова и другие.

Прекрасным дополнением презентации батюшковских изданий стали классические музыкальные произведения, которые исполняли лауреаты всероссийских и международных конкурсов Марина Алексеева (вокал) и Вера Малышева (фортепиано). Для участников мероприятия звучали фрагменты знаменитого «Батюшковского вальса» В.А. Гаврилина и романсы М.И. Глинки «Бедный певец» на стихи В.А. Жуковского и «Мой гений» на стихи К.Н. Батюшкова.

В презентации приняли активное участие студенты первого курса Вологодского областного педагогического колледжа и читатели областной библиотеки, которые любят поэзию Константина Батюшкова.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адаменко Ольга Николаевна

кандидат исторических наук, директор Общества с ограниченной ответственностью «Старый город» (Вологда, Россия)
aonVGPU@yandex.ru

Алексенко Майя Александровна

аспирант кафедры истории факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия)
krutaya.20112011@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич

доктор философских наук, профессор, профессор Института философии РАН (Москва, Россия)
obucks@mail.ru

Воропанов Виталий Александрович

кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Челябинск, Россия)
vvoropanov@yandex.ru

Ганин Владимир Николаевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия)
vladgan99@yandex.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Зорина Людмила Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafrus@mh.vstu.edu.ru

Ильина Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
filfak@list.ru

Камкин Александр Васильевич

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории культур и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafticie@mh.vstu.edu.ru

Карпов Сергей Григорьевич

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
ksg-asics@yandex.ru

Карпова Василиса Владимировна

аспирант кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации филологического факультета Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
vasilisakarpova@gmail.com

Ковтун Кирилл Владимирович

аспирант кафедры философии гуманитарного факультета Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kirillkovtun@gmail.com

Колесова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, ученый секретарь Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина (Вологда, Россия)
mika-vologda@mail.ru

Красильников Роман Леонидович

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории культур и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
krasilnikov.rl@gmail.com

Масляков Владимир Владимирович

доктор медицинских наук, профессор, проректор по научной работе и связям с общественностью, зав. кафедрой клинической медицины филиала частного учреждения образовательной организации высшего образования «Медицинский университет “Реавиз”» в городе Саратове «Саратовский медицинский университет “РЕАВИЗ”» (Саратов, Россия)
maslyakov@inbox.ru

Никитин Олег Викторович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета (Москва, Россия)
olnikitin@yandex.ru

Осипова Ксения Викторовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
osipova.ks.v.@yandex.ru

Розова Наталия Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
rozova-natali@mail.ru

Скоробогатова Анна Викторовна

аспирант кафедры философии факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия)
9197775727@bk.ru

Сноу Филип

почетный научный сотрудник кафедры истории Гонконгского университета (Гонконг)
whitsun@hkstar.com

Тихов Николай Анатольевич

журналист радиостанции «Эхо Вологды» (Вологда, Россия)
nick-number-one@yandex.ru

Толочкова Анна Николаевна

ассистент кафедры гуманитарных наук филиала частного учреждения образовательной организации высшего образования «Медицинский университет “Реавиз”» в городе Саратове «Саратовский медицинский университет “РЕАВИЗ”» (Саратов, Россия)
mail@reaviz.ru

Толочкова Татьяна Николаевна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук филиала частного учреждения образовательной организации высшего образования «Медицинский университет “Реавиз”» в городе Саратове «Саратовский медицинский университет “РЕАВИЗ”» (Саратов, Россия)
mail@reaviz.ru

Халвицкая Ольга Леонидовна

магистр педагогического образования, учитель физики средней общеобразовательной школы № 13 г. Вологды (Вологда, Россия)
olga369@mail.ru

Черкасова Марина Сергеевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории культур и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
mscherkasova@mail.ru

Шайтанов Игорь Олегович

доктор филологических наук, профессор, директор Центра современных компаративных исследований РГГУ, ведущий научный сотрудник РАНХиГС, главный редактор журнала «Вопросы литературы» (Москва, Россия)
vorlit@mail.ru

Швецова Наталья Валентиновна

главный библиотекарь отдела просветительских программ Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина (Вологда, Россия)
vologda_reader@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Adamenko Olga Nikolaevna

Candidate of History, Director of *Staryj Gogod* (Old Town) Company (Vologda, Russia)
aonVGPU@yandex.ru

Aleksenko Mayja Aleksandrovna

Post-graduate student of the Department of History, the Faculty of Humanities and Social Sciences, Orenburg State University (Orenburg, Russia)
krutaya.20112011@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich

Doctor of Philosophy, Professor, The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
obucks@mail.ru

Voropanov Vitalij Aleksandrovich

Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration, Legal Support of State and Municipal Service, Chelyabinsk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk, Russia)
vvoropanov@yandex.ru

Ganin Vladimir Nikolaevich

Doctor of Philology, Professor, Professor of the World Literature Department, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
vladgan99@yandex.ru

Yegorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Language Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Zorina Lyudmila Yurievna

Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafrus@mh.vstu.edu.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
filfak@list.ru

Kamkin Aleksandr Vasilievich

Doctor of History, Professor, Head of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafticie@mh.vstu.edu.ru

Karpov Sergej Grigorievich

Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Russian History Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
ksg-asics@yandex.ru

Karpova Vasilisa Vladimirovna

Post-graduate student of the Department of the Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
vasilisakarpova@gmail.com

Kovtun Kirill Vladimirovich

Post-graduate student of the Department of Philosophy, the Faculty of Humanities, Vologda State University (Vologda, Russia)
kirillkovtun@gmail.com

Kolesova Irina Evgenyevna

Candidate of Philology, Academic Secretary of the Vologda Regional Academic Library (Vologda, Russia)
mika-vologda@mail.ru

Krasilnikov Roman Leonidovich

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
krasilnikov.rl@gmail.com

Maslyakov Vladimir Vladimirovich

Doctor of Medical Sciences, Professor, Vice-rector for Scientific Work and Public Relations, Head of the Department of Clinical Medicine, Saratov Branch of the Private Educational Institution of Higher Education Medical University "REAVIZ", Saratov Medical University "REAVIZ" (Saratov, Russia)
maslyakov@inbox.ru

Nikitin Oleg Viktorovich

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the History of the Russian Language and General Linguistics at the Faculty of Russian Philology, Institute of History and Philology of the Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
olnikitin@yandex.ru

Osipova Ksenia Viktorovna

Candidate of Philology, Senior Researcher of the Toponymic Laboratory, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
osipova.ks.v.@yandex.ru

Rozova Natalia Borisovna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Physics and Methods of Teaching Physics, Vologda State University (Vologda, Russia)
rozova-natali@mail.ru

Skorobogatova Anna Viktorovna

Post-graduate student of the Philosophy Department, the Faculty of Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
9197775727@bk.ru

Snow Philip

Honorary Research Associate of the History Department of the University of Hong Kong
whitsun@hkstar.com

Tihov Nikolaj Anatolievich

Journalist of the *Ekho Vologdy* radio station (Vologda, Russia)
nick-number-one@yandex.ru

Tolochkova Anna Nikolaevna

Assistant of the Department of Humanities, Saratov Branch of the Private Educational Institution of Higher Education Medical University "REAVIZ", Saratov Medical University "REAVIZ" (Saratov, Russia)
mail@reaviz.ru

Tolochkova Tatyana Nikolaevna

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities, Saratov Branch of the Private Educational Institution of Higher Education Medical University "REAVIZ", Saratov Medical University "REAVIZ" (Saratov, Russia)
mail@reaviz.ru

Halvitskaya Olga Leonidovna

Master of Pedagogy, Teacher of Physics, Secondary School № 13 (Vologda, Russia)
olga369@mail.ru

Cherkasova Marina Sergeevna

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
mscherkasova@mail.ru

Shaytanov Igor Olegovich

Doctor of Philology, Professor, Director of the Centre for Comparative Research of the Russian State University for the Humanities, Leading Researcher of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Editor-in-Chief of *Voprosy literatury* (Russian Studies in Literature) journal (Moscow, Russia)
voplit@mail.ru

Shvetsova Natalia Valentinovna

Chief Librarian of the Department of Educational Programs of the Vologda Regional Academic Library (Vologda, Russia)
vologda_reader@bk.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Подписано в печать 02.11.2017. Формат 60 х 84/8.
Усл. п. л. 13,75. Тираж 1000 экз. (Первый оттиск 100 экз.) Заказ № .

160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, ВоГУ.
Отпечатано: ИП Киселев А.В.
160000, г. Вологда, Пошехонское шоссе, д. 18, корпус Н.